

ВѢРА И РАЗУМЪ

ЖУРНАЛЪ БОГОСЛОВСКО-ФИЛОСОФСКІЙ.

1914.

№ 23.

ДЕКАБРЬ — книжка первая.

СОДЕРЖАНІЕ:

I. ОТДѢЛА БОГОСЛОВСКО-ФИЛОСОФСКАГО:

- Рѣчь, произнесенная при встрѣчѣ Государыни Императрицы Александры Теодоровны въ Харьковскомъ Кафедральномъ Соборѣ, 5 Декабря. **Высокопреосвященнаго Антонія** 627—629
- Опытъ Нравственнаго православнаго Богословія въ апологетическомъ освѣщеніи. (Продолж.). **Прот.-Проф. Н. Стеллецкаго** 630—654
- Война и миръ. **Свящ. Д. Ромашкова** 655—666
- Основы вѣры и знанія (религіи и науки) по даннымъ языка. (Продолж.). **А. Ветухова** 667—680
- Сущность жизни. (Продолж.). **Свящ. М. Струминскаго**. 681—711
- Воспоминаніе о Кіевской Духовн. Академіи. (1852—1862 г.г.). **Веофана Доброленскаго** 712—720
- Православно-христіанское ученіе объ истинной вѣрѣ и жизни. (Приложеніе). **Прот. Д. Попова** 23—54

II. ОТДѢЛА ИЗВѢСТІЙ И ЗАМѢТОКЪ по ХАРЬКОВСКОЙ ЕПАРХІИ:

I. Высочайшая награда.—Указъ Его Императорскаго Величества, Самодержца Всероссійскаго, изъ Святѣйшаго Правительствующаго Синода.—Отъ Романовскаго комитета.—Богослужebные запросы.—Помогите родной Галичинѣ!--Отъ Правленія Общества вспоможенія нуждающимся воспитанникамъ Харьковской Духовной Семинаріи.—Епархіальныя извѣщенія.—II. Духовенству Харьковской епархіи отъ епархіальной издательской комиссіи.—„Быль-ли Іисусъ Христосъ революционеромъ“.—Рождество Христово. *Свящ. Василия Григоревича*.—Нашему сердитому критику. *Священ. Н. Липскаго*.—Епархіальная хроника.—Иноепархіальный отдѣлъ.—Разныя извѣстія и замѣтки.—Объявлен.—(Стр. 721—766).

ХАРЬКОВЪ.

Епархіальная Типографія, Каплуновская улица, д. № 2.

1914.

„ВѢРА и РАЗУМЪ“

СОСТОИТЪ ИЗЪ ДВУХЪ ОТДѢЛОВЪ:

1) Отдѣла богословско-философскаго и 2) Извѣстій и замѣтокъ по Харьковской епархіи.

Образцаи академическо-направленнаго журнала: часть статей, прежде всего, церковнаго характера. Съ научно-академическою же целью въ этомъ журналѣ помѣщаются изслѣдованія изъ области философіи вообще и въ частности изъ психологіи, метафизики и исторіи философіи. Наконецъ въ немъ заключается отдѣлъ подъ названіемъ: „Извѣстія и замѣтки по Харьковской епархіи“. Въ этотъ отдѣлъ входятъ постановленія и распоряженія правительственной власти, церковной и гражданской, центральной и мѣстной; статьи и замѣтки руководственно-наставительнаго характера; свѣдѣнія о внутренней жизни епархіи; перечень текущихъ важнѣйшихъ событій церковной, государственной и общественной жизни и другія извѣстія, полезныя для духовенства и его прихожанъ въ сельскомъ быту.

Журналъ выходитъ отдѣльными книжками **ДВА РАЗА** въ мѣсяць, по девяти и болѣе печатныхъ листовъ въ каждой книжкѣ, т. е. годовое изданіе журнала состоитъ изъ 24 выпусковъ съ текстомъ богословско-философскаго содержанія свыше 200 печатныхъ листовъ.

Цѣна за годовое изданіе внутри Россіи 10 р., за границу 12 р. съ пересылкою.

Разорочка въ уплатѣ не допускается.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ: въ **Харьковѣ:** въ редакціи журнала «Вѣра и Разумъ» при Харьковской духовной семинаріи, въ Харьковскыхъ отдѣленіяхъ «Новаго Времени», во всѣхъ остальныхъ книжныхъ магазинахъ г. Харькова; въ **Москвѣ:** въ конторѣ Н. Печковской, Петровскія линіи; въ кн. магазинѣ И. Д. Сытина; въ **Петроградѣ:** въ книжномъ магазинѣ г. Тузова, Гостиная дв., № 45. Въ остальныхъ городахъ Имперіи подписка на журналъ принимается во всѣхъ извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ и во всѣхъ отдѣленіяхъ «Новаго Времени».

Въ редакціи журнала „Вѣра и Разумъ“ можно получать полный комплектъ изданія за 1913 г. за **8 руб.** съ перес. За другіе годы экземпляры журнала могутъ быть приобретаемы по особому соглашенію съ Редакціей.

ВЪ РЕДАКЦИИ ПРОДАЕТСЯ:

СОБРАНІЕ СЛОВЪ и РЪЧЕЙ Высокопрвосвященнаго Арсенія Архіепископа Харьковскаго и Ахтырскаго, говоренныхъ въ разныхъ мѣстахъ его служенія. **Цѣна за 8 книгъ 8 рублей** съ пересылкой. Весь чистый доходъ поступаетъ согласно волѣ Его Высокопрвосвященства, Архіепископа Арсенія, въ пользу **Общества вспомоществованія нуждающимся воспитанникамъ Харьковской Духовной Семинаріи.**

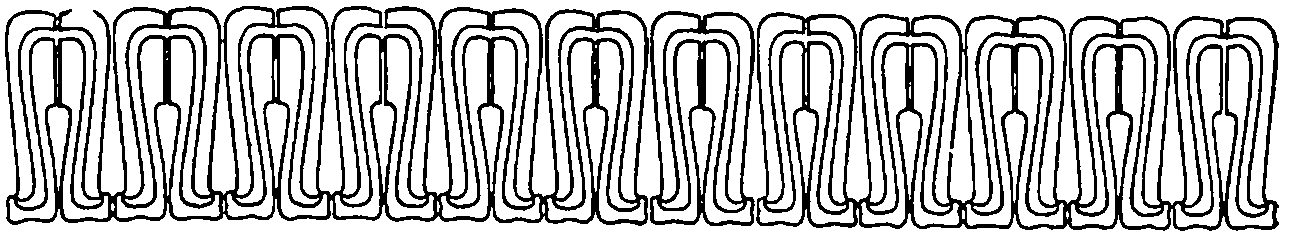
Πίστις νοοῦμεν.

Вѣрою разумѣваемъ.

Евр. XI.

Дозволено цензурою. Харьковъ, 15 Декабря 1914 года.

Цензоръ Протоіерей Петръ Томинъ.

Р ѣ ч ь

Высокопреосвященнаго АНТОНІЯ,

Архіепископа Харьковскаго,

**произнесенная при встрѣчѣ Государыни Императрицы
Александры Ѳеодоровны въ Харьковскомъ Кафедраль-
номъ Соборѣ, 5 Декабря.**

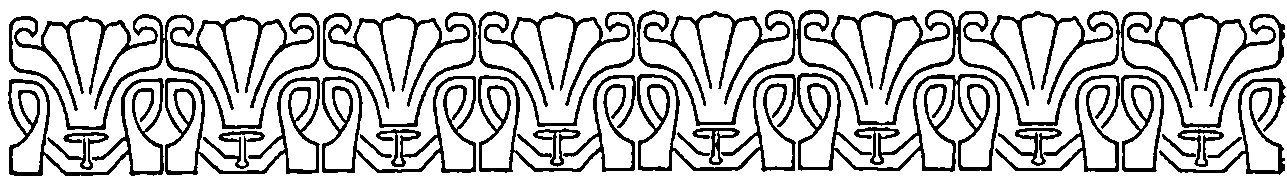
„Благочестивѣйшая Государыня! Вслѣдъ за Твоимъ Вѣнценоснымъ Супругомъ обходишь Ты многочисленные грады нашего отечества, сопровождаемая умиленнымъ восторгомъ народа; но не эти, хотя и весьма искреннія чествованія, побуждаютъ Тебя оставлять излюбленное Тобою уединеніе въ родной Семьѣ: Тебя влекутъ по Россіи стоны раненыхъ, слезы страдальцевъ, утишить и осушить которыя спѣшишь Ты вмѣстѣ со Своими Царственными Дщерями. Великое дѣло явить любовь и ласку раненому страдальцу: больные люди—это тѣ же дѣти и подобно дѣтямъ нуждаются въ ласкѣ и утѣшеніи болѣе, чѣмъ въ лѣкарствахъ. Однако, такое сходство больны́хъ съ дѣтьми вовсе не обозначаетъ какого-либо упадка въ ихъ умственной жизни: напротивъ, не напрасно сказалъ апостоль Петръ, что страдающій плотью пере-

станеть грѣшить. Страданіе освобождаетъ человѣка отъ грѣховныхъ страстей и отъ увлеченія корыстолюбіемъ, тщеславіемъ и др. грѣхами, отъ которыхъ черствѣетъ человѣческое сердце и дѣлается замкнутымъ и недоступнымъ для дружелюбныхъ чувствъ. Сверхъ того, побывавъ передъ вратами смерти, раненый страдалецъ собственнымъ опытомъ познаетъ суетность и ничтожество всего земного, кромѣ той единственной цѣнности на землѣ, которая не оканчивается этою жизнью, но имѣетъ вѣчно торжествующее значеніе. Эта цѣнность и есть та безкорыстная любовь и смиренное сострадательное участіе, на которыя такъ чутко откликаются неиспорченныя дѣти и которыя вновь цѣнить научаются взрослые, испытавъ близость смерти и перенося страданія. Впрочемъ, не одни раненые цѣнятъ этотъ подвигъ любви, эту христіанскую ласку, съ которыми приходишь къ нимъ Ты и Твои юныя Дщери. Вѣдь, за нашими умирающими воинами сокрушаются и сердца всего русскаго народа, стоны раненыхъ ощущаются душами и всѣхъ, здравствующихъ, и потому вся Россія, не чуждая и въ мирное время разумѣнія духовныхъ цѣнностей, въ настоящую годину испытанія признала ихъ почти въ той же степени, какъ и ея достолюбезные раненые страдальцы, осчастливленные Царскимъ привѣтомъ. Да, Россія знаетъ и чувствуетъ, что вмѣстѣ съ кровью ея сыновъ пролита и кровь Царская, кровь близкаго Родича ея Государя; Россія знаетъ, что среди ея дщереи, отдавшихъ себя на трудное служеніе раненымъ въ качествѣ сестеръ милосердія, состоятъ и Сестра ея Государя и Сестра ея Государыни; Россія знаетъ, что Царскія Дщери, изучивши дѣло ухода за больными, тоже трудятся въ столичныхъ лазаретахъ, а Сами Государь и Го-

сударыня стараются посѣтить почти всѣ тѣ города, гдѣ имѣется преимущественное скопленіе страдальцевъ-воиновъ.

Вотъ почему такъ неистоцимо терпѣніе, такъ неодолима храбрость сыновъ Россіи, призванныхъ подѣ воинскія знамена, вотъ почему такъ обильны сборы и жертвы мирныхъ сыновъ Россіи на военныя нужды; вотъ почему такъ неудержимо стремленіе ея юношей вступить добровольцами въ ряды воиновъ; Россія видитъ и чувствуетъ, что въ Царской Семѣѣ осуществляются ея самыя святыя убѣжденія и взгляды на жизнь, когда Царственная Семья старается подражать Оному Сыну человѣческому, Который сошелъ къ людямъ не „да послужать Ему, но да послужить и дать душу свою за избавленіе за многи“.

Опытъ Нравственнаго православнаго Богословія въ апологетическомъ освѣщеніи.

(Продолженіе *).

XLIV.

Эстетическое образованіе сердца съ христіански—нравственной точки зрѣнія.

Представленіе о прекрасномъ, развитіе котораго составляетъ предметъ *эстетическаго образованія сердца*, по своей внутренней сущности, весьма близко соприкасается съ понятіемъ о разумномъ, объ *истинномъ* и нерѣдко служитъ выраженіемъ послѣдняго. Идея красоты, вплетаясь въ наше мышленіе и проникая его собою, побуждаетъ насъ къ полнотѣ, цѣлостности и законченности знанія, къ изяществу внѣшней формы нашихъ мыслей, благодаря чему самая мысль пріобрѣтаетъ особенную выразительность и силу. Потѣсной связи своей съ понятіемъ о разумномъ, объ истинномъ, искусство, осуществляющее собою идею прекраснаго, еще въ древности называлось „учителемъ народовъ¹⁾“. Не уча насъ прямо, оно при посредствѣ художественныхъ формъ показываетъ намъ истину *in concreto*,—какъ предметъ нагляднаго созерцанія, являетъ ее намъ гораздо болѣе осяза-

*) См. ж. „Вѣра и Разумъ“ № 12 за 1914 г.

¹⁾ *Мартенсенъ*. „Христ. ученіе о нравственности“, т. II, стр. 689.—Въ духѣ этого названія *Пивагоръ* говорилъ: „въ жизни, какъ въ статуѣ, всѣ части должны быть строго соразмѣренны“. Такова именно жизнь мудреца: „когда мудрецъ откроетъ уста свои, то изъ нихъ виднѣется красота души его, какъ изъ храма, когда откроютъ его двери, виднѣются красивыя статуи“. (И. К. „Изреченія древнѣйшихъ греческихъ мыслителей“. Харьковъ, 1887 г.)

тельнымъ образомъ, чѣмъ наука, которая преподноситъ намъ истину in abstracto, въ формѣ общихъ отвлеченныхъ понятій, не для всякаго доступныхъ. Созерцаніе красоты въ нѣкоторыхъ случаяхъ можетъ даже болѣе приблизить насъ къ истинѣ, чѣмъ чисто опытное или разсудочное теоретическое изслѣдованіе. Поэтому-то, напр., Шиллеръ—этотъ поклонникъ прекраснаго, философъ и поэтъ—отдаетъ эстетическому созерцанію истины рѣшительное предпочтеніе предъ ея теоретическимъ постиженіемъ. Всякій знаетъ, что можно заниматься рѣшеніемъ научныхъ вопросовъ, „касаясь ихъ лишь щупальцами холоднаго разсудка“, по выраженію Ницше. Имѣя это въ виду, Шиллеръ ставитъ идеаль, чтобы всякое знаніе „созрѣвало до красоты“, т. е. чтобы истина усвоилась не однимъ только холоднымъ умомъ человѣка, но и всѣмъ его существомъ, чтобы она переживалась имъ въ себѣ, какъ переживается красота въ моментъ наслажденія ею¹⁾. Отсюда понятно, почему искусство можетъ давать познаніе истины большинству людей, между тѣмъ какъ наука служитъ только сравнительно меньшему кругу людей.

Принимая во вниманіе сказанное, можно дать слѣдующее опредѣленіе искусства: оно „есть“,—скажемъ словами преосвящ. *Амеросія*, архіепископа Харьковскаго,—„родъ душевной дѣятельности, въ которомъ людьми, особо одаренными, *идеи ума*, ясно сознанья и усвоенныя сердцемъ, силою фантазіи, по законамъ изящнаго, воплощаются въ образахъ посредствомъ слова, или удобнаго для этого вещества“²⁾. Выходя изъ этого понятія объ искусствѣ, святитель опредѣляетъ цѣль его такимъ образомъ: „Силою красоты и ея впечатлѣній привлекать и прививать истину въ сердцахъ человѣческихъ, такъ какъ, по слову Спасителя, только истина можетъ „освободить“ человѣчество отъ заблужденій, а вмѣстѣ съ тѣмъ и отъ пороковъ и недостатковъ (Іоан. 8, 32)³⁾; она же отражаетъ и всѣхъ враговъ человѣческаго совершенства и преспѣянія, какъ молится Псалмопѣвецъ: „истиною Твоею потреби ихъ“ (Пс. 53, 7).

¹⁾ *Павель Левитовъ*. „Истина и красота“. „Вѣра и Разумъ“ 1904 г. № 11, стр. 425—426.

²⁾ „О значеніи искусства въ дѣлѣ воспитанія и образованія“. „Вѣра и Раз.“ 1898 г., № 2, стр. 63.

³⁾ Тамъ же, стр. 72.

Есть мыслители, которые утверждаютъ, будто бы удовольствіе, получаемое отъ созерцанія красоты, есть нѣчто *случайное*, не существенное для нашей природы, и искусство служить только къ тому, чтобы болѣе прочно и удобно закрѣпить то удовольствіе, которое доставляетъ намъ скоропроходящая красота природы¹⁾. Но созерцаніе прекраснаго и восхищеніе красотою не есть явленіе случайное, а существенное и сродное нашему духу. О музыкѣ, напр., св. Григорій Нисскій прямо заявляетъ, что она „согласна съ нашимъ *естествомъ*“²⁾. Заявленіе это настолько характерно, что заставляетъ предположить подобное же отношеніе и къ другимъ искусствамъ. Вѣдь, всѣ искусства такъ близки между собою по своей цѣли и самому источнику. А св. отецъ, какъ увидимъ ниже, и высказываетъ благопріятныя мысли объ источникѣ всѣхъ искусствъ, именно о *примышленіи* (какъ онъ своеобразно выражается), т. е. о творческой способности человѣческой души. „Почему“,—спрашиваетъ *Ульрици*, „способность созерцать прекрасное есть только у человѣка, но нѣтъ ея у животныхъ? Объясненіемъ этого служитъ то, что въ существѣ человѣка есть *влеченіе* къ прекрасному. Влеченіе это такъ же глубоко лежитъ въ природѣ человѣка, какъ и всѣ другія влеченія.. Оно обнаруживается уже въ дѣтяхъ тѣмъ, что они любятъ наряжаться и съ удовольствіемъ смотрятъ на свою наряженную фигуру. У мужчинъ и женщинъ, у народовъ цивилизованныхъ и, такъ называемыхъ, дикарей влеченіе это обнаруживается также очень замѣтно“³⁾. Всякій призванъ принимать то или другое участіе въ

¹⁾ Потребность красоты, по мнѣнію подобнаго рода мыслителей, есть только свидѣтельство несовершенства нашей природы, и созданіе красоты, какъ прямо утверждаетъ *Мендельсонъ* (1729—1786) и непрямо намекаетъ *Кантъ*, не входило въ планы Божественнаго творчества. Особенно рѣзко выразилось презрѣніе къ красотѣ въ нашей литературѣ. Красота, по ученію *Чернышевскаго* и его послѣдователей, принадлежитъ къ кругу бесполезнаго, ни для чего не нужнаго, составляющаго праздную забаву для праздныхъ людей (См. *Е. Амфиатовъ*. „Историческій обзоръ ученій о красотѣ и искусствѣ“. „Вѣра и Разумъ“. 1889, № 19, стр. 293—296; № 23, стр. 475—499; 1890-г. № 6. стр. 258.

²⁾ Творенія, т. II, стр. 13. Москва, 1861 г.

³⁾ *В. И. Голубинскій*. „Нравственная природа человѣка“. „Правос. Собесѣдникъ“. 1877 г. декабрь, стр. 610—611.

искусствѣ, стремящемся развить и удовлетворить чувство красоты, и если онъ не производитъ ничего въ этой области, то, по крайней мѣрѣ, наслаждается красотой. Самый простой человѣкъ, если онъ не подавленъ совершенно житейскими инстинктами, своимъ умомъ и трудомъ немало жертвуетъ для красоты. И чѣмъ выше человѣкъ по своему развитію, чѣмъ менѣе подавленъ онъ физической нуждой, тѣмъ болѣе жертвуетъ онъ для красоты, тѣмъ болѣе умственной и физической работы употребляетъ онъ для нея.

Самъ Богъ есть Высочайшая Красота 1). То же должно сказать и объ отраженіи этой красоты въ природѣ и искусствѣ. Творецъ назвалъ природу, какъ во всей совокупности, такъ и въ отдѣльныхъ частяхъ ея „хорошею весьма“ (Быт. 1, 31), конечно, въ смыслѣ соответствія формы съ творческой идеей, или того, что составляетъ сущность прекраснаго въ художественномъ творествѣ, въ которомъ матерія преобразуется сообразно съ идеей прекраснаго и какъ бы одухотворяется, освобождаясь отъ своихъ грубо чувственныхъ свойствъ 2). „Природа“,—говоритъ *Н. Иванцовъ*,— „великая и вѣчная вдохновительница художниковъ, и во всѣхъ нашихъ образахъ, во всѣхъ эстетическихъ переживаніяхъ предметовъ проявляется уже врожденное, бессознательное искусство“ 3). Первымъ же „Высочайшимъ Художникомъ“ является, по словамъ *св. Іоанна Златоуста*, Самъ Творецъ природы—Богъ 4), Который „всему видимому далъ надлежащій порядокъ и красоту“ 5). Но Богъ не только Творецъ красоты, но и Первоисточникъ ея, и отъ Него получаютъ красоту, какъ сотворенныя Имъ вещи, такъ и самъ человѣкъ, по своей духовной природѣ имѣющій образъ и подобіе Божіе. „Любовь“,—говоритъ *св. Іоаннъ Златоустъ*,—„обыкновенно возбуждаетъ въ насъ слѣдующіе три предмета: или тѣлесная красота,

1) Ср. *Гр. Л. Толстой*. „Что такое искусство“. Москва, 1898 г. стр. 41.

2) Красота извѣстнаго предмета именно и состоитъ въ томъ, что идея какъ бы просвѣчиваетъ сквозь его чувственную оболочку, такъ что онъ, оставаясь матеріальнымъ; въ то же время носитъ въ себѣ яркую печать духа.

3) „Искусство и природа“. „Вопросы философіи и психологіи“. 1895 г. сент. 426 и дал.

4) Творенія, т. IV, стр. 122. Спб. 1898 г.

5) Творенія, т. IV, стр. 56.

или великое благодѣяніе, или любовь къ намъ другого. Каждый изъ этихъ предметовъ, самъ по себѣ можетъ воспламенить нашу любовь... Въ Богѣ же не одно только, но всѣ три совершенства можно видѣть въ такой высокой степени, что невозможно выразить ихъ словами. И во-первыхъ, красота этого блаженнаго и нетлѣннаго Существа неизъяснима, ни съ чѣмъ несравненна, превосходитъ всякаго слова и выше всякаго разумѣнія“ и т. д. ¹⁾ „Кто не вѣруетъ въ Господа“—пишетъ, *св. Василій Великій*,—„тотъ не близокъ къ природѣ истинной Красоты, и не пускается въ умозрѣніе о Ней. Ибо... только въ Божіемъ естествѣ познается собственно прекрасное, согласно съ Псалмомъ, въ которомъ сказано: „красотою Твоею и добротою Твоею“ ²⁾. Будучи Источникомъ красоты, Богъ научаетъ главному возбуждателю красоты—искусству и людей. О нѣкоемъ Веселіилѣ, назначенномъ для художественнаго украшенія скиніи, отъ лица Самого Бога говорится Моисею: „Я исполнилъ его *Духомъ Божіимъ*, мудростію и всякимъ искусствомъ составлять искусныя ткани, работать изъ золота, серебра и мѣди, рѣзать камни для вставляванія и рѣзать дерево и дѣлать всякую художественную работу“ (Исх. 31, 1 и дал.). „Когда при Моисеѣ въ пустынѣ строилась скинія“,—говоритъ *св. Іоаннъ Златоустъ*—„то, безъ сомнѣнія, въ то время была нужда... въ дарѣ зодчаго, какимъ образомъ приготовить виссонъ, гіацинтъ, багряницу, порфиру. Богъ сообщилъ благодатный даръ—зодческій, даръ сшивать и ткать, плавить золото, обдѣлывать камни и соединять ихъ“ ³⁾. И по мнѣнію *св. Григорія Нисскаго*, искусство ведетъ свое начало отъ Бога: „*примышленіе*“ (т. е. творческая сила человѣческаго ума),—говоритъ онъ,—„есть драгоцѣннѣйшее изъ всѣхъ благъ, данное Богомъ“, ибо въ книгѣ Іова гово-

¹⁾ Творенія, т. V, стр. 156.—Подобный же взглядъ на первоисточникъ красоты высказалъ и языческій философъ *Плотинъ*, слѣдовавшій въ этомъ случаѣ своему учителю *Платону* и въ свою очередь оказавшій вліяніе на такихъ великихъ отцевъ Церкви, какъ *Кириллъ Іерусалимскій*, *Василій Великій* и *Григорій Богословъ*. (См. С. А. Ананьинъ. „Ученіе Плотина о прекрасномъ“. „Вѣра и Разумъ“. 1903 г., № 3, стр. 99. ср. 104).

²⁾ Творенія, изд. 3. ч. II. Москва 1891 г., стр. 192.

³⁾ Творенія, т. III, стр. 882 и дал.

рится, что Богъ „Самъ научилъ человѣка искусству и даровалъ женѣ—умѣнье ткать и *вышивать узоры*“¹⁾. Къ такимъ искусствамъ, происходящимъ, по мнѣнію св. отца, отъ Бога, т. е. отъ даннаго Богомъ для *примышленія* ихъ ума, Григорій Нисскій относитъ, очевидно, и живопись („узоры, вѣдь, не далеки отъ живописи), потому что на возраженіе, что человѣкомъ *примышляется* иногда и нѣчто негодное, даетъ отвѣтъ, что это уже злоупотребленіе дарованными отъ Бога способностями, которое возможно во всякомъ искусствѣ, въ томъ числѣ и въ живописномъ²⁾.

Будучи даромъ Божиимъ по своему существу, человѣческое искусство самымъ своимъ происхожденіемъ непосредственно обязано присущей религіозному чувству потребности искать своего выраженія во внѣшнемъ культѣ. Высшее призваніе искусства состоитъ въ томъ, „чтобы быть жрицею, которая въ образѣ прекраснаго повѣдаетъ народамъ тайны высшаго міра“³⁾. Но если искусство возникло и не изъ религіозныхъ, а чисто эстетическихъ потребностей человѣческаго духа, то во всякомъ случаѣ оно, какъ выражающее собою жизнь духовную, всегда находилось въ ближайшей связи съ религіей, какъ областію духовной жизни по преимуществу. Древнѣйшимъ очагомъ искусства была религія. Такъ было, напр., не говоря уже о восточныхъ народахъ древности, въ древней Греціи и Римѣ, гдѣ религіозныя вѣрованія нашли для себя самое совершенное выраженіе въ искусствѣ, почему оно считалось тамъ, какъ нѣчто священное. *Платонъ* называетъ поэта „*ієρόν πρᾶγμα*“, „*ієρόν χρέμα*“⁴⁾. Поэтому *Геродотъ* могъ сказать о *Гомерѣ* и *Гезіодѣ*, что они создали греческихъ боговъ. *Горацій*⁵⁾ и *Овидій*⁶⁾ прямо приписывали себѣ „божественное“ воодушевленіе. Мысль о соприкосновеніи души поэта въ моментъ творческаго вдохновенія съ высшимъ трансцедентнымъ міромъ всегда предносилась сознанію человѣчества. Припомнимъ, напр., слова нашего безсмертнаго поэта (*Пушкина*):

1) Творенія, т. IV, стр. 336—337.

2) Тамъ же, стр. 339.

3) *Kahnis*. „Kunst und Kirche“. Leipzig, 1865 г. s. 56.

4) „Іонъ“ Платона, 534.

5) *Carmina* Горація, lib. IV, с. 6, v. 29—30.

6) „De art. amor“. Овидія, lib III, v. 549.

„Но лишь божественный глаголь
 До слуха чуткаго коснется,
 Душа поэта вострепнется,
 Какъ пробудившійся орель“.

Религіозный характеръ художественнаго вдохновенія признавался многими мыслителями, занимавшимися анализомъ творческихъ процессовъ въ поэзіи. Такъ, напр., проф. *Е. В. Амфитеатровъ* говоритъ по этому поводу, между прочимъ, слѣдующее: „Безъ особенной таинственной причины не можемъ объяснить себѣ возникновенія идеаловъ въ душѣ художника... При зачатіи художественныхъ идеаловъ, душу художника, особенно чуткую къ красотѣ, озаряетъ высшая божественная сила и при этомъ озареніи художникъ мгновенно усматриваетъ скрытый въ душѣ его божественный первообразъ вещи... Это возбужденіе къ развитію божественной идеи, при чемъ мы являемся не страдательными, а дѣятельными ея органами. Дѣло человѣка состоитъ здѣсь въ томъ, что при божественномъ внушеніи онъ умѣетъ начать нѣчто, въ пониманіи и развитіи чего дѣйствуетъ уже самостоятельно“¹⁾. Не свидѣтельствуетъ ли религіозный характеръ поэтического вдохновенія о самой тѣсной связи истиннаго искусства съ религіей, такъ что въ слѣдъ за упадкомъ религіознаго одушевленія неминуемо долженъ слѣдовать упадокъ искусства, что мы и видимъ въ наше время? ²⁾

Всѣ эти факты показываютъ, что созерцаніе красоты въ искусствѣ не только естественно, но можетъ оставаться чистымъ и святымъ. Послѣ всего вышеизложеннаго ясно, насколько состоятельна теорія, пытающаяся доказать, что искусство по самому своему существу будто-бы противоположно христіанству, и что первые христіане несочувственно относились къ нему, какъ къ чему-то грѣховному, Хотя эта теорія не нова (на ея почвѣ возникло древнее иконоборчество), однако на протестантскомъ западѣ и доселѣ говорятъ о той ненависти (*Kunstthass*) къ искусству, которою будто-бы отличались многіе отцы Церкви. Правда, лучшіе знатоки исторіи христіанскаго искусства считаютъ эту ненависть не

¹⁾ „О существѣ и свойствѣ художественной дѣятельности“. „Прибавленія къ твореніямъ св. Отцовъ“, ч. XXV, стр. 518.

²⁾ Проф. *П. И. Лининскій*. „Объ искусствѣ“. „Труды Кіев. дух. Академіи“ 1905 г., сент. стр. 15.

болѣе какъ *басней* ¹⁾. Но слѣды разсматриваемой теоріи замѣтны даже во взглядахъ на этотъ предметъ нашихъ „неохристіанъ“, которые по адресу Церкви выражаются такъ: „искусство не можетъ быть святымъ въ историческомъ христіанствѣ“, ²⁾ т. е. будто-бы отвергается имъ какъ нѣчто предосудительное.

Несправедливость этой теоріи очевидна для всякаго. Созерцаніе прекраснаго въ природѣ, въ поэзіи и другихъ искусствахъ освящается христіанской религіей, если оно устремлено къ идеаламъ вѣчной красоты, которой преходящія красоты природы—только блѣдныя отраженія. Христіанинъ, по обѣтованію Господа, „ожидающій неизреченной красоты новаго неба и новой земли, въ которой обитаетъ правда“ (2 Петр. 3, 13), не можетъ равнодушно относиться къ тѣмъ прекраснымъ созданіямъ природы и искусства, которыя предвосхищаютъ, низводятъ, такъ сказать, съ неба на землю вѣчные образы красоты, являющіеся, такимъ образомъ, какъ бы золотою цѣпью, соединяющею небо съ землею ³⁾. Пусть при этомъ въ христіанинѣ всегда живетъ сознаніе, что настоящая жизнь не дастъ полной, совершенной красоты, что ея красота только преддверіе, ведущее къ иной, высшей красотѣ. Но „развѣ прихожая королевскаго дворца хуже хибарки нищаго? Развѣ подготовительныя работы истиннаго маэстро не въ тысячу разъ лучше, чѣмъ всевозможныя *tanstuch* плохого кропателя?“ ⁴⁾ „Пока исторія еще продолжается“,—пишетъ *Вл. Соловьевъ*,—„мы можемъ имѣть только частныя и отрывочныя предваренія (антиципаціи) совершенной красоты; существующія нынѣ искусства, въ величайшихъ своихъ произведеніяхъ схватывая проблески вѣчной красоты въ нашей текущей дѣйствительности и продолжая ихъ далѣе, предваряютъ, даютъ предощущать нездѣшную, грядущую для насъ дѣйствительность и служатъ, такимъ образомъ,

¹⁾ F. X. Kraus. „Geschichte der christl. Kunst“. Bd. 1, с. 58.

²⁾ „Новый Путь“. 1903 г., мартъ, стр. 143 и дал.

³⁾ Э. *Навилъ*. „Вѣчная жизнь“. Перев. свящ. проф. *Н. Сергиевскаго*. Москва. 1865 г., стр. 7.

⁴⁾ *Fischer*. „Der Glaube an die Unsterlichkeit nach seinem Einfluss auf das sittliche Leben“, s. 78.

переходомъ и связывающимъ звеномъ между красотою природы и красотою будущей жизни“¹⁾).

Понимаемое, такимъ образомъ, созерцаніе красоты въ природѣ и искусствѣ, не какъ пустая забава, а какъ дѣло весьма важное и назидательное для христіанина, не можетъ быть отвергаемо христіанствомъ.

Въ поискахъ за красотою, человѣкъ легко находитъ ее, прежде всего, въ природѣ, такъ какъ она повсюду разлита здѣсь. Потому-то древніе греки называли вселенную „Кόσμος“, т. е. красотою. Какое умиленіе и какой восторгъ испытывала обуреваемая суетой и скорбями жизни душа св. Псалмопѣвца, когда онъ обрадовался къ созерцанію богосозданной красоты природы,—это видно, между прочимъ, изъ слѣдующихъ его словъ: „Ты возвеселилъ меня, Господи, твореніемъ Твоимъ; я восхищаюсь дѣлами рукъ Твоихъ. Какъ велики дѣла Твои, Господи! дивно глубоки помышленія Твои!“—воскликаетъ Псалмопѣвецъ (Пс. 91, 5—6. Ср. Пс. 118, 28—29). Замѣчательно, что и св. подвижники любили избирать для своихъ подвиговъ такія мѣста, которыя отличались особенною красотою. Изъ множества свидѣтельствъ касательно этого можно указать для примѣра на письмо св. *Василія Великаго* къ св. *Григорію Богослову*, гдѣ первый съ восторгомъ описываетъ другу своему красоту избраннаго имъ для подвижнической жизни уединенія²⁾. Но есть у насъ примѣръ выше всѣхъ примѣровъ. Самъ Божественный Учитель нашъ—по слову пророческому, „прекраснѣйшій изъ сыновъ человѣческихъ“ (Пс. 44, 3),—въ полевой лиліи усматривалъ такую красоту, въ какую не облакался даже Соломонъ въ дни величайшей славы своей (Мѡ. 6, 28—29). Любя красоту природы, Онъ училъ народъ на поляхъ, красовавшихся жатвою, при морѣ съ живописными видами,

¹⁾ „Общій смыслъ искусства“. „Вопросы философіи и психологіи“. кн. V (1890 г.), стр. 95.

²⁾ И у всякаго смертнаго есть склонность искать и находить красоту въ природѣ и такъ или иначе любоваться ею. „Кто способенъ любить природу“,—говоритъ *Д. Леббокъ*,—„тотъ обладаетъ великимъ даромъ, и если онъ охладитъ въ своемъ сердцѣ это чувство или заглушитъ его, то неминуемо такъ или иначе будетъ страдать отъ этого... чувство любви къ природѣ служитъ большою опорой для нашихъ душъ“ (см. его „Успѣхи и радости жизни“. Спб. 1890 г., стр. 262).

охотно удалялся для молитвы на холмы и горы, и дивное преображеніе Его во время молитвы совершилось на одной изъ красивѣйшихъ горъ Палестины ¹⁾).

Не меньшую красоту усматриваетъ христіанство, точно также благословляя ее, въ произведеніяхъ поэзіи и другихъ искусствъ. Потому-то св. *Василій Великій* искусства, „необходимыя для жизни и служащія къ украшенію“ ея, считаетъ признакомъ „разумности“ и вообще высокаго достоинства природы человѣческой ²⁾).

Прекрасное въ поэзіи является въ псалмахъ и пѣснопѣніяхъ ветхозавѣтныхъ и новозавѣтныхъ, которыя суть истинно поэтическія созданія творчества, одушевляемаго Самимъ Духомъ Божиимъ. Христіанская религія, жаждущая царства Божія на землѣ, царства свѣта и добра, не можетъ не благословлять работы художественнаго слова, въ которомъ человѣческая жизнь достигаетъ наиболѣе полнаго своего изображенія, если только эта работа совершается въ духѣ завѣтовъ Евангелія. Потому-то ап. Павелъ, знакомый, по крайней мѣрѣ, съ нѣкоторыми греческими поэтами, читалъ ихъ произведенія и приводилъ изъ нихъ изреченія для своихъ боговдохновенныхъ цѣлей. Знаменитѣйшіе отцы Церкви, какъ напр., св. *Антоній Великій*, *Василій Великій*, *Іоаннъ Златоустъ*, *Ефремъ Сиринъ*, *Григорій Богословъ* и *Григорій Нисскій* нисколько не считали грѣхомъ знакомиться съ перлами эллинской поэзіи. Трое же послѣднихъ были даже сами поэты, изъ которыхъ св. Ефремъ и св. Григорій Богословъ писали настоящія стихотворенія, называемыя гимнами, а Григорій Нисскій равняется имъ по обилію художественныхъ образовъ и поэтическихъ сравненій, постоянно встрѣчающихся въ его твореніяхъ.

Прекрасное въ другихъ видахъ искусства точно также освѣщалось во всѣ времена истинною религіею. Древній храмъ іерусалимскій былъ образцомъ зодчества и соединенныхъ съ нимъ искусствъ. По евангельскому сказанію, Іисусъ Христосъ возмутился духомъ при пророчественномъ созерцаніи будущихъ развалинъ этого прекраснѣйшаго храма и плакалъ при мысли о предстоящемъ разрушеніи самого великаго

¹⁾ О созерцаніи красоты въ природѣ см. ст. *И. К. Гладкаго*, „Эстетическое созерцаніе природы“. „Вѣра и Разумъ“ 1913 г., №№ 5 и 6.

²⁾ Творенія, изд. 3, ч. II. Москва, 1891 г., стр. 91, ср. ч. VI, 1892 г., стр. 204.

града (Лук. 19, 41—44). Онъ же, по преданію, Самъ благоволилъ отобразить Ликъ Свой на полотнѣ, когда этотъ Ликъ не могъ быть воспроизведенъ искусствомъ живописца, давъ чрезъ это людямъ такое художественное произведеніе, которому въ живописи, конечно, не могло быть ничего равнаго. Религіозно — нравственную живопись признавали и одобряли св. отцы Церкви. *Св. Григорій Нисскій*, какъ мы видѣли, относилъ такого рода живопись къ искусствамъ, происходящимъ, по его мнѣнію, отъ Бога ¹⁾. Даже скульптуру, вообще не пользовавшуюся сочувствіемъ въ древнемъ христіанствѣ, признавали св. отцы и готовы были удивляться искусству ваятеля, когда онъ „изъ распадающейся глины могъ образовать невообразимую красоту художественнаго произведенія“ ²⁾. Въ христіанской Церкви, съ первыхъ временъ существованія принявшей нѣкоторыя изъ этихъ искусствъ подъ свое покровительство, все, по возможности, носитъ печать красоты: внѣшнее и внутреннее устройство ея богослуженія, ея обряды торжественные и печальные и проч.,—все исполнено св. поэзіи и высокой художественности. Конечно, много не поэтическаго вносится въ это исполнителями ея предначертаній и уставовъ; но это уже дѣлается не по ея винѣ, а вопреки ея желанію ³⁾.

Итакъ христіанство высоко цѣнитъ все истинно—*прекрасное*. Что сказалъ Спаситель, когда одна женщина, по всей вѣроятности, Марія, сестра Лазаря, во время вечери въ Виваніи, въ домѣ Симона прокаженнаго, „приступила къ Нему съ алоастровымъ сосудомъ мвры драгоценнаго и возливала Ему возлежащему на голову“ (Мѡ. 26, 7; Мрк. 14, 3; Іоан. 12, 3)? Ученики Его при этомъ „вознегодовали и говорили: къ чему такая трата? Ибо можно было бы продать это мвро за большую цѣну и дать нищимъ“ (Мѡ. 26, 8—9). Господь же сказалъ имъ: „что смущаете женщину? она доброе дѣло сдѣлала для Меня. Ибо нищихъ всегда имѣете съ собою, а Меня не всегда имѣете. Возливъ мвро

¹⁾ Творенія, т. VI, стр. 339.

²⁾ Ни у кого изъ отцевъ Церкви IV в. не встрѣчаемъ такихъ благосклонныхъ, *принципiального* характера, замѣчаній объ искусствѣ вообще, какъ у *св. Василія Великаго* и *св. Григорія Нискаго* (см. *Ив. С. Бачалдинъ*. „Изобразительныя искусства и св. отцы Церкви IV-го вѣка“. *Вѣра и Церковь*“ 1902 г., кн. 10, стр. 675—677).

³⁾ Проф.-Прот. Н. Отворовъ, „Очерки нравст. правосл.-христ. ученія“. Кіевъ, 1863 г. стр. 85—86.

сіе на Тѣло Мое, она приготовила Меня къ погребенію“ (Мѡ. 26, 10—12). „Въ поступкѣ Маріи мы видимъ“,—говоритъ проф. М. Д. Муретовъ,—„выраженіе поэзіи любви, безкорыстный даръ преданной до самоотверженія души, возвышенный порывъ охваченнаго восторгомъ чистой любви сердца. Она совершаетъ то же, что дѣлаютъ люди, выражающіе восторгъ и поэзію своей любви въ прекрасныхъ эстетическихъ формахъ—великолѣпнаго храма, монумента, картины, статуи, музыки и под... Поэзія ея любви къ Богочеловѣку и Его идеаламъ, увлеченіе ея Его глаголами вѣчной жизни и единымъ на потребу выразились именно въ этомъ „прекрасномъ *δὴλὸν—καλὸν ἔργον*“, въ эстетикѣ намащенія Владыки вѣчной жизни драгоценнымъ и настоящимъ народнымъ муромъ, наполнившимъ весь домъ благовоніемъ“¹⁾.

Изъ всего этого слѣдуетъ, что такія ненавистническія возраженія противъ искусства, какія вышли изъ устъ, напр., *Тертуллиана* 2), составляютъ болѣе или менѣе частное мнѣніе весьма немногихъ изъ писателей первыхъ вѣковъ христіанства, и притомъ увлеченныхъ монтанистическимъ аскетизмомъ. Если древняя Церковь въ лицѣ своихъ апологетовъ отъ чего отвернулась 3), то только отъ того выродившагося античнаго искусства, служившаго интересамъ одной лишь грубой чувственности, какое она застала при своемъ появленіи въ мірѣ 4). Такую же характеристику языческаго искусства (собств. живописи) даетъ ученый *Жуль Мартъ*. „Кажется“,—говоритъ онъ,—„что греко-римскіе живописцы не знали другихъ сюжетовъ, кромѣ любовныхъ. За рѣдкими исключеніями, ихъ мифологическія картины суть только чувственные и сладострастные анекдоты“ 5). „Искусство у язычниковъ“,—замѣчаетъ и *Катрейнъ*,—„было лишь заманчивой и увлекательной ге-

1) „Иуда предатель“. „Богослов. Вѣстникъ“ 1905 г., сент., стр. 42.

2) De idolatria, с. 1 и 3.

3) См. А. П. Голубцовъ. „Объ отношеніи христіанъ II-III столѣтія къ искусству“. „Богослов. Вѣстникъ“. 1903 г. окт. стр. 180—188.

4) Характеризуя тогдашнее искусство, св. *Іоаннъ Златоустъ* замѣчаетъ: здѣсь „бѣсъ сидитъ въ нагомъ изображеніи. Истуканы изображаютъ то блудъ, то безумную страсть къ мужчинамъ... Вездѣ сладострастіе, вездѣ развратъ, вездѣ изображенія незаконныхъ кровосмѣшеній и неистовыхъ страстей“ (Творенія, т. V, стр. 333. Спб. 1899 г.).

5) „Руководство къ этрусской и римской археологіи“. Перев. *Первова*. Москва. 1890 г., стр. 89—91; 95—98.

терой и служило, главнымъ образомъ, чувственности“¹⁾. Эти замѣчанія объ античномъ искусствѣ вполне подтверждаются археологическими раскопками Помпеи и Геркуланума²⁾. Самого же по себѣ искусства или искусства въ его принципѣ Церковь не отвергала, наилучшимъ доказательствомъ чего является археологическій инвентарь катакомбъ, въ которыхъ она существовала въ эпоху гоненій. Изъ изученія этихъ христіанскихъ усыпальницъ ученые археологи вынесли то убѣжденіе, — какъ разъ въ противоположность мнѣнію нашихъ „неохристіанъ“ объ отверженіи историческимъ христіанствомъ классическаго искусства, — что древніе христіане и свои могилы любили украшать тѣми же мифологическими образами (цвѣтами, вѣтвями виноградной лозы, крылатыми геніями, дельфинами и пр.), какими украшались греко-римскіе памятники. Очевидно, они хотѣли вложить христіанское содержаніе въ эти античныя художественныя формы³⁾. Когда христіанская Церковь, по прекращеніи гоненій, получила право открытаго совершенія своего богослуженія, она намѣтила теперь задачу дать новое направленіе отживавшему свой вѣкъ классическому искусству, пересоздать его, очистить отъ языческихъ элементовъ и въ этомъ очищенномъ видѣ примѣнить къ своимъ богослужебнымъ потребностямъ. Та реакція всему языческому, которая была столь естественна для многихъ христіанъ въ пылу борьбы съ гонителями — идолопоклонниками, теперь ослабѣла. И то слишкомъ суровое аскетическое направленіе, — вслѣдствіе постояннаго ожиданія смерти въ эпоху гоненій, — которое препятствовало, конечно, свободному развитію и удовлетворенію эстетическихъ потребностей, по причинѣ наступившаго спокойствія, потеряло свою силу. Вслѣдствіе этого, въ рассматриваемое время явственно начинается расцвѣтать самостоятельное христіанское искусство⁴⁾. Первый

1) См. его „Вѣра и Знаніе“ въ переводѣ свящ. *Н. Липскаго*. „Вѣра и Разумъ“ 1914 г., № 16, стр. 493.

2) См. *В. Классовскій*. „Помпея и открытыя въ ней древности“. Спб. 1856.

3) См. нашу книгу: „Современное декадентство и христіанство“. Кіевъ, 1909 г. стр. 158.

4) *Ив. С. Бачалдинъ*. „Изобразительныя искусства и св. отцы Церкви IV вѣка“. „Вѣра и Церковь“, 1902 г., кн. 9, стр. 526—527.

христіанскій императоръ—*св. Константинъ Великій* видимо способствовалъ развитію этого искусства ¹⁾).

Стоитъ только принять всё это во вниманіе, чтобы вмѣстѣ съ тѣмъ признать, что христіанство не только не отвергало истиннаго искусства, но и могущественно содѣйствовало усовершенствованію его во всѣхъ отрасляхъ. Оно открыло искусству новый міръ высшихъ идей и вдохнуло въ него новую душу и жизнь ²⁾. Совершенство древне-греческаго искусства состояло, главнымъ образомъ, въ умѣннн художника обращаться съ матеріаломъ, или въ технику, какъ это показываетъ и самое названіе его по гречески „τέχνη“. Греческое искусство отличается несравненною красотою, ясностію и законченностію внѣшнихъ формъ; но въ немъ всетаки не было того, что сообщаетъ искусству возвышенный характеръ. То, что оно изображало, есть лишь земное въ его идеальной формѣ. Христіанское же искусство представляетъ въ себѣ предчувствіе небеснаго, вѣчнаго, для котораго все земное и скоропроходящее есть только подобіе, а не самое проявленіе или осуществленіе его, какъ это предполагалось въ античномъ искусствѣ ³⁾. Въ самомъ содержаніи религіи Богочеловѣка, въ которомъ „обитаетъ вся полнота Божества тѣлесно“ (Кол. 2, 9), есть столько возвышенно—прекраснаго, что художественное творчество, стремящееся къ воспроизведенію идеальной красоты, всегда находило и будетъ находить въ немъ неисчерпаемый источникъ для созданій истиннаго искусства. Какъ благотворно было вліяніе христіанства на прогрессъ въ искусствѣ, это доказываютъ величайшія произведенія въ области священной поэзіи, живописи, пѣнія, музыки, скульптуры и архитектуры. Одни только храмы, созданные въ средніе вѣка и до сихъ поръ представляющіе собою прекрасные образцы архитектуры,—какое яркое свидѣтельство за то, что христіанство содѣйствовало процвѣтанію искусства! Римъ, Венеція, Миланъ и другіе города Италіи со своими прекрасными архитектурными со-

¹⁾ Сочиненія *Евсевія Кесарійскаго* въ русск. переводѣ. Спб. 1858 г. т. II. „Жизнь царя Константина“, кн. III, гл. 30—40, стр. 191—197; кн. IV, гл. 58, стр. 274 и др.

²⁾ См. *Aesthetik* Гегеля, изд. v. Notho, 2 Aufl. 1842, Bd. 2, s. 70. и дал.

³⁾ *Лютардъ*. „Апология христіанства“. Перев. А. П. Лопухина. Спб. 1892 г., стр. 508—509. Ср. 953.

оруженіями, со своими богатыми музеями живописи и скульптуры—созданіями такихъ великихъ мастеровъ, какъ *Микель-Анжело, Мурилье, Рафаэль* и др., до сихъ поръ являются тѣми мѣстами, гдѣ художники всей Европы заканчиваютъ свое художественное образованіе ¹⁾).

Всякое истинное искусство *нравственно*, потому что Богъ, отъ Которого оно происходитъ, есть не только абсолютная Красота, но и абсолютное Благо, а потому безнравственное искусство не можетъ быть истиннымъ искусствомъ. По *Платону*, нравственное благо есть красота, стоящая выше всякаго выраженія, красота вѣчная, несозданная и неисчезающая. Только созерцаніе *самой красоты*, по его мнѣнію, даетъ цѣну человѣческой жизни, и человѣкъ, которому дано было бы созерцать эту „чистую, простую и непримѣсную“ божественную *красоту*, долженъ былъ бы „порождать не образы добродѣтели, а истинную добродѣтель“ ²⁾. Такимъ образомъ, у Платона красота и добродѣтель нѣчто нераздѣльное. Это ученіе имѣло свой отголосокъ и въ ученіи древнихъ христіанскихъ писателей, видѣвшихъ въ Богѣ не только высшее Благо, но и высшую Красоту. Конечно, ученіе о *тождествѣ* добра и красоты есть преувеличеніе Платоновой этики, но въ этомъ возрѣніи кроется та доля истины, что добро не можетъ быть непричастнымъ красотѣ. Красота служитъ наиболѣе достойною формою добра: „въ концѣ концовъ“,—говоритъ *Гюйо*,—„если можно отрицать, что прекрасное всегда бываетъ добрымъ, то нельзя отрицать того, что доброе всегда прекрасно“ ³⁾.

Но вопросъ объ эстетическомъ развитіи сердца гораздо глубже. Именно спрашиваютъ, въ какомъ отношеніи стоитъ эстетическое образованіе къ нравственному? Откуда возникаетъ въ нашей природѣ потребность эстетическаго образованія? Вышеупомянутый нами моралистъ-психологъ Ульрици выводитъ эту потребность изъ одного и того же нравственнаго чувства, изъ чувства долгаго. По его словамъ, „чувство *должнаго* говоритъ намъ, чѣмъ долженъ быть человѣкъ съ нравственной стороны, но въ этомъ чувствѣ данъ

¹⁾ *Катрвйтъ*. „Вѣра и Званіе“, „Вѣра и Разумъ“ 1914 г., № 16, стр. 494.

²⁾ *Plato*, *Convivium*, 201, 211—212, и др.

³⁾ *Дюган*. „La morale anglaise contemporaine“ Paris, 1885, d. 145.

только какъ-бы зародышъ этого или намекъ на это. Сила воображенія развиваетъ этотъ зародышъ или намекъ въ воззрѣніе или созерцаніе, которое наглядно представляетъ совершенное существо человѣка въ соотвѣтствующемъ ему совершенномъ явленіи, и такимъ образомъ дѣлаетъ доступною нашему воспріятію идеальную форму человѣка¹⁾. Это внутреннее созерцаніе красоты служитъ въ свою очередь нормою для созерцанія виѣшней красоты. „Человѣкъ“,—говоритъ Ульрици,—„только потому и сочувствуетъ прекрасному въ природѣ, что въ макрокосмосѣ міра явленіи видитъ микросмосъ своего собственнаго существа и въ красотѣ природы созерцаетъ отображеніе своей собственной красоты. Изображеніе какого-нибудь ландшафта, животнаго или цвѣтка никогда не бываетъ художественнымъ, если оно служитъ только точною копіею того, что есть въ природѣ. Чѣмъ точнѣе отображается въ немъ природа, тѣмъ болѣе оно теряетъ красоты. Оно дѣлается художественнымъ произведеніемъ только въ томъ случаѣ, когда въ него привносится человѣческое ощущеніе, чувствованіе и волненіе и когда въ расположеніи и соединеніи частей отражается гармонія человѣческаго образованія частей. Другими словами: оно становится художественнымъ произведеніемъ только тогда, когда оно не просто только копируетъ природу, но истолковываетъ ее, т. е. изображаетъ ее такъ, что человѣкъ понимаетъ ее, чувствуетъ влеченіе къ ней, можетъ погружаться въ нее своею мыслию и какъ бы находитъ себя въ ней“. Вообще „въ основаніи всякой художественной дѣятельности“,—продолжаетъ тотъ же моралистъ-психологъ,—„лежитъ влеченіе къ изображенію, къ олицетворенію, а это влеченіе въ свою очередь основывается на стремленіи къ совершенству, возбуждаемомъ чувствомъ *должнаго*“²⁾. Отсюда естественно, что „подъ вліяніемъ прекраснаго, какъ замѣтилъ еще Платонъ, у насъ по преимуществу возбуждается сочувствіе къ доброму и истинному (Ср. Филип. 4, 8). Оно есть наилучшее средство къ тому, чтобы открывать нашу личность, наше сердце для всего добраго и истиннаго. Такое дѣйствіе производитъ прекрасное, съ одной стороны, потому,

¹⁾ В. И. Голубинскій. „Нравств. природа человѣка“. Перев. съ нѣмецк. „Правосл. Собесѣдникъ“ 1877 г., декабрь, стр. 626.

²⁾ Тамъ-же, стр. 616—617.

что масштабомъ и прототипомъ всякой красоты служить красота человѣческая, а съ другой — потому, что всякая красота требуетъ согласія формы съ содержаніемъ, явленія съ сущностію. Прекрасное становится для насъ прекраснымъ, возбуждаетъ въ насъ удовольствіе и любовь только тогда, когда оно есть вмѣстѣ съ тѣмъ истинное и доброе, когда мы видимъ въ немъ не просто только прелесть формы, пріятныя для насъ линіи, цвѣта и движенія, но и совершенную законосообразность, цѣлесообразность и порядокъ, совершенное соединеніе частей въ одномъ цѣломъ, равно какъ и совершенное образованіе духа и характера, совершенство ума, воли и дѣятельности. Въ какой бы малой мѣрѣ ни были всѣ эти свойства въ данномъ явленіи, но они непременно должны быть въ немъ: иначе оно не будетъ казаться намъ прекраснымъ“¹⁾. Поэтому истинная красота должна состоять въ гармоніи нравственнаго совершенства съ его конкретнымъ воплощеніемъ, быть, по выраженію Платона, „сіяющимъ добромъ“²⁾. Только такая красота, представляющая собою синтезъ добра и соответствующаго ему художественнаго выраженія, есть дѣйствительное благо, только она, по выраженію *Ө. М. Достоевскаго*, „спасаетъ міръ“³⁾.

Отсюда уже открывается, что эстетическое развитіе сердца можетъ помогать нравственному нашему развитію. Ибо въ основѣ его лежитъ одно и то же стремленіе къ должному и нравственно совершенному; почему истинная красота формы производитъ всегда тѣмъ болѣе чарующее впечатлѣніе, чѣмъ болѣе высокое нравственное содержаніе скрывается за прекрасной оболочкой. Такъ именно всегда смотрѣли на красоту наиболѣе достойные ея служители. „Высшая цѣль искусства“, — говоритъ выдающійся англійскій эстетикъ и моралистъ, *Д. Рескинъ*, — „состоитъ въ томъ, чтобы дать намъ вѣрный образъ благороднаго человѣческаго существа“. Истинное назначеніе искусства онъ находитъ „въ подъемѣ нрав-

¹⁾ Тамъ-же, стр. 130—131.

²⁾ Сочиненія Платона, переведенныя и объясненныя *Карповымъ*, ч. IV. „Пиръ“, стр. 207.

³⁾ Взглядъ Достоевскаго на нравственную пользу эстетическаго созерцанія изложенъ въ его статьѣ: „Г-бовъ и вопросъ объ искусствѣ“. Т. IX, ч. I. Сиб. Изд. Маркса, 1895, стр. 44—87.

ственнаго состоянія людей“¹⁾). Уже въ томъ несомнѣнная заслуга истинно-прекраснаго, что оно приучаетъ человѣка чувствовать красоту добродѣтели и безобразіе порока. Эстетическое созерцаніе возбуждаетъ въ человѣкѣ любовь къ прекрасному и стремленіе къ подражанію и копированію его въ своей не внѣшней только, но и внутренней жизни. Съ другой стороны, эстетически развитой человѣкъ воспитывается въ себѣ отвращеніе ко всему безобразному и отвращается отъ всего уродливаго и низкаго. Эстетическое образованіе нерѣдко предохраняетъ человѣка отъ того цинизма, который такъ близко граничитъ съ безнравственностію.

Затѣмъ, созерцаніе прекраснаго способно освѣжать нашу душу, доставлять намъ самыя чистыя удовольствія, которыя укрѣпляютъ наши силы и, хотя на время, примиряютъ насъ съ печальною дѣйствительностію, съ пошлостію и суетою жизни человѣческой. Потому—то св. подвижники въ созерцаніи красоты природы почерпали силы для борьбы съ искушеніями грѣха или плоти. Едва ли былъ и есть такой человѣкъ, который никогда не находился бы подъ вліяніемъ этой красоты и не ощущалъ бы умиротворяющаго ея дѣйствія. Иногда испытывающему душевныя волненія достаточно бываетъ выйти на свѣжій воздухъ и пройтись по зеленому полю и онъ, такъ сказать, вдыхаетъ въ себя тотъ міръ, который царствуетъ въ вообще прекрасномъ мірѣ Божіемъ, и въ это время самое ощущеніе бытія и жизни чувствуется имъ какъ счастье:

„Тогда смиряется души моей тревога,
Тогда расходятся морщины на челѣ;
И въ небесахъ я вижу Бога,
И счастье я могу постигнуть на землѣ“.

(Лермонтовъ).

Нельзя не обратить вниманія еще на то, что красота смягчаетъ твердое каменное сердце, дѣлая его болѣе нѣжнымъ и чувствительнымъ. „Бываютъ минуты въ жизни“,— пишетъ Шиллеръ,— „когда мы готовы бываемъ прижать къ груди каждый цвѣтокъ, каждое отдаленное созвѣздіе, обнять

¹⁾ Лекціи его объ искусствѣ, читанныя въ Оксфордскомъ университетѣ въ 1870 году. Перев. *Когана*. Москва, 1900 г., стр. 27—48.

всю природу, какъ свою возлюбленную“¹⁾). Подъ вліаніемъ прекраснаго мы скорѣе сдѣлаемся способными къ любви и сочувствію, охотнѣе подадимъ милость нищему или простимъ обиду нашему ближнему. Искусство выдавливаетъ слезы состраданія и жалости изъ глазъ эгоиста, никогда не плакавшаго о другихъ. Освобождаясь въ эстетическомъ созерцаніи отъ вещественной дѣйствительности, мы отрѣшаемся отъ нашего собственнаго вещественнаго „я“. Въ насъ умолкають личныя стремленія и интересы... Личное наше „я“, занятое обыденными интересами и преисполненное опасеній за собственное благополучіе, остается совершенно въ сторонѣ. Освободиться на нѣкоторое время отъ нашего любезнаго, но тягостнаго „я“, чувствовать облегченіе отъ удушающей тяжести и однообразной суеты, неотдѣлимыхъ отъ этого „я“, — вотъ истинное счастье, доставляемое эстетическимъ созерцаніемъ²⁾). Искусство звѣря укрощаетъ и превращаетъ въ человѣка. „Поэтъ“, — говоритъ *Шекспиръ*, — „не даромъ сочинилъ, будто Орфей зачаровывалъ деревья, камни и потоки, потому что на свѣтѣ нѣтъ ничего настолько упорнаго, твердаго и свирѣпаго, чтобы на время не укрощалось музыкой“³⁾).

Эстетическія наслажденія могутъ быть благотворны для нравственности, наконецъ, и въ томъ отношеніи, что они объединяють людей, способствуютъ сознанію ими своего братства. „Искусство“, — говоритъ *Гюйо*, — „отвлекаетъ отдѣльное лицо отъ его собственной жизни, чтобы заставить его жить жизнью всеобщей“⁴⁾). Когда мы наслаждаемся образцовыми произведеніями искусства или любуемся красотою природы, то въ это время „сознаніе нашего я въ эгоистическомъ смыслѣ совершенно отсутствуетъ и даетъ мѣсто — противоположнымъ влеченіямъ“⁵⁾). И это, конечно, потому, что предметы красоты

¹⁾ Переводъ *Н. В. Гербеля*. Спб. 1884 г., т. 3, стр. 398.

²⁾ *Г. Фолькельта* „Современные вопросы эстетики“. Спб. 1899 г., стр. 28.

³⁾ „Венеціанскій купецъ“ I, 1. — „Эстетическое наслажденіе — это благодатный роздыхъ, перемиріе въ нашемъ внутреннемъ разладѣ; оно прекращаетъ въ насъ эту рознь, привлекая всѣ стороны нашего существа къ воспріятію того, что заключается въ художественномъ произведеніи“ (*В. Шербюлле*. „Искусство и природа“. Спб. 1894 г. стр. 34).

⁴⁾ „Искусство съ точки зрѣнія социологіи“. Перев. *А. Пытина*. Спб. 1891 г., стр. VII.

⁵⁾ *Боборыкинъ*. „Красота, жизнь и творчество“. „Вопросы философіи и психологіи“, кн. 16, стр. 58.

доступны одновременно многимъ и не истощаются вслѣдствіе наслажденія ими ¹⁾).

Впрочемъ, надобно замѣтить, что одностороннее эстетическое развитіе сердца, или мысль (*Шиллера*) ²⁾ о томъ, будто эстетическое развитіе, оказывающее столь благотворное вліяніе на нравственность, можетъ замѣнить собою нравственное развитіе, заступитъ мѣсто воспитанія совѣсти, есть мысль ложная и опасная. Одно эстетическое образованіе безъ нравственнаго можетъ даже полагать великія опасности для добродѣтели и поставлять насъ въ противорѣчіе съ ней. На примѣрѣ это яснѣе. Представимъ себѣ какую—либо сестру милосердія съ развитымъ эстетическимъ чувствомъ, но съ подавленнымъ чувствомъ нравственнымъ. Найдеть ли она достаточно силъ въ одномъ своемъ чувствѣ для совершенія высокаго нравственнаго подвига, будучи обязана въ холерномъ баракѣ, среди нечистотъ и грязи, въ тиши и незамѣтно для всѣхъ, ухаживать днемъ и ночью, съ рискомъ для своей жизни, за больнымъ, пораженнымъ отвратительной болѣзнію! Ея развитое чувство прекраснаго не возмутитъ ли всю природу ея противъ отвратительныхъ симптомовъ болѣзненности порученнаго ей больного! Конечно, могутъ замѣтить, что мы должны развивать въ себѣ не одно только чувство прекраснаго, но и чувство высокаго, которое есть видъ прекраснаго и которое возвышаетъ насъ надъ чувственнымъ міромъ, приводитъ къ сознанію духовной сущности нашей и среди бѣдственности этой жизни ставитъ насъ выше всякой бѣдственности. Но стоически возвышенные идеалы, на которые ссылается *Шиллеръ*, будутъ ли достаточны въ данномъ случаѣ для того, чтобы успокоить волнуемое и оскорбляемое чувство красоты? Вообще же не надо забывать, что во многихъ случаяхъ чувство высокаго тоже можетъ стоять

¹⁾ *Павелъ Левитовъ*. „Дѣйствіе прекраснаго на душу“. „Вѣра и Разумъ“ 1903 г. № 17, стр. 237.

²⁾ *Е. Амфитеатровъ*. „Историческій очеркъ ученій о красотѣ и искусствѣ“. „Вѣра и Разумъ“ 1889 г., № 24, стр. 529—553.—Ученіе *Шиллера* объ эстетическомъ нравственномъ воспитаніи изложено въ слѣдующихъ его сочиненіяхъ: „Письма объ эстетическомъ воспитаніи человѣка“, „О нравственномъ приложеніи эстетическихъ обычаевъ“, „О возвышенномъ“, „О граціи и достоинствѣ“, „О наивной и сентиментальной поэзіи“ и „О театрѣ, разсматриваемомъ, какъ нравственное учрежденіе“.

въ противорѣчїи съ требованїями добродѣтели. То, что приковываетъ нашъ духъ въ эстетически высокомъ, есть сила, обнаруживающаяся въ немъ безъ всякаго отношенїя къ нравственному направленїю и нравственной дѣятельности этой силы. Великіе характеры, создаваемые фантазіей драматурговъ и вообще поэтовъ, представляемые историческими личностями новаго и стараго времени, распространяютъ вокругъ себя блестящїй свѣтъ и окружаются имъ какъ ореоломъ. Но во всѣхъ великихъ личностяхъ, историческихъ и вымышленныхъ, есть односторонности и недостатки: возвышенная энергія ихъ духа является съ примѣсью грѣха и страсти. А въ этомъ и лежитъ опасность признавать нравственно добрымъ то, что въ эстетическомъ отношенїи удивительно, но въ моральномъ отношенїи должно быть порицаемо,—именно опасность создать свою собственную мораль по этимъ эстетическимъ образцамъ. И какъ много есть людей, которые въ своемъ восхищенїи эстетически возвышеннымъ и великимъ приводятъ въ морали къ ложному генїальничанью, антиномизму, признанїю своихъ прямыхъ обязанностей ничтожными, мелочными, филистерскими, какъ они выражаются, вмѣсто того, чтобы просто быть честными или вѣрными своему долгу и призванїю ¹⁾!

Чрезмѣрное пристрастіе къ эстетическимъ наслажденїямъ обыкновенно изнѣживаетъ человѣка, расслабляетъ его душу, дѣлаетъ ее неспособной къ серьезному труду, къ подвигу, безъ которыхъ невозможна никакая добродѣтель. По словамъ Гюйо, такое „расслабляющее дѣйствіе искусства часто было наблюдаемо на народахъ, которые, слишкомъ упражняя свои способности созерцанїя и воображенїя, теряютъ иногда свою способность дѣйствїя“ ²⁾. Но самая главная опасность чрезмѣрнаго увлеченїя красою, въ ущербъ нравственности, заключается въ томъ, что оно приучаетъ человѣка оцѣнивать явленїя не по ихъ внутреннему содержанїю, а по внѣшнему виду. Все прекрасное, хотя бы подъ его блестящею мишурою скрывалось нравственно злое, имѣетъ оправданїе въ себѣ самомъ, заслуживаетъ уваженїя и преклоненїя; все же некрасивое, само по себѣ, достойно пори-

¹⁾ Мартенсенъ. „Христ., ученїе о нравственности“ т. II. стр. 55—56.

²⁾ „Искусство съ точки зрѣнїя соціологіи“, стр. 349.

цанія и уничтоженія. Отсюда, порокъ, прикрытый несоотвѣтствующею ему изящною оболочкою, какъ бы обольщаетъ человѣка и очаровываетъ его и притомъ гораздо болѣе, нежели суровая, часто непривлекательная на видъ добродѣтель ¹⁾.

Эстетическое образованіе, такимъ образомъ, само по себѣ, независимо отъ его внутренняго нравственнаго содержанія, не сообщаетъ еще намъ нравственныхъ силъ и можетъ стоять въ глубокомъ противорѣчій съ нашей добродѣтелью, какъ это ясно доказали еще древніе греки—великіе поклонники красоты и въ то же время не менѣе великіе антиномисты ²⁾. Вопреки платоническому вѣрованію, нельзя полагаться на одно эстетическое образованіе въ той надеждѣ, что, увидѣвъ и полюбивъ прекрасное, человѣкъ и самъ сдѣлается лучше и внутренне станетъ прекраснѣе. Опытъ показываетъ, что, видя и любя прекрасное, человѣкъ самъ можетъ быть безобразнѣе собственныхъ своихъ произведеній. Сдѣлать самого человѣка прекраснымъ такъ же трудно, какъ образовать изъ куска крѣпкаго мрамора прекрасную статую ³⁾.

Итакъ, тѣсная связь эстетическаго развитія съ нравственнымъ не подлежитъ никакому сомнѣнію. Безспорно, въ эстетическомъ есть и долженъ быть моментъ моральный. Все дурное въ моральномъ смыслѣ, въ большинствѣ случаевъ, бываетъ некрасивымъ и съ эстетической точки зрѣнія. Воровство, пьянство, грубый развратъ, ложь, трусость, шпіонство и т. п. одинаково отвратительны, какъ для нравственнаго, такъ и для эстетическаго чувства. Когда въ какомъ-либо произведеніи искусства наносится оскорбленіе нравственному чувству, то чрезъ это разрушается и то эстетико-гармоническое впечатлѣніе на душу, которое должно быть произведено истиннымъ искусствомъ, чуждымъ всякой нечистоты и грязи. *Чистота и целомудріе* есть необходимое требованіе, вытекающее изъ сущности самого искусства, и если правда, что искусство тѣсно связано съ чувственностію, то послѣдняя

¹⁾ Павелъ Левитовъ. Цитир. статья, стр. 246—247.

²⁾ Изъ твореній *Лактанція*. Перев. Е. Карнеева. Спб. 1848 г., ч. I, стр. 364.

³⁾ Полное собраніе проповѣдей *Амеросія*, архіепископа Харьк. Т. II. Харьковъ, 1902 г., стр. 167—168.

все-таки должна быть подъ господствомъ духа ¹⁾. Конечно, искусство—не мораль въ обыкновенномъ смыслѣ слова. Въ противоположность взгляду гр. *Л. Толстого* на искусство ²⁾, послѣднее не только служить нравственному благу людей, но преслѣдуетъ и чисто эстетическія цѣли. Но когда, съ другой стороны, мы слышимъ отъ современныхъ намъ декадентовъ ³⁾ заявленія, что нравственность не должна имѣть никакого отношенія къ эстетикѣ или, по ихъ терминологіи, къ теоріи „чистой красоты“, которая будто бы только одна имѣетъ реальное значеніе, и потому нравственныя разсужденія совершенно неумѣстны въ эстетической критикѣ; то мы должны рѣшительно протестовать противъ такихъ заявленій ⁴⁾.

Очевидно, послѣ всего этого, христіанинъ долженъ быть разборчивъ въ отношенія къ искусствамъ вообще. Правильная оцѣнка достоинства извѣстныхъ произведеній искусства не всякому доступна, или вѣрнѣе, доступна лишь получившимъ эстетическое образованіе; но каждый можетъ отличить истинно прекрасное отъ мнимо прекраснаго по самому дѣйствию на душу его тѣхъ или другихъ созданій искусства. Характеръ же этого дѣйствія, благопріятный или неблагопріятный, опредѣляется, какъ качествомъ порождающей ихъ творческой дѣятельности художника, такъ и степенью нравственнаго развитія созерцающихъ художественныя произведенія. Большой знатокъ искусства—*Д. Рескинъ* говоритъ: „Искусство руки—безусловно точный показатель нравственнаго уровня самого художника, а во вторыхъ...—показатель нравственнаго уровня той націи, къ которой художникъ принадлежитъ“ ⁵⁾.

Искусство можетъ имѣть глубоко-нравственное значеніе, даже не разрабатывая прямо вопросовъ морали. Надобно только, чтобы міръ иной лучшей дѣйствительности, въ который вводитъ нашу душу творческое вдохновеніе худож-

¹⁾ Rothe. „Theologische Ethik“, zw. Aufl. Bd. 5. Wittenberg 1871, s. 135—136.

²⁾ См. „Что такое искусство“. Вып. I, стр. 70—75.

³⁾ См. нашу книгу: „Современное декадентство и христіанство“, стр. 62 и дал.

⁴⁾ Обстоятельно сказано объ отношеніи эстетическаго образованія къ нравственному въ „Исторіи нравственности“ проф. *М. А. Оленичаго*, ч. I, Кіевъ, 1882 г., стр. 250—268.

⁵⁾ „Лекціи по искусству“, стр. 81.

ника, былъ наполненъ чистыми и свѣтлыми образами и трагивалъ въ нашей душѣ однѣ высокія, лучшія ея стороны, будилъ только хорошее, честное, высокое и прекрасное. Такимъ образомъ, назидательность искусства, его нравственное значеніе вполнѣ обусловливается нравственною личностію художника. Только люди болѣе или менѣе нравственные могутъ быть творцами дѣйствительно художественныхъ произведеній искусства. Какъ *Создатель* дивной красоты природы есть Богъ благой и совершенный, такъ и творецъ подлинно художественныхъ произведеній человѣческаго искусства, по своимъ нравственнымъ качествамъ, долженъ по возможности уподобляться „Высочайшему Художнику“¹⁾, отъ Котораго онъ получилъ свой даръ. „Чтобы достигнуть созерцанія прекраснаго и божественнаго, всякій человѣкъ“,—говоритъ *Плотинъ*,—„долженъ сдѣлаться прекраснымъ и божественнымъ“²⁾. Трудъ людей, производящихъ безнравственныя произведенія искусства, по мнѣнію св. *Іоанна Златоуста*, достоинъ осужденія, такъ какъ обнаруживаетъ безнравственность самихъ художниковъ³⁾. Чѣмъ болѣе безнравственное искусство служитъ грубой чувственности, тѣмъ болѣе оно становится въ противорѣчіе съ своимъ собственнымъ благороднымъ источникомъ происхожденія. Поэтому только тотъ дѣлается истиннымъ художникомъ, кто очищаетъ и возвышаетъ свою собственную душу, чтобы на ея струнахъ находили себѣ отголоски тѣ звуки, которые приходятъ изъ міра идеаловъ и напоминаютъ намъ о томъ, что за предѣлами дисгармоніи этого міра существуетъ гармонія вѣчнаго бытія⁴⁾.

Въ тѣсной связи съ *моральностію* творческой дѣятельности истиннаго художника стоитъ и другое ея свойство—*вѣрность* нравственно-психологической правдѣ. Истинный художникъ, гдѣ только это сообразно съ содержаніемъ его произведенія, нравственныя явленія изображаетъ такъ, какъ они есть, т. е. въ ихъ истинности,—изображаетъ не какой-либо другой нравственный міропорядокъ, какъ именно дѣйстви-

¹⁾ Св. *Іоаннъ Златоустъ*. Твор. т. IV, стр. 122.

²⁾ С. А. *Ананьинъ*. „Ученіе Плотина о прекрасномъ“. „Вѣра и Разумъ“. 1903 г., № 3, стр. 101. Ср. № 2, стр. 48.

³⁾ Творенія, т. VI, стр. 23, т. VII, стр. 239.

⁴⁾ *Лютардъ*. „Апология христіанства“. Перев. А. П. *Долухина*. Спб. 1892 г., стр. 511.

тельный¹⁾. Поэтому, если извѣстный живописецъ Ге на своей картинѣ: „Что есть истина?“ изображаетъ Иисуса Христа, какъ говоритъ Гнѣдичъ, „озлобленнымъ преступникомъ“²⁾, то онъ такимъ недостойнымъ изображеніемъ Его не только оскорбляетъ нравственно-религіозное чувство, но и унижаетъ самое искусство *подмѣною идеи и подлогомъ въ формѣ*, вопреки исторической правдѣ.

Но всякій художникъ по своимъ внутреннимъ качествамъ, въ значительной мѣрѣ, есть продуктъ той среды, къ которой принадлежатъ созерцатели его произведеній. Поэтому, если художникъ, желающій служить нравственной пользѣ людей, долженъ быть человѣкомъ по возможности нравственнымъ, то на все нравственно чистое и возвышенное въ его произведеніи могутъ отозваться только люди болѣе или менѣе нравственно развитые. Художественное изображеніе, напр., чувства милосердія можетъ быть понятно и можетъ возбудить именно это чувство только въ людяхъ сколько-нибудь милосердных³⁾. „Искусству“, — говоритъ Д. Рескинъ, — „долженъ предшествовать надлежащій нравственный уровень людей; безъ него не можетъ быть искусства. Но разъ оно уже пріобрѣтено, уже существуетъ, — его обратное дѣйствіе возвышаетъ самый уровень нравственности, изъ которой оно само произошло, и, главное, сообщаетъ восторгъ другимъ умамъ, которые въ нравственномъ отношеніи уже способны подчиниться его дѣйствию“⁴⁾. И только такіе люди способны правильно оцѣнить истинную красоту искусства и наслаждаться ею:

„Будь несолнеченъ нашъ глазъ—
Кто бы солнцемъ любовался?
Не живи духъ Божій въ насъ—
Кто бъ божественнымъ плѣнялся?“

(Жуковскій. „Мысли“).

Прот.-проф. Н. Стеллецкій.

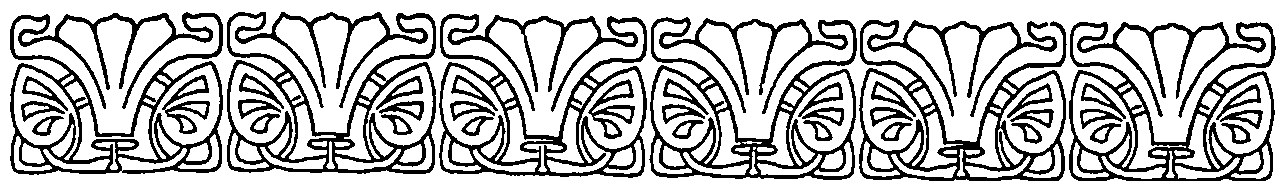
(Продолженіе будетъ).

¹⁾ *Мартенсенъ*, т. II, стр. 690.

²⁾ „Исторія искусствъ“. 1897 г. т. III, вып. 2, стр. 487.

³⁾ Свящ. Е. Викторовскій. „Искусство и мораль въ ихъ взаимномъ отношеніи“. „Странникъ“ 1910 г., февраль, стр. 220.

⁴⁾ „Лекціи по искусству“. стр. 73.

Война и миръ.

I.

Великая война, происходящая въ настоящее время, охватила собою какъ бы пожаромъ всю Европу и готова переброситься—и перебросилась уже—въ другія части свѣта. Европейская война можетъ обратиться со временемъ въ мировую войну. Не дай Богъ, конечно, этого! Отъ искры, брошенной злодѣйскою рукою Германскаго Императора Вильгельма, запылала и пылаетъ теперь, какъ мы видимъ, всеобщимъ пожаромъ войны вся Европа. Какъ бы и что бы ни говорили про Вильгельма въ этомъ отношеніи, во всякомъ случаѣ онъ является, съ религіозной точки зрѣнія (а съ этой именно точки зрѣнія мы и хотимъ освѣтить вопросъ о войнѣ и мирѣ въ настоящей статьѣ своей), орудіемъ Промысла Божія для народовъ Европы и всего міра.

Несомнѣнно, всякая война есть послѣдовательное зло въ этомъ земномъ мірѣ человѣческомъ, пока онъ не очищенъ еще совсѣмъ отъ господствующихъ въ немъ повсюду зла и грѣха, пока добро и святость не вошли въ него, какъ въ губку вода, и не пропитали его окончательно и всецѣло своимъ составомъ. „Услышите — такъ говорилъ Христосъ Спаситель Своимъ ученикамъ незадолго предъ Своими страданіями—о войнахъ и о военныхъ слухахъ. Смотрите, не ужасайтесь; ибо надлежитъ всему тому быть... Возстанетъ народъ на народъ, и царство на царство, и будутъ глады, моры и землетрясенія по мѣстамъ..., будутъ предавать васъ на мученія и убивать васъ; и вы будете ненавидимы всѣми народами за имя Мое“ (Матѣ. XXIV, 6—7; 9—10). Вотъ роковое и неизбѣжное въ мірѣ человѣческомъ явленіе войны со всѣми ея ужасами и тѣми или иными тяжелыми послѣд-

ствіями, какое приходится теперь наблюдать всѣмъ людямъ на свѣтѣ! Оно, это явленіе, всеобще роду человѣческому и распространяется повсюду. Оно замѣчается какъ въ Вѣтхомъ Заветѣ, такъ и въ Новомъ. Оно было отъ начала міра и пребудетъ, по слову Спасителя, до конца его: ибо, по слову Его же, „Сынъ Человѣскій, пришедъ, обрящетъ-ли вѣру на земли“ (Лук. XVIII, 8)? И до тѣхъ поръ, пока вѣра въ Иисуса Христа, какъ Сына Божія, будетъ находиться въ оскудѣніи у людей, пока будутъ господствовать на землѣ невѣріе и беззаконіе, какъ причины охлажденія любви въ людяхъ и возрастаніе въ нихъ ненависти (Матѣ. XXIV, 12), до тѣхъ поръ и война, какъ неизбѣжное и всеобщее зло въ мірѣ, будетъ продолжаться на землѣ, какъ среди отдѣльныхъ лицъ, такъ и среди цѣлыхъ государствъ и народовъ.

Но если всякая война, и тѣмъ болѣе міровая, какъ мы сказали, является теперь неизбѣжнымъ зломъ и несетъ съ собою всякаго рода ужасы для воюющихъ сторонъ, выражающіеся въ массовомъ истребленіи людей усовершенствованными военными орудіями, въ большомъ количествѣ больныхъ и раненыхъ воиновъ, возвращающихся назадъ въ свое отечество съ полей бранныхъ, то, съ другой стороны, война является въ то же время добромъ для нѣкоторыхъ народовъ, принимая во вниманіе именно промыслительное дѣйствіе Божіе въ отношеніи къ міру вообще и къ тому или иному народу въ частности. Смотри на войну съ религіозной точки зрѣнія, какъ на одно изъ орудій этого промыслительнаго дѣйствія Божія, нельзя въ этомъ, конечно, никому изъ насъ сомнѣваться. Въ самомъ дѣлѣ, обратимъ вниманіе, наприм., на нашъ русскій православный народъ и посмотримъ, что произошло въ немъ за послѣднее время, за эти четыре мѣсяца веденія имъ войны съ тремя народами.

Намъ, конечно, неизвѣстно внутреннее состояніе людей; да и никому иному не можетъ быть извѣстно оно точно и хорошо, кромѣ духа человѣческаго, живущаго въ самомъ человѣкѣ, по Олову Божію (1 Кор. II, 11); но мы думаемъ, что не ошибемся, если скажемъ, что это внутреннее, религіозно-нравственное состояніе русскаго народа за послѣднее преимущественно время поднялось значительно, сравнительно съ прежнимъ его состояніемъ.

Какъ видно изъ хода всеобщей исторіи, мирное завое-

ваніе нѣмцами нашего края, какое они предприняли въ этомъ отношеніи еще давно и, можетъ быть, подготовили уже въ нѣкоторой степени до послѣднихъ военныхъ событій, разразившихся надъ нашими головами, не удалось провести и осуществить до конца. Мы разумѣемъ здѣсь именно *штундизмъ*, основанный на югѣ Россіи и особенно распространившійся у насъ въ восьмидесятыхъ и девяностыхъ годахъ прошлаго столѣтія. Онъ такъ и назывался у насъ: *южно-русскій штундизмъ*; но болѣе точно и правильно его назвать нужно: *нѣмецкій штундизмъ*. Мы не говоримъ уже здѣсь о нѣмецкихъ колоніяхъ на западѣ Россіи вблизи границы съ Германіей и Пруссіей. Вся эта затѣя, веденная, безъ сомнѣнія, умѣлыми руками нѣмцевъ и тонко рассчитанная на искаженіе и вытравленіе вѣры въ сердцахъ простыхъ русскихъ людей, нашихъ безграмотныхъ мужичковъ-крестьянъ, не удалась и провалилась окончательно. Русскій народъ въ массѣ своей остался въ религіозномъ отношеніи вѣрнымъ предкамъ своимъ, которыхъ еще при св. равноапостольномъ Князѣ Владимірѣ нѣмцы хотѣли склонить на свою сторону. Онъ сохранилъ вѣру въ Бога, вѣру въ православіе, завѣщанное ему святыми отцами, свято и нерушимо. Онъ остался, по милости Божіей, такимъ же глубоко и искренно вѣрующимъ народомъ, какимъ былъ прежде. Если за послѣднія десятилѣтія эта вѣра нѣсколько и пала у него и образовалась въ видѣ примѣсей нѣмецкой и вообще чужестранной вѣры, если въ средѣ его за то же самое время и нашлись нѣкоторыя лица, которыя обращались, въ случаѣ сомнѣнія въ дѣлѣ вѣры, за разрѣшеніемъ своихъ вопросовъ не къ Православной Церкви, какъ источнику вѣры Христовой, а къ другимъ самоизмышленнымъ кладезямъ вѣро-и-нравоченія человѣческаго, то, повторяемъ, въ большинствѣ своемъ русскій народъ умѣлъ удержать и сохранить у себя цѣлымъ и невредимымъ зерно истины вѣры Христовой, умѣлъ отличить его отъ щелухи разныхъ примѣсей и заблужденій нѣмецкихъ и другихъ національностей.

То Богоискательство, которое широкой струей разлилось по всему лицу русской земли за послѣднее тоже время и нашло себѣ мѣсто преимущественно въ интеллигентномъ классѣ нашего общества, разрѣшилось теперь, по всей вѣроятности, въ благопріятномъ смыслѣ на поляхъ бранныхъ,

когда сошлись лицомъ къ лицу не два, а нѣсколько великихъ народовъ, когда грянулъ военный громъ—и перекрестился на него уже не простой только мужикъ, а и интеллигентный баринъ.

Да, великая Европейская война, безпримѣрная въ лѣтописяхъ нашей исторіи, высоко подняла духъ вѣры въ русскомъ народѣ и возгрѣла его до высокой степени воодушевленія религіозно-патріотическихъ чувствъ, породивъ безчисленное количество примѣровъ разныхъ геройскихъ подвиговъ солдатъ и мирныхъ жителей въ странѣ нашей! Этотъ духъ несомнѣнно сказался еще до веденія войны, когда еще ходили только смутные слухи о приближеніи ея къ намъ. Этотъ духъ сказался, затѣмъ, ярко и сильно въ самый моментъ возникновенія ея на нашей почвѣ, во время сборовъ на войну, при такъ называемой частной и всеобщей мобилизаціи въ нашей странѣ. Мы видѣли, съ какимъ воодушевленіемъ откликнулся на эту войну весь нашъ народъ, отъ верхнихъ краевъ его и до нижнихъ; мы знаемъ, съ какою горячею вѣрою въ Бога и преданностію Помазаннику своему пошли на войну тѣ, кому слѣдовало идти на нее.

Этотъ духъ сказался весьма явственно во время самой войны. Мы знаемъ, во что вылился онъ у Христолюбивыхъ воиновъ нашихъ, сражающихся на полѣ брани съ врагами нашими. Онъ вылился въ горячую вѣру въ Бога, которою исполнены сердца воиновъ, начиная съ генерала и кончая солдатомъ, и въ твердую надежду на Бога и дѣйствительную помощь Его, какъ откликъ на такую именно живую и спасительную, однимъ словомъ, побѣдоносную вѣру (1 Іоан. V, 4). Такое религіозное состояніе, свойственное нашему православному всероссійскому воинству, особенно рельефно запечатлѣно въ одномъ изъ послѣднихъ извѣщеній отъ штаба Верховнаго Главнокомандующаго русской арміей, въ которомъ отмѣчена слѣдующая, отрадная для души каждаго русскаго православнаго человѣка, вѣсть: „побѣдой нашей мы обязаны неизсякаемой милости Господа Бога къ сверхгеройству нашихъ чудо-богатырей“.

Этотъ духъ вѣры, наконецъ, сказался и сказывается весьма живо въ нашихъ полевыхъ и городскихъ лазаретахъ—въ этихъ учрежденіяхъ любви и милосердія человѣческихъ,

въ которыхъ нашли себѣ пріютъ и тихое пристанище современные наши бѣдные лазари, наши мужественные страдалцы—воины, уходъ за которыми отмѣченъ въ высшей степени духомъ христіанской вѣры и любви со стороны врачей, сестеръ милосердія, санитаровъ и другихъ лицъ изъ русскаго общества, принадлежащихъ къ разному сословію и возрасту и такъ или иначе причастныхъ къ этому высоко-гуманному и христіански-полезному учрежденію. Глядя на эти, современные намъ, учрежденія, въ громадномъ количествѣ красующіяся теперь повсюду въ нашей обширной Россіи и отмѣченныя краснымъ крестомъ на бѣломъ фонѣ, посѣщая по временамъ находящихся въ нихъ больныхъ и раненыхъ воиновъ, невольно приходишь къ той мысли, что и самое названіе свое—*лазареты* они получили, вѣроятно, отъ имени приточнаго Евангельскаго *Лазаря*, этого бѣднаго, больного и нищаго человѣка, который при жизни своей на землѣ „воспріялъ злое“, послѣ же смерти своей „отнесенъ былъ Ангелами на лоно Авраамово“ и тамъ „утѣшался“ (Лук. XVI, 20, 25). Не то же ли самое происходитъ и съ нашими героями-воинами, съ нашими страдалцами-мучениками, являющимися, по выраженію церковнаго устава, „подобнострадавшими“¹⁾ св. Іоанну Крестителю? И такъ, несомнѣнно, война многому научила русскій православный народъ въ его религіозной вѣрѣ, составляющей существеннѣйшую стихію его жизни!..

Но если война много сдѣлала для народа нашего въ отношеніи *религіозномъ*, то еще болѣе сдѣлала она для него въ отношеніи *политическомъ*. Область религіозная, какъ извѣстно, внутренняя область и скрытая отъ постороннихъ взглядовъ человѣческихъ. Здѣсь, въ этой области, больше всего открыто, какъ мы сказали, самому духу человѣческому, живущему въ человѣкѣ. Но, вѣдь, духъ религіи, духъ вѣры Христовой, „приходитъ, по слову Божію, свыше, отъ Бога. Только „рожденное отъ Духа, есть духъ“ (Іоан. III, 6). „Духъ“ же „дышетъ, гдѣ хочетъ, и голосъ его слышишь, а не знаешь, откуда приходитъ, и куда уходитъ: такъ бываетъ со всякимъ, рожденнымъ отъ Духа“ (Ів. ст. 8), со всякимъ истинно вѣрующимъ человѣкомъ. Вотъ почему вѣра является

1) См. Уставъ Церковнаго поминанія воиновъ, творимаго 29 августа отъ Петра II, отъ котораго и произошло слово „лазаретъ“.

по преимуществу индивидуальнымъ чувствомъ, свойственнымъ каждому человѣку въ той или иной степени. Вотъ почему моменты возрожденія людей въ вѣрѣ, обновленія ихъ ума и сердца, бываютъ обыкновенно неуловимы и неощутимы для нихъ такъ же, какъ, напр., неуловимъ и неощутимъ былъ моментъ возрожденія для тайнаго ученика Христова Никодима, приходившаго ко Христу Спасителю ночью и бесѣдовавшаго съ Нимъ о тайнѣ царствія Божія (Іоан. III, 1—22).

Такое именно возрожденіе и обновленіе религіозное можетъ быть, конечно, вездѣ и во всякое время: и въ мирное, въ городахъ и селахъ, и въ военное, на поляхъ брани, на поляхъ побѣды или пораженія. Но въ военное время, предъ лицомъ смерти, раскрывающей свою пасть и готовой похитить въ видѣ иногда безчисленныхъ жертвъ съ обѣихъ сторонъ изъ сражающихся армій,—въ военное время, думаемъ, такіе моменты бываютъ весьма часты. Но кто повѣдаетъ ихъ намъ и можемъ ли мы знать ихъ съ достаточною ясностію? Здѣсь многое покрыто мракомъ неизвѣстности и является неразгаданнымъ и сокрытымъ на вѣки въ глубинахъ духа человѣческаго. Здѣсь, если мы и трогаемся и восхищаемся примѣрами религіозной вѣры изъ геройской жизни простого солдата нашего, то обыкновенно не даемъ себѣ яснаго отчета въ этомъ. Съ другой стороны, эти примѣры, замѣченные нѣкоторыми изъ насъ, какъ рѣдкіе и исключительные, въ массѣ своей затериваются совсѣмъ и пропадаютъ, не производя того впечатлѣнія, какое они могли бы произвести, если бы были обнаружены во-время и обнародованы во всеобщую извѣстность.

Не то происходитъ, сказали мы, въ другой области, въ области политической или, точнѣе, политически-гражданской и общественно-государственной жизни русскаго народа. Здѣсь, какъ совершающаяся извнѣ жизнь нашего народа, поставленнаго на свѣщникѣ, „да свѣтитъ всѣмъ“,—и своимъ, и чужимъ,—„иже въ храминѣ суть“ (Матѣ. V, 15),—здѣсь, говоримъ, все бываетъ ясно, и свѣтло, и прозрачно.

Что же можно было замѣтить за послѣднее преимущественно время въ теченіи этой жизни? Нормальна-ли была вообще эта жизнь? Увы! Многого, конечно, требовала она для исцѣленія и обновленія своего. И вотъ, это обновленіе

и исцѣленіе пришло къ намъ съ той стороны, о которой мы, можетъ быть, и не думали совсѣмъ. Оно пришло къ намъ со стороны войны, которая была для насъ въ этомъ отношеніи истиннымъ благомъ, а не зломъ.

Что представлялъ собою до войны русскій народъ въ общемъ своемъ составѣ? Онъ представлялъ собою какъ бы большой лагерь людей, въ которомъ находилась смѣсь племенъ и нарѣчій и, вмѣстѣ съ тѣмъ, смѣсь взглядовъ и убѣжденій. Понятное дѣло, эта смѣсь и пестрота, эта множественность и разнообразіе, должны были весьма ярко отразиться на единомъ составѣ Россійской Имперіи. Нечего грѣха таить: единенія и сплоченности разнороднаго состава населенія въ нашемъ отечествѣ не было замѣтно и раньше. Но отсутствіе его особенно ясно сказалось въ послѣднее время, когда, по волѣ Государя Императора, была учреждена, около десяти лѣтъ тому назадъ, какъ называемая Государственная Дума и преобразованъ былъ совершенно на иныхъ началахъ существовавшій раньше Государственный Совѣтъ. На сколько партій и разныхъ кружковъ раздѣлился тогда единый по вѣрѣ и политикѣ русскій народъ,—и не перечтешь! А сколько мнѣній и убѣжденій, сколько рѣчей и преній изошло за все это время со стороны засѣдающихъ въ нижней и верхней палатѣ депутатовъ нашихъ, г.г. членовъ Государственной Думы и Государственнаго Совѣта! Всего этого нельзя даже вмѣстить въ многотомныя книги.

Говорятъ, что изъ преній возникаетъ истина и изъ разнообразія голосовъ и, вообще, мнѣній и убѣжденій человѣческихъ выносятся твердая и непоколебимая увѣренность въ истинѣ. Все это такъ, конечно. Но вотъ что непонятно и загадочно: въ той же Государственной Думѣ и въ томъ же Государственномъ Совѣтѣ неоднократно поднимался вопросъ, такъ называемый, національный. Сколько разъ говорили тамъ о томъ, что наше отечество, единое по идеѣ и задачѣ своей и множественное по составу своему, слѣдуетъ раздѣлить и раздробить на разные отдѣльные и самостоятельные куски, изъ которыхъ состоитъ оно теперь, что понятіе всего русскаго должно какъ бы разойтись и разлиться въ понятіи всего иностраннаго, населяющаго нашу обширную Имперію,—что колоніи иностранцевъ, насаждаемыя на русской почвѣ, нисколько не вредны для русскаго элемента,—что любовь

къ отечеству, любовь къ національному нисколько не противорѣчитъ любви къ чужестранному, любви къ интернаціональному! И недавно еще, подъ вліяніемъ этихъ рѣчей, раздававшихся оттуда, во имя яко бы блага государственнаго, на самомъ же дѣлѣ страшнаго зла народнаго, проповѣдывались и устраялись всюду забастовки въ нашемъ отечествѣ, проводились взгляды и мнѣнія, отъ которыхъ приходилось жутко русскому человѣку и отъ которыхъ приходилось ему отрешиваться всячески.

Но вотъ грянулъ военный громъ,—и русскіе люди какъ бы замерли на мгновение отъ ужаса, охватившаго все ихъ существо. А потомъ? Потомъ они сознали и почувствовали умомъ и сердцемъ бѣду, постигшую ихъ отечество,—и всѣ отъ мала до велика прониклись глубокою любовію къ этому послѣднему. Забыты были всѣ раздоры и нестроенія, царившія до того времени въ нашемъ отечествѣ; забыты были распри и раздѣленія гражданъ его на различныя партіи и кружки, господствовавшіе въ немъ въ послѣднее преимущественно время. Съ возникновеніемъ у насъ войны люди какъ будто стали жить иною политическою жизнію, совсѣмъ не похожею на предшествующую ихъ жизнь. Самая война, предпринятая противъ насъ германцами, была, можетъ быть, однимъ изъ послѣдствій этого именно внутренняго раздѣленія гражданъ нашего отечества, этого несогласія ихъ въ политическихъ взглядахъ и убѣжденіяхъ и происходившаго отсюда броженія умовъ и сердецъ русскихъ людей, весьма ясно выразившагося въ послѣднее время въ забастовкахъ и другихъ разнаго рода беспорядкахъ.

Какъ только почувствовалась общая опасность, грозившая всему нашему отечеству, такъ сейчасъ же всѣ граждане его стали какъ бы одинъ человѣкъ на стражу его спасенія, заговорили однимъ языкомъ, стали думать одною думою. Куда дѣвалось прежде ихъ несогласіе и раздѣленіе въ этомъ отношеніи? Оно исчезло, какъ туманъ передъ утренней зарей, съ лица русской земли, такъ исчезло, что и слѣдовъ отъ него не осталось никакихъ. Люди явились крѣпко спаянными между собою одною общою любовію къ отечеству. Во имя этой любви сколько жертвъ принесено уже русскимъ народомъ на алтарь отечества! А сколько еще го-

товится быть принесенными туда же, для того, чтобы спасти его отъ дерзкаго поползновенія враговъ, посягнувшихъ на цѣлость и благоденствіе его! Всѣ мелкія и обыденныя заботы русскихъ людей оставлены и забыты были совсѣмъ, все ихъ вниманіе поглощено и сосредоточено теперь только на томъ, чтобы поскорѣе дать отпоръ врагу нашему, сражающемуся съ нами въ лицѣ трехъ народовъ.

Когда мы увидали воочию такую перемѣну, происшедшую съ народомъ нашимъ, когда мы увидали такое, поистинѣ, великое чудо надъ народомъ нашимъ, мы невольно умилились сердцемъ. Да и теперь еще не можемъ совершенно очнуться и придти въ себя отъ воспоминанія о томъ, что творилось у насъ раньше, до войны, и что творится сейчасъ, во время войны. Когда же подумаешь иобразишь о томъ: неужели теперешнее, столь знаменательное и истинно патріотическое, настроеніе русскаго народа, замѣчаемое во всѣхъ его слояхъ и классахъ, пройдетъ когда либо мимо и исчезнетъ совсѣмъ послѣ войны? Неужели русскій народъ возвратится опять къ тому образу мыслей и чувствъ, который былъ имъ столь явственно обнаруженъ въ предшествующій періодъ до войны? Да не будетъ этого съ нимъ никогда! Дай Богъ, конечно, чтобы русскій народъ единымъ умомъ и единымъ сердцемъ мыслилъ и чувствовалъ и впредь свое историческое призваніе, понималъ и разрѣшалъ требованія политическихъ его задачъ и цѣлей! Дай Богъ, чтобы онъ говорилъ всегда въ этомъ случаѣ однимъ языкомъ, языкомъ безгранично преданной любви къ отечеству, выражающейся, впрочемъ, не въ однихъ только словоизліянiяхъ! Дай Богъ, чтобы онъ руководился также при этомъ *дѣломъ и истиною* (1^ю Іоан. III, 18)! Дай Богъ, чтобы та внутренняя спайка, которая слила нашъ многочисленный и многосоставный народъ русскій во единый по убѣжденію и настроенію народъ, никогда не ослабѣвала и не разрывалась въ связяхъ своихъ, пребывая всегда крѣпкой и сильной и на будущее время, по окончаніи войны! Вотъ искреннее благопожеланіе всѣхъ патріотовъ родной земли! Вотъ глубокое молитвенное чувство, охватывающее всѣхъ русскихъ людей въ настоящее время!...

Не на *религіозную* только и *политическую* область русскаго народа оказала вліяніе современная великая война.

Нѣтъ, она оказала также вліяніе и на *бытовую* его область! Мы разумѣемъ здѣсь именно *вопросъ о трезвости*, который занималъ столь долгое время умы всѣхъ благомыслящихъ людей и который, къ великому утѣшенію ихъ, разрѣшился столь быстро и неожиданно въ послѣднее время.

Пьянство, какъ порокъ, считалось и считается всегда зломъ, котораго нужно избѣгать всячески, отъ котораго нужно лѣчиться и противъ котораго нужно принимать какія-либо экстренныя и чрезвычайныя мѣры, для того, чтобы не содѣйствовать въ его распространеніи среди того или другаго народа, а противодѣйствовать и сокращать до минимума. Наша страна Россія находилась въ этомъ отношеніи издавна въ особыхъ, какъ бы привилегированныхъ, условіяхъ и занимала въ питейномъ вопросѣ одно изъ первыхъ мѣстъ въ ряду другихъ великихъ странъ міра. Такъ ужъ сложилось въ ней изстари: *веселіе пити* было веселіемъ славянскимъ, свойственнымъ натурамъ широкимъ и глубокимъ. Зло пьянства, конечно, чувствовалось и сознавалось всѣми русскими людьми, но не всѣми ими одинаковымъ образомъ. Какъ бытовое именно явленіе, оно замѣчалось въ нашей странѣ отовсюду: и со стороны Церкви, и со стороны Государства.

Церковь, какъ учрежденіе Божественное, имѣющее въ виду главнымъ образомъ устройство Царства Божія, и здѣсь—на землѣ, и тамъ—на небѣ, постоянно вооружалось противъ порока пьянства. Она боролась съ нимъ силою пастырскаго слова, основаннаго на Словѣ Божіемъ. А это послѣднее говорить, что „пьяницы царства Божія не наследуютъ“ (1 Кор. VI, 10).

Совершенно другой взглядъ имѣло на тотъ же самый предметъ наше Государство, которое до сихъ поръ шло въ этомъ отношеніи инымъ путемъ, нежели св. Церковь. Государство, какъ извѣстно, взяло на откупъ винную монополию, предоставивъ себѣ всю матеріальную выгоду отъ этого предприятия. Предприятие оказалось очень заманчивымъ и привлекательнымъ: въ государственную казну полились миллионы, наживаемые отъ потребителей водки. А что же дѣлалось въ это время съ нашимъ простымъ по преимуществу и крестьянскимъ народомъ? Онъ пьянствовалъ во всю и разлагался нравственно и физически.

Въ послѣднее время устроено было по этому поводу даже какъ бы соревнованіе между Церковію и Государствомъ. Тогда какъ первая основывала и благословляла общества трезвости, устраивала праздники трезвости или особые дни, въ которые выходила она съ крестнымъ ходомъ на площади, приглашая своихъ чадъ воздерживаться отъ вина и, вообще, соблюдать трезвость,—второе, т. е., государство открывало все болѣе и болѣе винныхъ лавокъ, соблазняя, такимъ образомъ, и заманивая туда своихъ покупателей изъ среды того же простого и крестьянскаго народа. Такъ продолжаться дѣло отрезвленія и дѣло опьяненія Русскаго народа дальше не могло, безъ ущерба для духовнаго и физическаго его существа.

И вотъ, мы видимъ, какъ бы пронесшейся въ видѣ огненнаго метеора надъ нашей бѣдной землей, войну, которая отрезвила русскій народъ окончательно, хотя и наложила на него свою тяжелую руку въ другихъ отношеніяхъ. Правда, война въ торговопромышленномъ и въ экономически-финансовомъ отношеніи много вырвала у насъ матеріальныхъ средствъ, которыхъ придется намъ, вѣроятно, затратить еще не мало въ будущемъ на успѣшное окончаніе ея; но за то, съ другой стороны, война дала намъ изъ среды гражданъ русской земли воиновъ-героевъ, „чудо-богатырей“, которые, благодаря именно всецѣлой трезвости своей, и могли совершить такіе великіе „сверхгеройскіе“ подвиги, которымъ мы удивляемся и восхищаемся и „которыми въ правѣ гордиться вся Россія¹⁾“.

Государство, сознавъ свою прежнюю ошибку, спѣшитъ теперь какъ бы исправить ее. Намъ извѣстно уже распоряженіе правительства о повсемѣстномъ запрещеніи на время военныхъ дѣйствій продажи не только водки, но и всякаго вина вообще. По окончаніи же войны, дѣло отрезвленія народнаго, думаемъ, пойдетъ еще быстрѣе и дружнѣе: ибо съ производствомъ и съ продажей водки, какъ слышно и какъ предначертано это пока въ проэктѣ, будетъ рѣшено окончательно въ отрицательномъ смыслѣ. Такъ легко сравнительно и благопріятно разрѣшается въ наши дни великій и жгучій современный вопросъ о трезвости, за и противъ

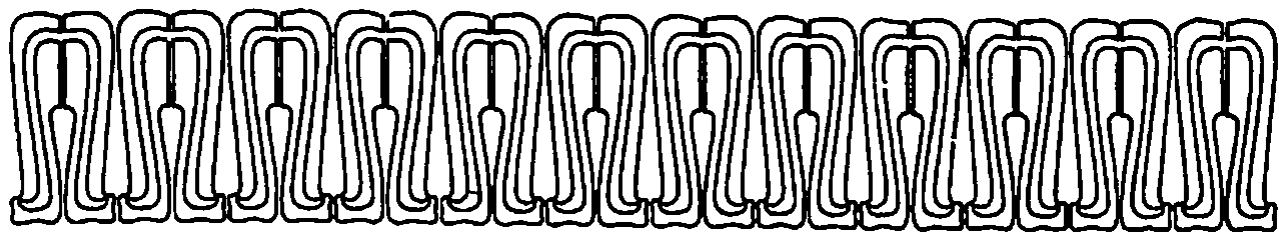
¹⁾ Изъ донесенія штаба Верховнаго Главнокомандующаго относительно побѣды подъ Вислой и Варшавой.

котораго стояло и работало столько головъ и умовъ. Правда, этотъ вопросъ разрѣшается здѣсь, какъ мы видимъ, нѣсколько насильственнымъ или принудительнымъ образомъ; но иначе его, по нашему мнѣнiю, разрѣшить нельзя: потому что, если для насъ, людей интеллигентныхъ и образованныхъ, людей понимающихъ и оцѣнивающихъ всякое зло съ религіозной точки зрѣнiя, представляется иногда совершенно невозможнымъ освободиться отъ него безъ борьбы и безъ тѣхъ или иныхъ внѣшнихъ мѣропріятій со стороны Церкви и Государства, то что-же сказать намъ про нашъ простой, въ большинствѣ своемъ еще темный и невѣжественный народъ русскій,—народъ увлекающійся и поддающійся всякаго рода искушеніямъ и соблазнамъ въ нравственномъ отношеніи, если ему предоставить въ этомъ случаѣ полную свободу дѣйствій? Не будетъ-ли это свобода служить для него, по слову Апостола, „прикрытіемъ еще большаго „зла“ (1 Петр. II, 16)?...

Свящ. Д. Ромашковъ.

(Окончаніе будетъ).

Основы вѣры и знанія (религiи и науки) по даннымъ языка.

(Замѣтки по поводу „Теодицеи“ свящ. Павла Флоренскаго „Столпъ и Утвержденiе Истины. Опытъ православной Теодицеи въ 12 письмахъ“. Москва, 1914 г., с. 809. Ц. 3 р. 50 к.).

(Продолженiе *).

„Письмо“, о которомъ мы выше говорили, необыкновенно многообразно, многогранно и при этомъ столь тонкой отдѣлки въ виду тонкости самаго вопроса, что передать его почти невозможно, не слѣдуя по пятамъ за филиграннымъ художникомъ, а межъ тѣмъ замѣтки мои разрослись; поэтому ограничусь лишь главнѣйшими выводами.

Въ духоносной личности святого „открыта намъ для созерцанiя прекрасная первозданная тварь; для созерцанiя святого обнажается отъ своего растлѣнiя первозданная тварь: церковность есть красота новой жизни въ Безусловной Красотѣ,—въ Духѣ Святомъ“¹⁾.

— „Духовность есть предѣлъ тварной красоты; красота приближается къ этому своему предѣлу... по мѣрѣ вѣдрѣнiя въ мiръ божественный: красота отъ приобщенiя дольняго горнему, самостоятельна же лишь красота горняго. Можно написать такую нисходящую скалу ступеней красоты: Само—красота или Утѣшитель Духоносный духовный прекрасный красивый пригожiй изящный недурной хорошенькiй и т. п.“²⁾.

*) См. ж. „Вѣра и Разумъ“ № 22 за 1914 г.

¹⁾ Ibid., 321.

²⁾ Ibid., 751—2.

Таковъ фактъ. Какова же его объективная природа?— „Каждая монада (Я) лишь постольку существуетъ, поскольку допускаетъ до себя любовь Божественную, ибо Имъ—Богомъ—мы живемъ и движемся и существуемъ“. Только эту любовь „монада становится полнымъ содержаніемъ актомъ, связывающимъ я съ Я (я=Я), т. е. органомъ единого Существа“¹⁾. „Цѣльность личности—цѣльность всей твари“, а каждое отдѣльное лицо есть „членъ единого организма—Церкви“²⁾. „Это единое Великое Существо и есть осуществленная Мудрость Божія... Софія или Премудрость“³⁾.

(Собственно въ греческомъ словѣ *σοφία*), обычно переводимомъ какъ „мудрость, премудрость, разумъ, знаніе, наука и т. п.,—есть вполне опредѣленное указаніе на творчество, на художество, на зиждительство, такъ что это слово слѣдовало бы передавать скорѣе—зидительница, художница, мастерица,—что и есть въ русскомъ пониманіи—въ иконописи русской, у Гомера и Гезіода *σοφία* употреблена въ смыслѣ техническаго знанія, т. е. способности воплощать нѣкоторый замыселъ въ дѣйствительности.

— „Софія есть Великій Корень цѣлокупной твари... которымъ тварь уходитъ во внутри—Троичную жизнь и черезъ который она получаетъ себѣ жизнь Вѣчную отъ Единственнаго Источника Жизни; Софія есть первоизданное естество твари, творческая Любовь Божія, которая излилась въ сердца наши Духомъ Святымъ, даннымъ намъ; поэтому истиннымъ Я обоженнаго, „сердцемъ“ его является именно Любовь Божія, подобно тому какъ и Сущность Божества—внутри—Троичная Любовь... Въ отношеніи къ твари Софія есть Ангелъ Хранитель твари, Идеальная личность міра. Образующій разумъ въ отношеніи къ твари, она—образуемое содержаніе Бога—Разума, „психическое содержаніе“ Его, вѣчно творимое Отцомъ черезъ Сына и завершаемое въ Духѣ Святомъ! Богъ мыслить вещами.—Поэтому, существовать—это значитъ быть мыслимымъ, быть памятуемымъ или, наконецъ, быть познаваемымъ Богомъ. Кого „знаетъ“, Богъ, тѣ и обладаютъ реальностью“⁴⁾.

1) Ibid., 325.

2) Ibid. 752.

3) Ibid. 326.

4) Ib. 326—7.

Эта вѣчная память—есть покой (т. е. собственно—жилище, домъ)—на небѣ, послѣ того какъ рушится „земная храмина“ его.

— „Премудрость имѣетъ себя лишь въ Источной премудрости Божіей—въ Сынѣ, и это Материнство—лишь въ Источномъ Родительствѣ,—во Отцѣ. Пронизанная Троичною Любовью, Софія религіозно,—неразсудочно—почти сливается со Словомъ и Духомъ и Отцомъ, какъ съ Премудростью и Царствомъ и Родительствомъ Божіимъ; но разсудочно она есть совсѣмъ иное нежели каждая изъ этихъ Упостасей“¹⁾.

— „Идея о предсуществующей міру Софіи—Премудрости, о Горнемъ Іерусалимѣ, о Церкви въ ея небесномъ аспектѣ или о Царствѣ Божіемъ, какъ объ Идеальной Личности Твари или объ Ангелѣ-Хранителѣ ея,—или еще, какъ объ Упостасной Системѣ миротворческихъ мыслей Божіихъ и Истинномъ Полюсѣ и Нетлѣнномъ Моментѣ тварнаго бытія—идея эта въ изобиліи разсѣяна по всему Писанію и въ твореніяхъ отеческихъ“²⁾.

— „Подъ угломъ зрѣнія Упостаси Отчей Софія есть идеальная субстанція, основа твари, мощь или сила бытія ея; если мы обратимся къ Упостаси Слова, то Софія—разумъ твари, смыслъ, истина или правда ея; и, наконецъ, съ точки зрѣнія Упостаси Духа мы имѣемъ въ Софіи духовность твари, святость, чистоту и непорочность ея т. е. Красоту“³⁾.

— „Если Софія есть вся тварь (—„начатокъ и центръ искупленной твари,—Тѣло Господа Іисуса Христа, т. е. тварное естество, воспринятое Божественнымъ Словомъ“—), то душа и совѣсть твари,—человѣчество,—есть Софія, по преимуществу. Если Софія есть все человѣчество, то душа и совѣсть человѣчества,—Церковь,—есть Софія по преимуществу. Если Софія есть Церковь, то душа и совѣсть Церкви,—Церковь Святыхъ есть Софія по преимуществу. Если Софія есть Церковь Святыхъ, то душа и совѣсть Ц. С.—Ходатаица и заступница за тварь предъ Словомъ Божіимъ, судящимъ тварь и разсѣкающимъ ее на-двое, Матерь Божія,—„міру, Очистилище“,—опять таки есть Софія по преимуществу. Но истиннымъ знаменіемъ Маріи Благодатной является

¹⁾ Ів. 331—2.

²⁾ Ів. 332.

³⁾ Ів. 349.

Дѣвство Ея, Красота души Ея. Это и есть Софія“¹⁾.—Вѣдь дѣвственность, непорочность—„вся суть церковности: дѣвственность—это и есть церковность“. Всѣ Иконы Богоматери, такъ называемыя „явленные“ (ознаменованныя чудесами, т. е. какъ бы получившія одобреніе и утвержденіе отъ Са-мой Дѣвы), отражаютъ множество отдѣльныхъ аспектовъ со-фіейной красоты Дѣвы Маріи. „Подлинное религиозное твор-чество, исходящее изъ души народа“ отразилось во много-численныхъ вариантахъ иконы „Софіи Премудрости Божіей“ (замѣчательную „повѣсть“ о коей находимъ у о. Павла на цѣломъ рядѣ страницъ этого „письма“). „Занятая богослов-скою спекуляціею, Византія воспринимала со стороны ея спекулятивно-догматическаго созерцанія. Софія, въ пони-маніи грековъ, по преимуществу предметъ созерцанія. Наши же предки, воспринявъ отъ Византіи готовыя дог-матическія формулы, прильнули душою къ подвигу и къ непорочности, возлюбили чистоту и святость отдельной души. И тогда Софія повернулась къ ихъ сознанию другою своею гранью, аспектомъ цѣломудрія и дѣвственности, аспек-томъ духовнаго совершенства и внутренней красоты. Нако-нецъ, наши современники, мечтая о единствѣ всей твари въ Богѣ, всю мысль устремили къ идеѣ мистической Церкви. И Софія повернулась къ нимъ своею третьею гранью—аспек-томъ Церкви... Чѣмъ же теперь является Софія?—Софія—это память Божія, въ священныхъ недрахъ которой есть все, что есть, и вѣно которой—Смерть и Безуміе“²⁾.

— Предъ нами прошли основные мотивы, на которыхъ построена вся книга о Павла: „Догматъ единосущія Троицы, идея обоженія плоти, требованія аскетизма, чаяніе Духа Утѣшителя и признаніе за тварью премирнаго нетлѣннаго значенія“³⁾. — „Софія—эта истинная Тварь или тварь во Истинѣ, является предварительно какъ намекъ на преобразенный одухотворенный миръ, какъ незримое для другихъ явленіе горячаго въ дольнемъ. Это откровеніе совершается въ личной, искренней любви двухъ,—въ дружбѣ, когда любящему дается предварительно, безъ подвига, нарушеніе самогождества,

¹⁾ Ib. 350--1.

²⁾ Ib., 389--90.

³⁾ Ib. 398.

снятіе граней Я, выхожденіе изъ себя и обрѣтеніе своего Я въ Я другого,—Друга.—*Дружба, какъ таинственное рожденіе Ты, есть та среда, въ которой начинается откровеніе Истины*“ 1).

Какъ же осуществляется этотъ таинственный процессъ?— „Та духовная дѣятельность, въ которой и посредствомъ которой дается вѣдѣніе Столпа Истины, есть *любовь благодатная*“— въ очищенномъ долгимъ подвигомъ сознаниі. Эта любовь „пріоткрываетъ ему двери горнихъ міровъ, и тогда вѣетъ оттуда прохладой рая“; теперь душа вольна выбрать путь грѣховный, раздѣдающій личность, или „украшать себя горнею красотою“.— „За моментомъ Эроса,—въ Платоновскомъ значеніи слова,—открывается въ душѣ *φιλία*,—*высшая точка земли и мостикъ къ небу*... Тутъ ему дается *предварительное единосуціе и, слѣдовательно, предварительное вѣдѣніе Истины. На эту-то вершину человеческого чувства и спускается небесная благодать той любви*“ 2).

Въ греко-римскомъ мірѣ философскомъ этотъ вопросъ горячо и долго занималъ умы и сердца, потому и въ языкѣ греческомъ наиболѣе создано тонкихъ и характерныхъ отличій для разныхъ видовъ „любви“. На этой подготовленной въ языкѣ почвѣ Евангельское міропониманіе взрастило еще новые благоуханные цвѣты, особенно ярко видные (въ греческомъ текстѣ. Отсюда явилась возможность дружбы—предваренія на землѣ Богопознанія реального—въ христіанскомъ смыслѣ.

Четыре глагола—*εραῦν*, *φιλεῖν*, *στέργειν* и *ἀγαπᾶν*—отдѣняютъ въ словѣ различныя стороны чувства любви; изъ нихъ лишь *στέργειν* относится къ чувству родовому,—спокойному, непрерывному въ глуби любящаго, нерасторгаемому даже зломъ,—нѣжную привязанность родителей къ дѣтямъ, мужа къ женѣ, гражданина къ отечеству. Остальные—передаютъ оттѣнки личнаго чувства: *εραῦν* (*ἔρως*) выражаетъ любовь—страсть (въ томъ числѣ и чувственную), ея паѳосъ,—стремительную, порывистую любовь ощущенія; *φιλεῖν* (*φιλία*)—ближе всего къ нашему „любить“ въ его общемъ значеніи, выражая внутреннюю склонность къ лицу, выросшую изъ задушевной общности и близости лицъ, стоящихъ въ какихъ либо вну-

1) *ib.* 391—2. 2) *ib.* 395—6.

тренне-близкихъ отношеніяхъ (отсюда частное значеніе φιλεῖν—цѣловать). Это любовь непосредственная, проникновеніе въ самого человѣка, задушевная, не разсудочная, но и не страстная, выражающая близость личную, нутрянную,—любовь внутренняго признанія, личнаго прозрѣнія, пріязнь. Ἀγαπᾶν (ἀγάπη)—отмѣчаетъ любовь разсудочную, конечно—не страстную, не горячую и нѣжную, но основанную на оцѣнкѣ любимаго, окрашенную морально, любовь—какъ направленіе воли, опредѣляемой разсудкомъ, свободное избраніе.—Однако ни одно изъ этихъ словъ, ни попытка объединить всѣ три оттѣнка личной любви—въ видѣ φιλοφροσύνη—не передаютъ содержанія того, что вложено въ „Дружбу“ Θεοδιцеи. Ближе всего—φιλεῖν—если принять его оттѣнки: φίλος происходитъ отъ мѣстоименнаго корня, близкаго къ русскому „свой“: производныя отъ той же основы: Φέται (гомеровское)—знаемые (всѣ, кого я знаю, весь кругъ знакомыхъ); ἑταῖροι—союзники, имѣющіе общее предпріятіе, сходно съ старин. русское „товарь“ (товарищъ, товарищъ)—защитникъ, защита, крѣпость; это—друзья случая, временно связанные, сопартійные политическіе союзники; φίλος—другъ личный, вѣрный до конца и во всемъ товарищъ,—связь внутренне—необходимая и духовная, и, наконецъ,—ἰδιος—свой собственный—въ противоположность тому, что намъ обще съ другими, своеобразный, личный, имѣющій свою природу. Но и съ этими оттѣнками „φίλος“ не равно „другъ“. Да оно такъ и должно быть: всякій народъ въ языкѣ своемъ, по-своему, своимъ содержаніемъ, своимъ пониманіемъ наполняетъ и оживляетъ слова. Такъ христіанское міропониманіе одухотворило ихъ и насытило идеєю „благодатной Божественной любви“, при чемъ внутренняя энергія слова стала обратно пропорціональной той „человѣческой“ энергіи, которая связывалась со словомъ въ языкѣ классическомъ... Слова ἐραῦν, ἐρώς почти исключены изъ книгъ Ветхаго Завѣта и вовсе не допущены въ книги Новаго Завѣта (—лишь иногда въ писаніяхъ подвижниковъ—мистиковъ встрѣчаются для означенія высшей любви къ Богу—)... Φιλεῖν... одухотворилось и стало выражать христіанскія отношенія любви, опирающіяся на личную склонность и личное общеніе.—И, наконецъ, беззавѣтное и сухое ἀγαπᾶν наполнилось духовною жизнью... ἀγάπη стало выражать проникновенную, вселенскую любовь,—

любовь высшей духовной свободы.—Въ нѣкоторыхъ случаяхъ *φιλεῖν* и *ἀγαπᾶν* почти взаимно замѣнимы; въ другихъ же—они дифференцируются: о заповѣди любви къ Богу и ближнимъ... о любви къ врагамъ—только *ἀγαπᾶν*... Объ интимно-личной любви Господа къ Лазарю, равно какъ и объ отношеніяхъ Его къ Любимому Ученику попеременно *φιλεῖν* и *ἀγαπᾶν*... Послѣднее въ Новозавѣтномъ языкѣ ставится всюду, гдѣ рѣчь о направленіи воли, „гдѣ склонность покоится на рѣшеніи воли, на выборѣ объекта любви“¹⁾.

На ясномъ различеніи этихъ двухъ синонимическихъ словъ любви совершенно опредѣленно устанавливается напр., сущность бесѣды Господа съ Петромъ (по поводу отреченія послѣдняго),—на которой католичество опираетъ свои притязанія, въ которой даже нерѣдко въ православіи усматривается возстановленіе Петра въ якобы утраченномъ—въ силу отреченія—апостольскомъ достоинствѣ, и которая, однако, не догматическаго характера, а касается лишь личной судьбы и жизни Апостола (почему вся 21-я глава и вынесена Евангелистомъ за общую раму изложенія).—Здѣсь на двукратный вопросъ Господа: *ἀγαπᾶς με* (т. е. тонкій укоръ въ видѣ вопроса о любви лишь общечеловѣческой, а не дружеской, укоръ, быть можетъ, не подмѣчаемый Петромъ), апостоль два раза настойчиво говоритъ: „*Φιλῶ σε*“ (т. е. „да, я другъ Тебѣ“). Только на третій вопросъ Господа, скорѣе всего тономъ укора и недовѣрія, „*Φιλεῖς με?*“ (т. е. „неужели ты другъ Мнѣ?“), Апостоль, огорченный, даетъ отвѣтъ, въ которомъ ухо улавливаетъ прерывающія слезы: „Господи! все Ты знаешь, Ты знаешь, что я—другъ Тебѣ“.

„Что же касается до *ἀγάπη*—слова, какъ сказано, вполне чуждаго вѣ—библейскому, древнему свѣтскому языку, то оно обозначаетъ такую любовь, которая чрезъ рѣшеніе воли избираетъ себѣ свой объектъ, такъ что дѣлается самоотрицающимся и сострадательнымъ отданіемъ себя для и ради него. Таковая, жертвенная любовь на свѣтской почвѣ известна лишь какъ порывъ, какъ нездѣшное дѣианіе, но не какъ опредѣленіе жизненной дѣятельности. Этимъ то библейская *ἀγάπη* являетъ себя съ чертами не человѣческими и условными, а божескими и абсолютными.

¹⁾ Гв. 403.

— „Четверица словъ любви—это одна изъ великихъ драгоценностей сокровищницы эллинскаго языка, и едва ли можно однимъ взглядомъ охватить весь кругъ преимуществъ доставляемыхъ жизне-пониманію этимъ совершеннымъ орудіемъ“. 1) — И въ самомъ дѣлѣ, здѣсь намѣчены основныя скрѣпы общества: для античнаго черезъ ἔρως—силу личную и πατριή—начало родовое; для христіанскаго—черезъ φιλία—въ области личной и ἀγάπη—общественной.—„Стоить прочесть непосредственно одинъ за другимъ три діалога, подъ однимъ и тѣмъ же заглавіемъ—„Пиръ“, Ксенофонта, Платона и св. Меодія Олимпійскаго,—чтобы это облагороженіе и одухотвореніе понятій любви выступило съ удивительной пластичностью... Можно сказать, что всѣ три діалога—этажи одного дома, построенные на разныхъ высотахъ, но имѣющіе приблизительно тождественное расположеніе комнатъ:—жизнь животная... жизнь человѣческая... жизнь ангельская“. 2)

— „Агалическая сторона христіанскаго общества... завершается... со вкушеніемъ Пречистаго Тѣла и Честной Крови... филическая же воплощается въ отношеніяхъ дружбы, расцвѣтъ свой находящихъ въ сакраментальномъ брато-твореніи (см. ниже особую часть, посвященную церковному чину, брато-творенія) и со-вкушеніи св. Евхаристіи и питающихся этимъ вкушеніемъ для со-подвижничества, со-терпѣнія и со-мученичества.—Объ стороны церковной жизни... братство и дружество, во многомъ протекаютъ параллельно... Въ вершинахъ своихъ, объ струи... стремятся даже совсѣмъ слиться; это и понятно, ибо приобщеніе ко Христу черезъ таинство Св. Евхаристіи есть источникъ всякой духовности. Но тѣмъ не менѣе, онѣ несводимы, другъ на друга; каждая по-своему необходима въ церковной экономіи... Для христіанина всякій человѣкъ—ближній, но вовсе не всякій—другъ. И врагъ, и ненавистникъ, и клеветникъ, все же ближній, но даже и любящій,—не всегда другъ, ибо

1) Ib. 406. Другіе языки скудны понятіями любви, откуда—„безконечныя и бесполезныя пренія и тренія“, а равно—„потребность выдумать хотя бы суррогатъ эллинской четверицы, т. е. при помощи нѣсколькихъ словъ создать терминъ „равносильный греческому“ единому слову“. (Ib.)

2) Ib. 410.

отношенія дружбы глубоко индивидуальны и исключительны... Иисусъ Христосъ называетъ апостоловъ своими „друзьями“ лишь предъ разставаніемъ съ ними, совѣмъ на порогъ своей крестной муки и смерти“. ¹⁾—„Чтобы ко всѣмъ относиться, какъ къ самому себѣ, надо хотъ въ одномъ *видѣть* себя, осязатъ самого себя, необходимо воспринимать въ этомъ одномъ уже осуществленную—хотя бы и частично—побѣду надъ самостью. Такимъ однимъ и является Другъ, агапическая любовь къ которому есть слѣдствіе филической любви къ нему...

Чтобы дружба имѣла глубину,... необходима агапическая любовь къ братьямъ ²⁾. „Антиномія“ ἀγάπη—φιλία полностью впервые открылась въ Евангеліи“. ³⁾... Предѣлъ дробленія... молекула общинная—пара друзей—антиномія личности—двоицы... „Двое“—этѣ новое соединеніе химіи духа, когда „одинъ, да одинъ“ (опара“ притчи) преобразуются качественно и образуютъ третье („вскисшее тѣсто“ ⁴⁾).—„Сопрошеніе двухъ, согласившихся во всякой вещи на землѣ... (достигшихъ едино—сущія другъ другу) всегда исполняется.. потому что *собранность двухъ или трехъ во имя Христова*, со—вхожденіе людей въ таинственную духовную атмосферу около Христа, пріобщеніе Его благодатной силы, *претворяетъ ихъ въ новую духовную сущность, дѣлаетъ изъ двухъ частицу Тѣла Христова, живое воплощеніе Церкви, воцерковляетъ ихъ*. Понятно, что тогда—и Христосъ „посреди нихъ“.—Онъ посреди нихъ, какъ душа „посреди каждаго члена одушевляемаго ею тѣла. Но Христосъ едино—сущенъ Отцу Своему, и поэтому Отецъ дѣлаетъ то, о чемъ просить Сынъ“ ⁵⁾.

— „Мистическое единство двухъ есть условіе вѣдѣнія и, значитъ, явленіе дающаго это вѣдѣніе Духа Истины“. ⁶⁾

„Пріятіе (откуда и „пріятель“—„пріятный“ т. е. охотно пріемлемый, принимаемый) въ душу дружескаго Я сливается во—едино два раздѣльныхъ потока жизни. Это жиз-

1) Ib. 411—2.

2) Ib. 412—3.

3) Ib. 417.

4) Ib. 419—420.

5) Ib. 421—2.

6) Ib. 430.

ненное единство получается не какъ порабощеніе одной личности другою, и, даже не какъ сознательное рабство одной личности предъ другою. Дружеское единство нельзя тоже назвать уступкою, уступчивостью. Это именно единство¹⁾. Это „вовсе не медіумическое взаимо-обладаніе личностей, не погруженіе ихъ въ безличную и безразличную, а потому и несвободную—стихію обоихъ. Оно—не раствореніе индивидуальности, не приниженіе ея, а подъемъ ея, сгущеніе, укрѣпленіе и углубленіе“²⁾.

— „Нельзя обмануть повседневною жизнью, и истинная проба подлинности души—черезъ жизнь вмѣстѣ, въ дружеской любви. Тотъ или другой актъ героизма можетъ совершить всякій; интереснымъ можетъ быть всякій; но такъ улыбнуться, такъ сказать, такъ утѣшить, какъ дѣлаетъ это другъ мой, можетъ лишь онъ одинъ и никто болѣе... Дружба—это видѣніе себя глазами другого, но передъ лицомъ третьяго, и именно Третьяго... Если тезисъ дружбы есть тождество и подобіе, то ея антитезисъ—не тождество и не подобіе“³⁾. „Вѣрность разъ завязавшейся дружбы, строгая, какъ неразрывность брака, твердость до конца, до „кровей мученическихъ“,—таковъ основной завѣтъ дружбы, и въ соблюденіи его—вся сила его... Кто порвалъ одни, тотъ порветъ и другія“⁴⁾. „Чѣмъ больше дружбы,—тѣмъ больше слезъ, а чѣмъ больше слезъ—тѣмъ больше дружбы... Существуютъ зерна, которыя прорастаютъ въ нашей душѣ только подъ дождемъ слезъ, пролитыхъ изъ-за насъ; а межъ тѣмъ эти зерна приносятъ прекрасные „цвѣты“ и цѣлительные плоды. И я не знаю, рѣшился бы я полюбить человѣка, который никого не заставилъ плакать“⁵⁾.

Итакъ, глубочайшая, несказанная любовь, создающая единосущіе друзей—филическое начало церковной жизни, а такъ какъ въ Церкви нѣтъ „Privatsache“, то вмѣстѣ съ тѣмъ—и агапической.

— Что же обезпечиваетъ неслиянность явленій разнородныхъ, что поддерживаетъ равновѣсіе началъ особливаго

1) Ib. 433.

2) Ib. 435.

3) Ib. 438—9

4) Ib. 445.

5) Ib.

и общаго?—„Разъ для каждаго члена другъ брата долженъ быть другомъ брата, но лишь другомъ брата, а не просто другомъ всякому, то необходимо должна быть и сила, которая устрояетъ и поддерживаетъ индивидуальность дружескаго союза... Наряду съ силою центр-объясной должна быть и сила центр-стремительная. Сила эта—ревность и произведеніе ея — обособленіе, ограниченіе, расчлененіе. Если бы не было ея, то не было бы конкретной церковной жизни, съ ея опредѣленнымъ строемъ, а было бы протестантское, коммунистическое, анархическое, толстовское и т. д. смѣшеніе всего со всѣмъ,—полная безвидность и хаосъ. Сила ревности жива и въ дружбѣ и въ бракѣ, и въ общинѣ—приходѣ и въ монастырѣ—киновіи, и въ епископіи—епархіи, и въ помѣстной церкви,—всюду (—„не даромъ вѣдь по канонамъ отношеніе епископа и священника къ паствѣ разсматривается какъ отношеніе брачное, а посвященіе—какъ бракосочетаніе“—). Всюду требуется опредѣленность связей и постоянство союзовъ, будь то съ другомъ, съ супругою, со старцемъ, съ пастыремъ, съ епископомъ, съ митрополитомъ, съ патріархомъ, т. е. всюду должна быть не только любовь, но—и ревность,—къ другу, къ супругѣ, къ паствѣ, къ братіи, къ епархіи, къ помѣстной церкви“¹⁾).

Что же такое ревность?—„Въ ходячемъ, интеллигентскомъ словоупотребленіи ревность понимается какъ порокъ, или, по крайней мѣрѣ, какъ безспорный нравственный недостатокъ, — нѣчто постыдное и достойное осмѣянія. Въ основѣ ревности интеллигенціей принято усматривать и гордость, и тщеславіе и самолюбіе, и подозрительность и недовѣріе, и мнительность—словомъ, все что угодно, но только не какое-либо моральное преимущество“²⁾).

Вотъ—яркій, рѣзкій примѣръ того, гдѣ, какъ и почему слово „опошливается“ (—по немъ пошло, походило много людей—въ грязныхъ, пыльныхъ сапогахъ—эта пыль—грязь осѣла и заслонила, закрыла тѣнью его свѣтоточныя стороны—); „специализируется“ пониманіе широкаго значенія слова, разъ оно попадаетъ въ среду узкаго круга лицъ, а особенно съ предвзятыми (въ широкомъ смыслѣ), партійными взглядами.—Вѣдь въ Книгѣ Книгъ очень часто и настойчиво рев-

¹⁾ Ib. 462—3.

²⁾ Ib. 464—5.

ность приписывается Богу, тогда какъ „ни при какихъ анеропоморфизмахъ Богу не приписывается грѣха, или похоти, или лжи. Значить, въ истокѣ своемъ ревность носить нѣчто святое. Да и ни въ одномъ языкѣ, въ его живомъ, не препарированномъ для специальныхъ цѣлей (—„кухонная латынь“—), пониманіи нѣтъ ревности въ нашемъ „пошломъ“ значеніи. Обще-семитскій корень „кн“ и происходящія отсюда слова—напр., въ древне-еврейскомъ „кин’а“ (=рвеніе—ревность) чужды оттѣнка „ревнивецъ“; другой корень „шк’д“—откуда древне-еврейское „шекида“—еще дальше отстоятъ: „уважать, почитать, цѣнить что“.—Греческое ζήλος (—ζᾶλος—)= пылъ, рвеніе; ненависть; лишь позднѣе, сравнительно рѣдко (—а вѣдь греки—„самый ревнивый народъ“)—ревнивость. Латинское zeloturia заимствовано съ греческаго: въ его основахъ отношеній къ Богу не было данныхъ для этого понятія,—оно и въ жизни—языкѣ не бытуетъ.—Русское понятіе *ревности* въ основѣ характеризуется какъ сила, напряженіе (отнюдь не страхъ, ненависть, зависть): черезъ старославянскую форму „рѣв-ьн-ивъ“ (=рус. „ревнивъ“) тѣснѣйшимъ образомъ примыкаетъ къ семейству словъ: рвеніе, ревностный, ревнитель—роднящихся съ „рвать, рваться“ къ чему-либо, т. е. съ силою стремиться къ чему-нибудь („имѣть ревность=имѣть рвеніе; ревновать—поревновать чего—„знаній, небеснаго царства“; ревновать—соревновать кому („ревнуйте нашему примѣру“). Значить, вслѣдъ за Далемъ, можно твердо, рѣшительно сказать, что „ревность“ прежде всего есть „горячее усердіе, стремленіе“—и преимущественно къ дѣлу („ревность по службѣ, ревность къ службѣ, ревность не по разуму“), а „ревностный“,—самый усердный, прилежный, предавшійся дѣлу всей душою („ревностный поборникъ правды или за правду“).—Въ истокѣ всѣхъ такихъ пониманій—„ревность о Господѣ“, и христіанское пониманіе считаетъ таковую положительною Богодарованною силою, „цсомъ и хранителемъ Закона Божія“, другою стороною Любви—это основы, опоры Личности. Для этого пониманія любви къ вещи быть не можетъ (лишь вождельнѣе, похоть, стремленіе обладать ею какъ „собственностью“).

Естественно, что въ міропониманіи не религиозномъ не можетъ быть и личности—образа Божія, не можетъ быть и понятія любви—ревности, какъ сущности личности, здѣсь

личность и вещь не имѣютъ различія въ суженномъ сознаниі, а потому смѣшаны нераздѣлимо и любовь съ вожде-лѣніемъ.—Вполнѣ понятно, что такъ называемый „интеллигентскій“ взглядъ на ревность особенно свойственъ тому вѣку, который былъ революціонно-интеллигентскимъ по преимуществу,—XVIII-му; и осуждается ревность въ особенности въ томъ мѣстѣ, гдѣ просвѣтительная разсудочность царила нетерпимѣе всего,—въ Парижѣ“ 1).

Въ философской литературѣ понятіе ревности загнано на задворки,—рѣдко кто туда заглядываетъ. У Спинозы житейское пониманіе ревности нашло себѣ чеканную формулировку: „Любовь, полная ненависти къ любимому предмету и зависти къ другому, пользующемуся любовью перваго“, причемъ онъ углубляетъ понятіе, пользуясь образомъ смѣшенія двухъ жидкостей, мутнѣющихъ при проникновеніи одной въ другую: „Любовь и ненависть“ смѣшиваясь, образуютъ fluctuatio—„струеніе“ души, вслѣдствіе чего сознание мутнѣетъ и дѣлается непрозрачнымъ“ 2) т. е. ревность—не наростъ лишь безобразный, а непремѣнный спутникъ любви, ея тѣнь, при измѣнѣ, при поворотѣ отношеній къ худшему; но все же ревность лишь эквивалентъ любви и у него, нѣчто инородное любви, хотя и причинно съ него связанное,—нѣчто предосудительное, согласно съ безжизненнымъ, вещнымъ (лишеннымъ категоріи личности) характеромъ философіи Спинозы: на мѣстѣ любви, значить, у него должно стоять вождедѣніе, на мѣстѣ ревности—ненависть съ завистью,—подмѣна понятій невольная и неизбежная при рационализмѣ.

— Межъ тѣмъ для христіанскаго міровоззрѣнія—“ревность есть сама любовь но въ своемъ „ино-бытіи“... необходимое условіе и непремѣнная сторона любви,—но обращенная къ скорби,—такъ что желающій уничтожить ревность уничтожилъ бы и любовь 2).

— „Ревность—одинъ изъ моментовъ Любви, основа любви, фонъ любви, первичная тьма, изъ которой возсіяваетъ лучъ любви“ 3).

„Непонятымъ актомъ избранія личность сдѣлана единственной, призвана къ высочайшему, къ царственному сану

1) Ib. 465.

2) Ib. 469.

3) Ib. 470.

Ты (Другъ). Она согласилась на это избраніе... Теперь возникаетъ рвеніе или ревность воплотить во времени свой вѣчный актъ избранія своего Ты... Это Ты вросло въ Я, сдѣлалось частью его. Разлюбить—это значитъ лишиться части своей, забыть—это значитъ отсѣчь отъ себя кусокъ живой плоти... *Любовь имѣетъ корнемъ своимъ святыню души и возможна лишь постольку, поскольку жива эта святыня. Оберегать жемчужину души—значитъ оберегать святую любовь; не радѣть (—не ревновать) о святынь своей значитъ не радѣть о любви“¹⁾.*

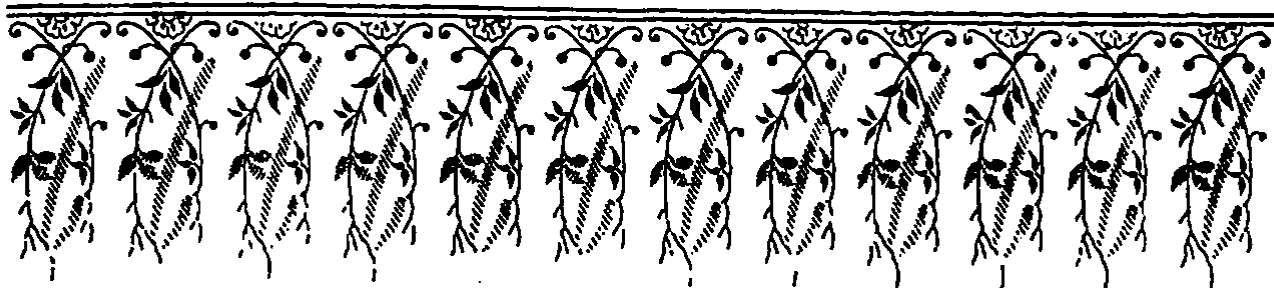
А вѣдь эта любовь двухъ—начало Церкви.—Значитъ, „стремленіе къ Столпу и Утвержденію истины осуществляется и сохраняется ревностью, этою для современнаго сознанія загнанною и презрѣнною силою нашего духа“²⁾.

А. Ветуховъ.

¹⁾ Гб. 478, 474.

²⁾ Гб. 482.

СУЩНОСТЬ ЖИЗНИ.

(Продолженіе *).

Органическая телеологія.

Разсматривая жизненный, или растительный организм въ его цѣломъ, или въ отдѣльныхъ частяхъ, мы замѣчаемъ, что въ строеніи какъ отдѣльнаго органа, такъ и цѣлаго организма всегда воплощено извѣстное назначеніе. Все органическое царство до такой степени проникнуто цѣлесообразностью, что мы смотримъ на нее, какъ на нѣчто само собой понятное. Какой бы органъ человѣческаго тѣла мы ни взяли—глазь, ухо, пищеварительный органъ—вездѣ замѣтимъ разумную приспособленность извѣстныхъ средствъ для достиженія опредѣленной цѣли. Если мы сравнимъ дѣйствія различныхъ органовъ въ ихъ взаимномъ отношеніи, то замѣтимъ, что дѣйствія всѣхъ органовъ связаны другъ съ другомъ и составляютъ одно индивидуальное цѣлое, называемое нами организмомъ. Въ послѣднемъ всѣ части такъ связаны, что мы не можемъ представить себѣ ихъ иначе, какъ только въ отношеніи къ цѣлому. Обычно различаютъ цѣлесообразность внутреннюю и внѣшнюю. Описанный нами видъ цѣлесообразности, по которому всѣ части организма являются вмѣстѣ и цѣлями и средствами, взаимно содѣйствующими себѣ въ своихъ отправленіяхъ и служащими одновременно цѣлому,—называется внутренней цѣлесообразностью. Но такъ

*) См. ж. „Вѣра и Разумъ“ № 22 за 1914 г.

какъ организмъ въ своемъ существованіи зависитъ отъ окружающихъ его вліяній, то предусмотрительная природа надѣлила его еще внѣшней цѣлесообразностью, выражающейся въ извѣстной приспособленности къ окружающимъ условіямъ. Отсюда—различія въ организациі существъ различныхъ классовъ — травоядныхъ, хищныхъ, наземныхъ и водныхъ.

Не менѣе замѣчательные факты цѣлесообразности мы находимъ и въ растительномъ царствѣ. Вся внѣшняя форма любого растенія приспособлена къ внѣшнимъ условіямъ жизни. Сила тяжести, какъ извѣстно, заставляетъ растеніе устанавливаться по линіи земного радіуса. Корень стремится къ центру земли, стебель направляется кверху.

Это положеніе дерева, дающее ему устойчивость, позволяетъ боковымъ вѣтвямъ ствола расти по разнымъ направленіямъ и образовать раскидистую крону. Если мы обрѣжемъ верхушки—остальныя вѣтви обращаютъ свои конечности къ небу, выпрямляясь по линіи къ центру. Какъ извѣстно, въ умѣренномъ климатѣ преобладаютъ лиственные деревья, въ жаркихъ странахъ, напротивъ, деревья сокращаютъ свою листовую поверхность. Это объясняется тѣмъ, что деревья съ широкой листвою поглощаютъ большее количество кислоты и тѣмъ болѣе усиливаютъ процессъ фотосинтеза, а деревья съ сокращенной листовой поверхностью, находясь въ жаркихъ странахъ, должны возможно меньше расходовать свою влагу, что достигается сокращеніемъ листовой поверхности. Особенной приспособленностью группа насѣкомоядныхъ растеній, которыя удивительно приспособлены къ ловлѣ насѣкомыхъ и ихъ перевариванію. Но всего больше поражаетъ ученыхъ въ растеніяхъ ихъ приспособленность къ оплодотворенію: устройство тычинокъ, пестиковъ, выдѣленіе меда, чувствительность, форма, окраска и т. п.

Мы не станемъ перечислять всѣхъ видовъ и примѣровъ цѣлесообразности въ органическомъ мірѣ, скажемъ лишь словами Гельмгольца, что эта „поистинѣ замѣчательная черта органическаго царства вѣроятно послужила поводомъ къ тому, чтобы сравнивать жизненные процессы съ началомъ, дѣйствующимъ на подобіе души. Во всемъ окружающемъ насъ мірѣ мы знаемъ всего одинъ рядъ явленій,

носящихъ подобный характеръ,—это дѣйствія и поступки разумнаго человѣка. Надо сознаться, что органическая цѣлесообразность стоитъ даже выше способности человѣческаго разума и въ ней приходится признать скорѣе высшій, чѣмъ низшій разумъ“¹⁾).

Представители механической теоріи видятъ въ явленіяхъ органической жизни не цѣлесообразность, а лишь причинно обусловленные механическіе процессы. Механизмъ противопоставляетъ „причинно - механистическое“ толкованіе жизненныхъ процессовъ телеологическому и думаетъ, что телеологія стоитъ внѣ причинности и даже исключаетъ послѣднюю. Но это—заблужденіе. Признаніе телеологіи явленій вовсе не ведетъ къ отрицанію ихъ причинности. Совершенно напротивъ—телеологія необходимо предполагаетъ существованіе причинной связи. Безспорно, жизнь слагается изъ ряда механическихъ и химическихъ процессовъ, безъ которыхъ невозможно и цѣлесообразное развитіе. Но отрицать цѣлесообразность ради того, что между явленіями существуетъ причинная зависимость, значитъ—закрывать глаза на самое главное въ явленіи. Возьмемъ простой примѣръ: предъ нами книга, только что вышедшая изъ типографіи. Безъ сомнѣнія она появилась на свѣтѣ благодаря механическимъ средствамъ. Но развѣ рѣшится кто-либо утверждать, что книга сама по себѣ представляетъ механическую необходимость и что ея возникновеніе обязано только механическимъ средствамъ?

Разницу между человѣкомъ, который видитъ въ явленіяхъ только причинное соотношеніе, и другимъ, который признаетъ также и цѣль, можно уподобить разницѣ между двоими людьми, изъ которыхъ одинъ интересуется только полотномъ и красками картины, а другой обращаетъ вниманіе и на картину и на ту идею, какую хотѣлъ воплотить въ ней художникъ. Отвергающаго телеологію въ мірѣ организмовъ можно сравнить съ человѣкомъ, который въ стихотвореніи интересуется не содержаніемъ, а числомъ буквъ и словъ.

Слѣдовательно, телеологія и причинность суть понятія не взаимно исключаютія другъ друга, но вполне равно-

¹⁾ Гельмгольцъ! Популярно-научныя бесѣды. II, 201.

правныя и взаимно дополняющія другъ друга. Шопенгауэръ справедливо говоритъ по этому поводу: „изъ разсмотрѣнія свойствъ органическихъ существъ слѣдуетъ, что телеологія, предполагающая цѣлесообразность каждой части, оказывается вполне надежнымъ руководителемъ при изученіи органической природы въ ея совокупности. Поэтому въ животномъ все должно быть цѣлесообразно. Въ виду этого конечныя причины являются ключемъ къ уразумѣнію органической природы, равно какъ дѣйствующія причины служатъ ключемъ къ уразумѣнію міра неорганическаго. Этимъ и объясняется—почему, когда мы не понимаемъ въ анатоміи и зоологіи данной части, нашъ умъ не останавливается, какъ остановился бы въ физикѣ предъ дѣйствіемъ, причина котораго ему неизвѣстна. И какъ въ послѣднемъ случаѣ причина, такъ и въ первомъ назначеніе кажутся намъ совершенно необходимыми, и мы продолжаемъ искать, хотя бы такіе поиски не увѣнчались успѣхомъ“¹⁾.

Извѣстное назначеніе, съ которымъ мы встрѣчаемся въ неорганической природѣ, достигается опредѣленными физическими и химическими средствами. Въ виду того, что нашему наблюденію доступны только эти средства, то и возникло то пагубное заблужденіе, по которому одни лишь эти средства заслуживаютъ признанія, совершенно исключая телеологію въ организмѣ.

Возьмемъ еще примѣръ. Если мы разрѣжемъ картофельный клубень надвое, то на поверхности срѣза въсвѣ образуется слой кожицы, которая герметически закупориваетъ рану. Несомнѣнно эта вспомогательная кожица возникла изъ клѣтокъ растенія, благодаря раздраженію, которое было нанесено разрѣзомъ. Механизмъ съ своей точки зрѣнія долженъ видѣть здѣсь лишь одну причинную зависимость: раздраженіе произвело во внутреннихъ клѣткахъ реакцію, которая и повела къ образованію предохранительной кожицы. Но неужели-же этимъ установленіемъ причинной зависимости все сказано и этотъ удивительный процессъ саморегулированія вполне выясненъ и больше ничего не требуется? Въ данномъ случаѣ не выяснено самое главное,—не указано, что это за факторъ, который заставилъ

¹⁾ А. Шопенгауэръ. Міръ какъ воля и представленіе. II, стр. 375.

клетки действовать такъ цѣлесообразно въ интересахъ существованія цѣлаго организма.

Проф. I. Reinke въ своемъ послѣднемъ трудѣ „Philosophie der Botanik“ въ главѣ 3-ей, озаглавленной „Kausalität und Finalität“, прекрасно выясняетъ взаимоотношеніе причинности и телеологіи въ органическихъ явленіяхъ.

„Телеологическое и причинное отношенія связаны между собой, говоритъ Reinke, временно и пространственно. Сложная машина бездѣйствена безъ цѣлесообразнаго отношенія частей другъ къ другу, а дѣятельность частей допустима только при ихъ причинномъ дѣйствіи другъ на друга. Если мы развитіе глаза выводимъ изъ первыхъ замѣтныхъ обнаруженій зародыша, то въ явленіяхъ новообразования, роста и преобразования клетокъ мы имѣемъ причинную обусловленность для развитія органовъ; но явленія клеточнаго образования имѣютъ и сами по себѣ извѣстную научную цѣнность и значеніе, если мы знаемъ къ чему онѣ предназначены: къ преобразованію ли хрусталика, сѣтчатки, роговой оболочки, радужной, мускулатуры, и пр. или къ образованію цѣлаго способнаго къ функционированію глаза. Безъ установленія этой цѣлесообразной зависимости невозможно было бы установить и причинную зависимость, явился бы нѣкоторый научный тормозъ, который едва-ли вознаградилъ бы труды изслѣдователей. Цѣлесообразная зависимость явствуетъ изъ гармоническаго сліянія ея съ причинной зависимостью“¹⁾. Нѣсколько ниже Reinke говоритъ: „въ біологіи причинное объясненіе и телеологическое суть два равноправныхъ метода познанія и критики міра растительнаго и животнаго. Оба принципа изслѣдованія вполнѣ равноправны и одинъ безъ другого немислимы... Въ то время какъ въ физикѣ и химіи мы находимъ лишь приложеніе одного этиологическаго принципа объясненія явленій,—въ біологіи мы должны допустить этиологическое и телеологическое объясненіе въ ихъ тѣснѣйшей связи. Чисто физическое явленіе безцѣльно и въ этомъ смыслѣ справедливы слова Канта, что цѣль—нѣчто прошлое, чужое въ природѣ; точно также организмы и живая протоплазма—нѣчто чуждое въ химіи и физикѣ. Въ свойствахъ отдѣльныхъ химическихъ соединеній,

¹⁾ Reinke. Philosophie der Botanik. Leipzig. 1905 p. 22—23.

въ физическихъ явленіяхъ, какъ таковыхъ, нѣтъ ничего такого, что можно было бы назвать цѣлью; только въ способѣ ихъ соединенія у животныхъ и растеній предъ нами выступаетъ цѣль, которую мы столь же мало переносимъ на природу, какъ и способъ ихъ соединенія. Для біологіи, какъ самостоятельной науки, въ высокой степени важно, что въ организмахъ выступаетъ цѣлесообразность и что безъ послѣдней самъ организмъ немислимъ и понятіе о немъ будетъ туманно и неопредѣленно. Поэтому біологія не можетъ быть опредѣлена лишь какъ химія или физика животныхъ и растеній¹⁾.

Итакъ, цѣлесообразность, составляя неотъемлемое свойство органическихъ существъ, должна мыслиться вмѣстѣ съ причинностью, какъ равноправный и тождественный съ нею принципъ объясненія жизненныхъ явленій. Споръ механизма съ витализмомъ по поводу цѣлесообразности основанъ на: неправильномъ пониманіи цѣлесообразности, которая несколько не противорѣчитъ понятію причинности, но предполагаетъ его. По опредѣленію Канта въ человѣкѣ существуетъ потребность признавать причинную зависимость между явленіемъ и эффектомъ. Разсматривая, напр., дѣятельность сердца, мы чувствуемъ потребность установить причинную связь между существованіемъ этого органа и производимой имъ работой. Иначе говоря, въ работѣ сердца мы видимъ причину существованія самого органа сердца. Именно такое органическое устройство, въ которомъ мы видимъ причинную зависимость между явленіемъ и дѣйствіемъ и называется цѣлесообразнымъ. Въ этомъ то именно смыслѣ и ни въ какомъ другомъ витализмъ и находитъ возможнымъ объяснять телеологически жизненныя явленія. То, что механизмъ признаетъ въ качествѣ дѣйствія или результата извѣстнаго явленія—витализмъ признаетъ какъ цѣль даннаго явленія. Въ силу внутренней необходимости телеологическое толкованіе явленія напрашивается само собой точно такъ же, какъ и причинное объясненіе. Механизмъ, однако, не удовлетворяется этими объясненіями и нападаетъ на самое понятіе цѣлесообразности, утверждая, что это понятіе чисто субъективное, оно заимствовано изъ нашей сознательной дѣя-

¹⁾ I. Reinke. Philosophie der Botanik Leipzig. 1905 г., стр. 35—36.

тельности и мы не имѣемъ ни малѣйшаго права переносить это понятіе на явленія органической жизни, въ которыхъ (явленіяхъ) ничего не соотвѣтствуетъ этому понятію. Приписывать явленіямъ органической жизни цѣли—значить судить о нихъ съ чисто субъективной точки зрѣнія, значить олицетворять ихъ, а не объяснять и понимать. Согласно воззрѣнію механизма нашъ рефлектирующій разумъ есть единственная причина той мнимой цѣлесообразности, которая въ дѣйствительности есть лишь сочетаніе извѣстныхъ причинъ и слѣдствій, естественныхъ веществъ и силъ.

Нетрудно видѣть, что это возраженіе механизма основано на недоразумѣніи и при ближайшемъ разсмотрѣніи не выдерживаетъ никакой критики.

Если понятіе телеологіи заимствовано изъ сознательной дѣятельности человѣка, то и понятіе причинности могло получить начало оттуда же. Въ природѣ мы наблюдаемъ явленія и ихъ послѣдовательность. Причинную зависимость, очевидно, самъ человѣкъ приписываетъ къ явленіямъ природы. Отсюда слѣдуетъ, что какъ телеологія, такъ и причинность есть результаты сознательной дѣятельности человѣка и если механизмъ на этомъ основаніи отвергаетъ телеологію, то мы съ такимъ же точно правомъ можемъ и должны отвергнуть и причинную зависимость между явленіями. Но въ томъ то и дѣло, что витализмъ вовсе не отказывается отъ причиннаго объясненія явленій, но именно требуетъ для органической цѣлесообразности причиннаго объясненія, такъ какъ механизмъ совершенно игнорируетъ это необходимое требованіе нашего разсудка. Далѣе, можно ли согласиться съ тѣмъ воззрѣніемъ механизма, по которому цѣлесообразность есть наше чисто субъективное понятіе и мы не имѣемъ права переносить это понятіе на природу? Справедливо то, что понятіе цѣлесообразности представляется нашему уму, какъ данное и идея цѣли возникаетъ изъ наблюденія надъ нашей собственной психической дѣятельностью. Но нельзя согласиться съ тѣмъ, что эта идея цѣлесообразности не имѣетъ никакой фактической основы въ самой природѣ вещей. Если бы это было такъ, если бы идея цѣли имѣла чисто субъективное значеніе и никакого объективнаго приложенія, то было бы совершенно непонятно—почему эта идея такъ принудительно навязывается нами тѣмъ вещамъ, въ кото-

рыхъ мы замѣчаемъ цѣлесообразныя отношенія. Механизмъ утверждаетъ, что мы приписываемъ цѣлесообразность лишь высшимъ организмамъ въ силу ихъ необычайнаго сходства съ нашимъ собственнымъ строеніемъ. Но вотъ, напр., мы на выставкѣ машинъ; угадывая ихъ назначеніе, проникаясь ихъ цѣлесообразностью въ цѣломъ и въ частяхъ, мы вовсе не вносимъ въ эти машины никакихъ цѣлей. Эти цѣли существуютъ въ машинѣ сами по себѣ независимо отъ нашего намѣренія и мы только читаемъ ее, какъ нѣчто данное въ устройствѣ каждой изъ машинъ. Наконецъ, если допустить, что только разсуждающій умъ человѣка надѣляетъ органической міръ цѣлесообразностью съ той минуты, какъ исчезло бы съ лица земли мыслящее человечество. Остается, такимъ образомъ, признать, что мы прилагаемъ къ организмамъ идею цѣли потому, что замѣчаемъ въ нихъ, кромѣ механическаго дѣйствования, еще и телеологическое.

Итакъ, фактъ цѣлесообразности въ органическомъ мірѣ внѣ всякаго сомнѣнія.

Обращаясь къ природѣ неорганической, мы не встрѣчаемъ въ ней ничего подобнаго той внутренней и внѣшней цѣлесообразности, которая замѣчается въ царствѣ организмовъ. Нигдѣ мы не встрѣчаемъ того, что принято называть органами въ живомъ индивидуумѣ: мы находимъ лишь части, совершенно безразличныя въ отношеніи другъ къ другу. Если мы потребуемъ разъединить организмъ на его составныя части—онъ потеряетъ характеръ живого цѣлаго, перестанетъ быть организмомъ; въ мертвой природѣ, напротивъ, сколько бы мы ни дробили камень—онъ не потеряетъ своей природы.

Признавая, что все живое имѣетъ цѣль и назначеніе, мы неизбежно наталкиваемся на очень важный вопросъ—откуда явилась цѣлесообразность—возникаетъ ли она подъ вліяніемъ естественныхъ причинъ, или вложена извнѣ?

Механизмъ пытается объяснить цѣлесообразность изъ естественныхъ причинъ. Такая попытка механическаго объясненія принадлежитъ Дарвину, который пытается объяснить явленія цѣлесообразности чисто механическими факторами. Дарвинъ, какъ извѣстно, не отрицаетъ факта цѣлесообразности въ органическомъ мірѣ и даже ставитъ его въ основу своего ученія о приспособленіи, но онъ пытается

объяснить это явление не психическими факторами (какъ это пытаются сдѣлать психоламаркисты) и вообще не какими-либо рациональными факторами, но даетъ странную, иррациональную попытку объясненія. По словамъ проф. Schneider'a „эта попытка Дарвина признавать цѣлесообразность и объяснять ее, игнорируя цѣлепредставляющій умъ, есть своего рода „unikum“. Здѣсь лежитъ коренное заблужденіе, ибо всякая цѣлесообразность въ нашей дѣятельности необходимо предполагаетъ разсудочную дѣятельность и поэтому мы a priori должны допустить нѣчто подобное и для всякой другой цѣлесообразности“¹⁾).

Въ самомъ дѣлѣ, если мы сравнимъ конструкцію ядовитыхъ зубовъ у змѣи, имѣющихъ своею цѣлью инъекцію яда съ такимъ же инъекціоннымъ аппаратомъ, созданнымъ искусственно человѣкомъ, то въ однихъ случаяхъ предъ нами предстанетъ извѣстное назначеніе, которое воплощено въ этихъ предметахъ. Различіе заключается лишь въ томъ, что въ искусственномъ аппаратѣ умъ человѣка есть виновникъ той идеи, которая здѣсь воплощена, въ устройствѣ ядовитыхъ зубовъ у змѣи, этого виновника мы не можемъ прямо назвать, но отсюда никакъ не слѣдуетъ, что его нѣтъ; мы должны предположить нѣкоторый другой умъ, который запечатлѣлъ эту цѣль²⁾).

Пытаясь объяснить цѣлесообразность при помощи своей теоріи отбора, Дарвинъ впадаетъ въ неизбежное противорѣчіе. Вѣдь цѣлесообразность настолько существенное свойство жизни, что мы не можемъ себѣ представить живого существа безъ этой характернѣйшей особенности его бытія. Можно сказать, что всѣ явленія жизни ни что иное, какъ явленія приспособленія, т. е. явленія того своеобразнаго взаимоотношенія между организмомъ и внѣшней средой, которое представляется намъ въ видѣ органической цѣлесообразности. Цѣлесообразность наиболѣе существенная сторона живого тѣла, она такъ тѣсно связана съ жизнью, что попытаться объяснить происхождение цѣлесообразности—значить, собственно, объяснить происхождение жизни. Но Дарвинъ, трактуя о цѣлесообразности, предполагаетъ жизнь уже существующей и лишь послѣ этого уже надѣляетъ ее

¹⁾ K. Schneider, p. 71.

²⁾ K. Schneider, стр. 71.

цѣлесообразностью. Онъ требуетъ, такимъ образомъ, чтобы мы признали, что нѣкогда существовали организмы, лишенные цѣлесообразности, т. е. того главнаго свойства, которое составляетъ самое главное въ органическомъ мірѣ. Но этого мы не можемъ себѣ никакъ представить: опытъ не даетъ намъ понятія о такихъ организмахъ, въ которыхъ совершенно отсутствуетъ цѣлесообразность. Мы видимъ, такимъ образомъ, что Дарвинъ заранѣе допускаетъ то, что намъревается объяснить, ибо предлагаетъ намъ позднѣйшее, такъ сказать, поствитальное объясненіе органической цѣлесообразности. Одно изъ двухъ: или Дарвинъ предполагаетъ организмы цѣлесообразными съ самаго начала, или нѣтъ. Въ первомъ случаѣ нечего доказывать органическую телеологию, а во второмъ случаѣ мысль о цѣлесообразныхъ организмахъ, сама по себѣ нелѣпа.

Не имѣя возможности цѣликомъ отвергнуть органическую цѣлесообразность, такъ какъ она слишкомъ очевидна, механисты спѣшатъ всѣми способами ограничить ее указаніемъ на дистеологическій характеръ многихъ явленій органической жизни.

Нужно сказать, однако что въ такихъ указаніяхъ на нецѣлесообразность явленій органической жизни кроется простое недоразумѣніе. Во первыхъ, фактъ цѣлесообразности, недоступный нашему пониманію въ настоящее время, въ послѣдствіи, при развитіи научныхъ знаній, можетъ сдѣлаться понятнымъ. Во вторыхъ, витализмъ вовсе не признаетъ цѣлесообразность неограниченнымъ свойствомъ организмовъ; онъ говоритъ лишь объ относительной, а не безусловной цѣлесообразности въ органической природѣ. На что природа способна въ одномъ организмѣ, на то она неспособна въ другомъ. Было бы, напр., очень цѣлесообразно, если бы у человѣка отрѣзанная нога вновь выростала, какъ у тритона. Но если этого мы не наблюдаемъ, то это еще не есть нецѣлесообразность и цѣлесообразность созидательной дѣятельности организма нисколько не мѣняется оттого, что существуютъ предѣлы, дальше которыхъ эта дѣятельность идти не можетъ. По справедливому замѣчанію проф. А. Брандта цѣлесообразность какого-либо устройства выражается лишь въ его пригодности къ извѣстнымъ отправленіямъ и въ достаточномъ приуроченіи къ даннымъ внѣшнимъ ус-

ловіямъ. Было бы слѣпо утверждать невозможность болѣе совершенной птицы, болѣе совершеннаго кита, чѣмъ нынѣ существующіе. Совершенство мы можемъ приписывать лишь всемогущей причинѣ всего бытія. Въ частности же совершенство мыслимо лишь въ сферѣ идеала; идеаль же-нѣчто существующее лишь въ идеѣ, таковы его суть и опредѣленія. Конкретныя тѣла могутъ лишь болѣе или менѣе стремиться и приближаться къ идеалу... Съ этой точки зрѣнія мы имѣемъ право приписывать нашему организму, да и всемъ сочленамъ окружающей насъ природы лишь относительное совершенство или цѣлесообразность¹⁾.

Наконецъ, должно замѣтить, что цѣлесообразность нисколько не теряетъ своего характера въ томъ случаѣ, если она обнаруживается не во всѣхъ случаяхъ органической жизни. Если человѣкъ поступаетъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ неразумно, то это еще не значитъ, что у него совершенно отсутствуетъ разумъ. Подобно этому нѣтъ основаній отвергать цѣлесообразность въ органическомъ царствѣ только потому, что въ нѣкоторыхъ организмахъ встрѣчается нарушение цѣлесообразныхъ функций вслѣдствіи, напр., болѣзни, поврежденія и проч.

Итакъ, цѣлесообразность въ органическомъ царствѣ-фактъ безспорный и невыводимый изъ естественныхъ силъ природы.

Спрашивается: откуда эта цѣлесообразность? Характеръ цѣлесообразности въ организмахъ таковъ, что необходимо приводитъ насъ къ признанію разумности той силы, которая управляетъ законами и явленіями цѣлесообразности. Въ самомъ дѣлѣ, если мы раземотримъ явленія регенераціи въ низшихъ организмахъ и явленія заживленія въ организмахъ высшихъ, то насъ не можетъ не поразить разумность той силы, которая руководитъ этими явленіями въ интересахъ цѣлаго организма. Уже одинъ этотъ фактъ рѣзко отдѣляетъ органическую цѣлесообразность отъ физическихъ и химическихъ силъ неорганической природы.

Далѣе, если мы станемъ судить объ организмахъ по аналогіи съ машинами, то мы должны будемъ признать, что органическая цѣлесообразность явилась не сама собой и не

¹⁾ А. Брандтъ. О цѣлесообразности въ природѣ. М. Б. 1897. № 12, стр. 105.

случайно, но какъ результатъ чьего-либо намѣренія, или вмѣшательства. Въ самомъ дѣлѣ, нѣтъ въ мірѣ ни одной такой машины, въ которой не было бы вложено ея изобрѣтателемъ извѣстнаго намѣренія. По аналогіи съ машиной мы должны признать, что и органическая цѣлесообразность вложена извнѣ. Что цѣлесообразность есть результатъ особой трансцендентальной причины, не поддающейся механическимъ законамъ и необъяснимой изъ однихъ физико-химическихъ силъ, — эта мысль лучше всего выяснена Кантомъ. „Мы, говоритъ Кантъ, по самому свойству своихъ познавательныхъ способностей, т. е. изъ соединенія опыта съ высшими принципами разума, въ конечномъ результатѣ не можемъ себѣ представить возможности такого міра иначе, какъ признавая преднамѣренно дѣйствующую высшую причину... Несомнѣнно, что органическія существа и ихъ внутренняя возможность не поддаются изученію на основаніи однихъ механическихъ принциповъ природы, не говоря уже объ объясненіи. Человѣку не слѣдуетъ дѣлать и попытокъ въ этомъ направленіи, или надѣяться на то, что со временемъ можетъ появиться Ньютонъ, который сумѣетъ объяснить хотя созданіе одной лишь соломины на основаніи законовъ природы, не подчиненныхъ особому намѣренію. Людямъ слѣдуетъ безусловно отсовѣтовать становиться на такую точку зрѣнія“¹⁾.

Кантъ, очевидно, хочетъ сказать, что наша разумная природа заставляетъ насъ признать цѣлесообразность зависящей отъ преднамѣренно дѣйствующей высшей причины. Это потому, что иной способъ изученія природы, или иная наука, противорѣчаще нашей познавательной способности, лишены смысла и потому недѣльны.

Но здѣсь мы встрѣчаемся съ новымъ затрудненіемъ.

Если мы, въ виду высокаго совершенства органическихъ существъ, причину ихъ цѣлесообразнаго устройства будемъ искать во всемогущей и высочайше разумной волѣ Творца, въ Его постоянно продолжающемся твореніи или устроеніи органическихъ существъ, то какъ объяснить случаи нецѣлесообразныхъ явленій въ органической природѣ. Не будутъ ли факты этихъ цѣлесообразныхъ явленій сами

¹⁾ Кантъ. Критика силы сужденія стр. 284.

по себѣ опровергать мысль объ абсолютной мудрости и всемогуществѣ Божественной воли? Нѣтъ сомнѣнія, что эти факты будутъ говорить противъ допущенія мысли о непосредственной дѣятельности Творца. Мы должны въ виду этого затрудненія принять мысль Канта о Высшей причинѣ органической цѣлесообразности съ нѣкоторымъ ограниченіемъ.

Цѣлесообразная сила, дѣйствующая въ природѣ органической, не есть сила безусловно свободная и неограниченная. Правда, эта сила дѣйствуетъ въ высокой степени разумно, но ея дѣятельность ограничена и несовершенна. Эта ограниченность цѣлесообразной силы открывается въ тѣхъ неудачахъ органическихъ образованій и въ тѣхъ нецѣлесообразныхъ явленіяхъ, которыя мы наблюдаемъ въ живыхъ тѣлахъ. Отсюда открывается, что въ органическомъ мірѣ не дѣйствуетъ непосредственно творческая сила Божества, но самостоятельная, хотя первоначально и происшедшая отъ Божества, органическая сила. Эта сила не можетъ располагать своей дѣятельностью вполнѣ и безусловно — разумно, какъ располагала бы этой дѣятельностью божественная Воля, но въ то же время эта сила есть относительно самостоятельное начало органической жизни и эта самостоятельность явствуетъ изъ тѣхъ явленій органическихъ новообразованій, которыя мы видимъ въ живыхъ тѣлахъ.

Итакъ, полагая первоначальный источникъ разумно дѣйствующей цѣлесообразной силы въ Божествѣ, мы въ то же время признаемъ относительную самостоятельность и ограниченность этой силы.

Сказаннаго нами по поводу органической цѣлесообразности достаточно для того, чтобы не только признать послѣднюю характернѣйшимъ признакомъ живого, но и видѣть въ ней указаніе на самостоятельное начало органической жизни, которое ведетъ насъ къ признанію послѣдней и высочайшей цѣли, Разума неорганическаго и всесовершеннаго—Творца міра.

Мы представили, такимъ образомъ, наиболѣе характерные и существенные признаки органической природы въ ея отличіи отъ царства неорганическаго. Анализъ этихъ признаковъ позволяетъ намъ сдѣлать два слѣдующихъ вывода: 1) явленія органической жизни не могутъ быть объяснены

при помощи физическихъ и химическихъ силъ, дѣйствующихъ въ неорганической природѣ; 2) всѣ эти явленія необходимо предполагаютъ для своего объясненія особую причину, или силу, отличную отъ силъ, дѣйствующихъ въ природѣ неорганической.

Самостоятельная причина органической жизни.

Къ разсмотрѣнiю этой силы мы и обратимся. Представители механической теорiи возражаютъ, прежде всего, противъ самой необходимости особой причины органической жизни. Такое допущенiе, говорятъ послѣдователи механизма, совершенно излишне и нисколько не оправдывается характеромъ жизненныхъ явленiй. Явленiя жизни зависятъ, по ихъ мнѣнiю, не отъ особой „мистической“ силы, ихъ производящей, а лишь отъ особаго сочетанiя тѣхъ элементовъ, которые входятъ въ составъ живыхъ тѣлъ. Если мы рассмотримъ живое въ его цѣломъ, то найдемъ, что въ немъ дѣйствуютъ тѣ же законы, что и въ неорганической природѣ и какой-либо силы, которая нарушала бы дѣйствiе этихъ законовъ, совсѣмъ незамѣтно.

Мы имѣли случай замѣтить раньше и теперь повторяемъ, что въ организмѣ дѣйствуютъ физическiя и химическiя силы. Но дѣло не въ этомъ, а въ томъ—можно-ли при помощи этихъ силъ объяснить всѣ тѣ особенности органической жизни, которыя мы наблюдаемъ въ живыхъ тѣлахъ? На основанiи всего доселѣ изложеннаго мы должны дать безусловно отрицательный отвѣтъ: не только невозможно, но даже, напротивъ, эти силы находятся въ подчиненiи у нѣкотораго другаго агента, который своеобразно направляетъ эти силы въ интересахъ цѣлаго организма. Далѣе, возраженiе механизма противъ допущенiя особаго начала органической жизни имѣло бы силу лишь въ томъ случаѣ, если бы мы представляли себѣ силу, управляющую жизнью, въ видѣ нѣкотораго одушевленнаго существа, которое произвольно распоряжается жизненными явленiями, противодѣйствуя физико-химическимъ законамъ, какъ это думалъ въ свое время Сталь. Это повело бы къ раздѣленiю въ органической жизни; что и случилось со Сталемъ, который признавалъ эту силу въ видѣ разумнаго, вполне самостоятельнаго начала, управляющаго всѣми явленiями органической жизни и для ка-

ждаго даннаго организма допускалъ наличность особаго анимическаго элемента, который находится въ соперничествѣ съ физико-химическими силами. Ничего подобнаго, однако, мы не допускаемъ и говоримъ лишь о томъ, что матеріальныя начала въ организмѣ служатъ нѣкоторымъ вспомогательнымъ началомъ для его отправленій и что между этими началами и органической силой существуетъ извѣстная гармонія. Наконецъ, указаніе на безусловное господство въ организмѣ физическихъ силъ имѣло бы полную силу лишь въ томъ случаѣ, если бы удалось доказать, что эти силы пригодны для такой роли, что онѣ въ состояніи произвести хоть одно жизненное явленіе. Но мы видѣли, что это невозможно и ни одинъ химикъ или физикъ не рѣшится утверждать противное.

Противъ допущенія особой самостоятельной причины органической жизни механисты возражаютъ указаніемъ на то, что это начало—убѣжище нашего незнанія, *asylum igno- rantiae*, нѣчто мистическое, таинственное. Говорить объ особой жизненной силѣ это значить, по мнѣнію механистовъ, „обезсиловать мысль какимъ то разслабленно-пессимистическимъ (?), мистически-декадентскимъ разочарованіемъ въ наукѣ“ ¹⁾, или по выраженію другого изслѣдователя,—„допускать мысль о жизненной силѣ—значить витать въ области бесплоднаго мистицизма и ограничиваться нелѣпымъ сочетаніемъ словъ“ ²⁾ и т. п. По мнѣнію другого изслѣдователя „витализмъ это — отрицаніе единства въ наукѣ, это культъ неизвѣстнаго со всѣми его тайнами и неожиданностями чудесъ“ ³⁾, а г. А. Борисякъ видитъ въ современномъ торжествѣ виталистическихъ ученій „вырожденіе философской мысли (?) и отживающую идеологию реакціоннаго класса (?) съ его „археями“ и туманнымъ мистицизмомъ“ ⁴⁾.

Для насъ лично, признаться, совершенно непостижима логическая сила этихъ и имъ подобныхъ возраженій. Истинный смыслъ этихъ возраженій, повидимому, тотъ, что жиз-

¹⁾ К. Тимирязевъ. Витализмъ и наука. Р. М. 1894 г. № 11, стр. 169.

²⁾ Филипповъ. Наука и философія. Н. Об. 1895 № 1, стр. 4.

³⁾ В. Михайловъ. Механизмъ и витализмъ. Н. Об. 1894 № 52, стр. 1648.

⁴⁾ А. Борисякъ. Витализмъ и теорія познанія. Н. Об. 1898 № 10, стр. 799.

ненная сила, по сравненію съ другими силами природы,—нѣчто туманное и неопредѣленное, неподдающееся точному изученію. Но возьмемъ, напр., современное ученіе о физической основѣ жизни—протоплазмѣ. Прежде, бывало, если встрѣтится что-либо непонятное въ явленіяхъ жизни—все это объяснялось жизненной силой, теперь напротивъ, говорятъ, что все въ жизни объясняется физическими и химическими свойствами протоплазмы, но что такое эти свойства, каково ихъ истинное вліяніе на жизнь—объ этомъ ничего почти неизвѣстно. Развѣ не можетъ быть названо современное ученіе о протоплазмѣ убѣжищемъ незнанія для современнаго естествознанія? Если бы ученіе о свойствахъ протоплазмы, по сравненію съ ученіемъ о жизненной силѣ, имѣло на своей сторонѣ полное преимущество по своей ясности и убѣдительности,—тогда, конечно, упрекъ въ мистицизмѣ имѣлъ бы силу, но такъ какъ ничего подобнаго нѣтъ, то противной сторонѣ вполне позволительно оставаться при своемъ мнѣніи.

Далѣе, обратимъ вниманіе на другія силы природы, которыя по своей сущности якобы гораздо понятнѣе и доступнѣе нашему изученію. Предъ нами цѣлый рядъ силъ природы—сила тяготѣнія, сила химическаго сродства, электричество, магнетизмъ, тепло, свѣтъ и пр. Спрашиваемъ: что знаемъ мы объ этихъ силахъ по существу? Мы знаемъ, напр., что сила химическаго сродства дѣйствуетъ при химическихъ реакціяхъ такъ или иначе; мы знаемъ, что сила тяготѣнія дѣйствуетъ по тѣмъ или инымъ законамъ и—только. Если же мы спросимъ себя: что такое эти силы по существу, почему они дѣйствуютъ по тѣмъ, а не инымъ законамъ, какова внутренняя природа этой силы,—то должны будемъ признаться, что ничего этого мы не знаемъ. Очевидно, что гносеологическій характеръ этихъ силъ выражается въ томъ, что онѣ суть только адекватныя причины для опредѣленнаго круга явленій въ естествознаніи. Эти силы ни больше, ни меньше какъ одни лишь названія, которыя олицетворяютъ въ себѣ совершенно неизвѣстныя намъ по своему существу причины, которыя полагаются нами въ основу извѣстныхъ явленій въ естествознаніи. И если бы кто-либо попытался опровергнуть эти силы на томъ только основаніи, что онѣ намъ неизвѣстны по своей внутренней

природѣ, то эта попытка была бы признана и неудачной и странной.

Почему же эта попытка считается вполнѣ допустимой въ отношеніи къ органической силѣ живого существа? Мы изучаемъ явленія жизни и приходимъ, на основаніи этого изученія, къ убѣжденію, что однѣми физико-химическими силами они не могутъ быть объяснены и потому допускаемъ особое начало, которое, допустимъ, будетъ названо органической силой. Простымъ признаніемъ этой силы, безъ сомнѣнья, еще не будетъ сразу удовлетворительно объяснены явленія жизни. Да это и невозможно. Эти явленія будутъ объяснены лишь въ томъ случаѣ, когда признанная нами причина органической жизни послужитъ исходной точкой дальнѣйшихъ изслѣдованій, какъ это имѣетъ мѣсто въ приложеніи къ другимъ силамъ природы. Почему же послѣднія легли въ основу многихъ научныхъ изслѣдованій, несмотря на свою таинственность, а органическая сила должна быть отвергнута? На этотъ вопросъ механисты отвѣчаютъ упорнымъ и вполнѣ естественнымъ молчаніемъ.

Причину крайняго нерасположенія къ ученію о жизненной силѣ видятъ въ тѣхъ злоупотребленіяхъ этимъ понятіемъ, которыя имѣли мѣсто въ прошломъ. И дѣйствительно, въ исторіи человѣческой мысли были моменты, когда понятіе „жизненная сила“ прилагалось къ объясненію всѣхъ непонятныхъ жизненныхъ процессовъ въ качествѣ всемогущаго принципа. По словамъ К. Бернара, „жизненную силу“ олицетворяли, въ ней видѣли исполнительнаго агента, разумнаго дѣятеля, формирующаго тѣла и управляющаго косою и послушною матеріею живого существа. Достаточное основаніе cadaго акта жизни заключалось для виталистовъ въ жизненной силѣ, не имѣющей нужды въ посторонней помощи силъ физическихъ и химическихъ, даже борющейся съ ними при исполненіи своего назначенія ¹⁾. Такое злоупотребленіе понятіемъ жизненной силы имѣло мѣсто въ прошломъ и даже послужило косвеннымъ поводомъ къ распространенію матеріалистическаго міровоззрѣнія, послужившаго реакціей противъ крайностей виталистическихъ доктринъ.

¹⁾ С. Тайны жизни. Русск. Вѣстн. 1878 г. Май, стр. 74.

Причина такихъ злоупотребленій заключалась въ смутности и неопредѣленности самаго понятія о жизненной силѣ. Но темнота и неопредѣленность того или другого понятія и, истекающія отсюда злоупотребленія въ пользованіи имъ ни въ какомъ случаѣ не могутъ служить достаточнымъ основаніемъ для его отрицанія. Если мы обратимъ вниманіе на другія научныя дисциплины, то и здѣсь встрѣтѣмся съ такого рода злоупотребленіями: развѣ, напр., не злоупотребляютъ научнымъ понятіемъ магнетизма, или матеріи? развѣ не пытаются при помощи понятія о матеріи объяснить такія явленія, которыя по существу съ ней ничего общаго не имѣютъ? И однако же едва-ли кто рѣшится на основаніи этихъ злоупотребленій отрицать самое понятіе матеріи. Было бы странно также отрицать и понятіе о жизненной силѣ на томъ только основаніи, что это понятіе темно и неясно. Наука въ выработкѣ основныхъ понятій своего круга прогрессируетъ очень медленно и понятіе о жизненной силѣ не отвергать нужно, а лишь постараться очистить его отъ тѣхъ злоупотребленій, которыя съ нимъ связаны, сдѣлать его болѣе точнымъ и опредѣленнымъ. Эта послѣдняя цѣль достигается тщательнымъ изученіемъ явленій жизни и точнымъ разграниченіемъ въ нихъ того, что принадлежитъ на долю жизненной силы и что можетъ быть объяснено изъ физическихъ и химическихъ силъ.

Терминъ „жизненная сила“ у современныхъ изслѣдователей вызываетъ прямо какой-то паническій страхъ и тѣмъ не менѣе почти ни одинъ изъ этихъ изслѣдователей не можетъ избѣжать признанія этого нематеріальнаго начала органической жизни. Въ самомъ отрицаніи жизненной силы заключается, какъ это ни странно, ея признаніе. Въ самомъ дѣлѣ, нѣкоторые изслѣдователи, считая чуть ли не смертнымъ грѣхомъ признаніе жизненной силы, тѣмъ не менѣе выводятъ подъ разными другими названіями нѣчто по существу своему столь же „туманное“ и „мистическое“, какъ и жизненная сила. Говорятъ, напр., о „скрытой энергіи органической жизни“ (Бехтеревъ); „распорядкѣ матеріальныхъ частицъ“ (Дю-Буа-Реймонъ); „моментальномъ проявленіи какого-то скрытаго закона“ (Вирховъ), „матеріи высшаго порядка“ (Чермакъ), объ особомъ организаціонномъ планѣ, объ

импульсахъ внутренняго порядка и т. п. Мы не видимъ въ чемъ преимущество этихъ туманныхъ и неопредѣленныхъ названій надъ понятіемъ о жизненной силѣ и почему должно оставить послѣднее понятіе и принять одно изъ перечисленныхъ выше.

Должно, впрочемъ, сказать, что понятіе жизненной силы дѣйствительно слишкомъ обще и широко, но не въ томъ смыслѣ, какъ это думаютъ представители механической теоріи жизни. Понятіе жизненной силы мы прилагаемъ къ существамъ органическаго царства; но число органическихъ существъ необычайно велико, разнообразіе ихъ формъ и строеніе до крайности измѣнчиво и поразительно по своимъ индивидуальнымъ отличіямъ. Въ данномъ случаѣ можетъ возникнуть вопросъ: какимъ образомъ жизненная сила, почти при одинаковыхъ внѣшнихъ условіяхъ, производитъ такое поразительное разнообразіе въ органическомъ царствѣ? Гдѣ тѣ законы, по которымъ дѣйствуетъ эта сила и не должны-ли мы, въ виду такого сложнаго и разнообразнаго проявленія жизненной силы, допустить вмѣсто одной силы нѣсколько силъ, характерныхъ для cadaго даннаго вида? Это недоумѣніе при ближайшемъ разсмотрѣніи другихъ силъ природы, падаетъ само собой. Простота и однообразіе другихъ силъ природы покажется намъ мнимой при ихъ ближайшемъ разсмотрѣніи. Возьмемъ, напр. электричество. Эта сила природы проявляется въ самыхъ разнообразныхъ видахъ: она разлагаетъ нѣкоторыя химическія соединенія, сообщаетъ желѣзу магнетическую силу, электрической токъ въ нервахъ вызываетъ ощущеніе, въ мускулахъ—движеніе и проч. Свѣтъ, напр., служитъ источникомъ тепла, химической смѣны веществъ, онъ пробуждаетъ зародышъ къ жизни, производитъ движеніе и проч. Не смотря на столь разнообразныя проявленія силъ природы наука все-таки признаетъ силу тепла, свѣта и электричества. Разнообразіе въ проявленіи этихъ силъ, очевидно, нисколько не препятствуетъ признанію этихъ силъ въ качествѣ причинъ извѣстныхъ явленій. Почему же такое разнообразіе въ дѣйствіи жизненной силы обличаетъ непригодность послѣдней при объясненіи явленій органической жизни?.. Но допустимъ, что проявленія жизненной силы гораздо сложнѣе и дифференциро-

ваннѣ остальныхъ силъ природы. Отсюда скорѣе можно заключить въ пользу признанія этой силы, чѣмъ ея отрицанія. Если обнаруженія жизненной силы поражаютъ своею разнообразностью, то, очевидно, что она имѣетъ дѣло съ явленіями гораздо болѣе сложными и высшими по своей природѣ, чѣмъ явленія неорганической природы. Проявленія психической силы отличаются наибольшимъ разнообразіемъ, но въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго, если мы примемъ во вниманіе природу человѣческой психики. То же должно сказать и относительно жизненной силы: разнообразіе ея проявленій свидѣтельствуешь о самостоятельной и высшей природѣ тѣхъ явленій, съ которыми она имѣетъ дѣло.

Во всякомъ случаѣ если встрѣчаются въ точномъ уясненіи понятія жизненной силы нѣкоторыя неясности, то это указываетъ лишь на то, что этотъ терминъ требуетъ болѣе строгой обработки и формулировки. Клодъ Бернаръ говоритъ по этому поводу слѣдующее: „физико-химическія условія сами по себѣ не могутъ приводить въ гармонию и группировать явленія въ томъ порядкѣ и послѣдовательности, какія специально обнаруживаются въ живыхъ тѣлахъ. Не случайная игра физико-химическихъ явленій построаетъ каждое живое существо по плану и чертежу, постояннымъ и заранѣе предвидѣннымъ, и производитъ удивительную подчиненность и гармоническое единеніе жизненныхъ актовъ. Въ живомъ тѣлѣ есть опредѣленное устройство, родъ предъуказаннаго распорядка, которые нельзя оставлять въ тѣни, ибо въ нихъ наиболѣе выдающаяся черта живыхъ существъ. Все это невольно возбуждаетъ въ насъ идею причины, управляющей согласіемъ частей въ организмъ и ведущей по ихъ пути отдѣльныя явленія, въ немъ происходящія. Эту-то причину, разсматриваемую какъ направляющую силу, можно назвать физиологической душою или жизненной силой и можно принять ее подъ условіемъ точно опредѣлить, приписывая ей только то, что ей принадлежитъ. Допустимъ даже, что идея такого распорядка дурно выражена словомъ „сила“, но слово здѣсь не много значитъ; достаточно, чтобы дѣйствительность факта была внѣ спора“ 1). Итакъ, дѣло не

С. Тайны жизни. Руск. Вѣстн. 1878 г. Май, стр. 77—78.

въ томъ, какъ мы назовемъ начало органической жизни, а въ томъ, что признаніе этого начала есть необходимое требованіе нашего разума и уже дѣло дальнѣйшихъ научныхъ изслѣдованій точно формулировать и обработать понятіе объ этомъ началѣ. Если явленія органической жизни по своей природѣ таковы, что мы не можемъ объяснить ихъ при помощи существующихъ въ природѣ силъ и законовъ, то мы имѣемъ право обозначить специальнымъ терминомъ ту причину, которая производитъ органическія явленія.

Итакъ, мы не можемъ отказаться отъ признанія особой органической силы, которая производитъ явленія жизни и возраженія механистовъ противъ такого признанія не могутъ быть признаны убѣдительными.

Однако, представители механической теоріи жизни идутъ въ своихъ возраженіяхъ противъ жизненной силы дальше и говорятъ, что если даже и допустить, что такая сила существуетъ, то она ничего не можетъ произвести, не пользуясь общими физическими законами природы. Возраженіе это отчасти справедливо: ни одно изъ сношеній частей нашего тѣла между собою не происходятъ непосредственно; эти сношенія возможны лишь при посредствѣ матеріальнаго начала и организующая сила нашего тѣла находится въ постоянныхъ отношеніяхъ къ началамъ физическаго міра. Тѣло, которое служитъ мѣстопробываніемъ этой силы, организуется при помощи началъ физическаго міра, которыя и сообщаютъ ему извѣстную форму. Все это совершенно справедливо, но факты эти говорятъ о чемъ-то другомъ, а не о зависимости органической силы отъ законовъ физико-химическихъ. Въ явленіяхъ жизни мы замѣчаемъ, что сила организма пытается систематически пользоваться матеріальными началами и употребить ихъ въ интересахъ цѣлаго организма. Этотъ фактъ указываетъ лишь на то, что между силой организма и матеріальными началами существуетъ извѣстная гармонія и въ этомъ случаѣ жизненная сила можетъ быть признана въ качествѣ распорядительной или формирующей силы, но не въ видѣ вполнѣ самостоятельнаго и противоположнаго матеріальнымъ силамъ начала.

Указываютъ еще на тотъ фактъ, что для того, чтобы вызвать извѣстное жизненное явленіе, необходимо обращать-

ся не къ жизненной силѣ, а къ извѣстнымъ физико-химическимъ явленіямъ. Никакое дѣйствіе, говорятъ, невозможно иначе какъ на матерію и чрезъ матерію и только чрезъ изученіе матеріальныхъ законовъ возможно познаніе органической жизни. Въ этомъ случаѣ механисты указываютъ на органическую матерію, въ которой заключается весь секретъ жизненныхъ явленій и только изученіе строенія и законовъ дѣятельности этой матеріи можетъ открыть намъ тайну жизни.

Но, допуская, что вся тайна жизни заключена въ матеріи организма, механисты впадаютъ въ противорѣчіе, которое роковымъ образомъ приводитъ ихъ признанію органической силы. Въ самомъ дѣлѣ, постараемся уяснить себѣ: что такое по своему существу та матерія, изъ которой строится организмъ. Химическій составъ этой органической матеріи, какъ мы видѣли выше, нисколько не отличается отъ состава предметовъ неорганической природы: и тамъ и здѣсь химическій составъ одинъ и тотъ же, различіе лишь заключается въ своеобразномъ сочетаніи элементовъ, входящихъ въ составъ органическихъ существъ. Но эта своеобразная группировка составныхъ элементовъ живого существа необходимо предполагаетъ особую организующую силу, которая соединяетъ эти элементы такимъ образомъ, что получается не мертвый предметъ, а живое существо. Съ этой точки зрѣнія матерія организма немислима безъ организующей силы. Коль скоро эта сила исчезла, организмъ умеръ—предъ нами уже не органической предметъ и сколько бы мы ни изучали эту органическую матерію безъ органической силы мы не получимъ ни малѣйшаго понятія о способахъ дѣйствія той силы, которая оживляла живыя существа.

Итакъ, изученіе органической матеріи и законовъ ея дѣятельности приводитъ не къ отрицанію жизненной силы, а напротивъ къ ея признанію. Напрасно поэтому механисты рекомендуютъ изучать химическій составъ клѣтки, въ которомъ (составѣ) даны все загадки жизни. По справедливому замѣчанію г. Елпатьевскаго, „клѣтка не есть что—либо постоянное, что можетъ быть выражено въ химической формулѣ; съ этимъ понятіемъ нельзя соединять представленія

о чемъ-то исключительно матеріальномъ; клѣтка представляетъ изъ себя совокупность веществъ, находящихся въ непрерывномъ измѣненіи, синтезирующихъ и распадающихся; это—цѣлая лабораторія, выполняющая ту работу, которая служить наиболѣе характернымъ, отличительнымъ признакомъ живого существа. Живого существа общаго для всѣхъ, такъ сказать, средняго нѣтъ, оно—индивидуализировано¹⁾. Съ этой точки зрѣнія не можетъ быть и такой клѣтки, изучая которую изъ цѣльнаго организма, мы могли бы получить понятіе о матеріальныхъ законахъ органическаго существа. Изученіе клѣтки, какъ первоначальнаго органическаго элемента, изъ котораго слагаются организмы, возможно въ двухъ видахъ: или въ мертвой и, слѣдовательно, неорганической матеріи, или въ видѣ живого существа. Въ первомъ случаѣ предъ нами уже не органическая матерія, а простой неорганической элементъ, а во второмъ—сама клѣтка для своего существованія необходимо предполагаетъ особую силу, благодаря которой она можетъ послужить для той, или иной цѣли въ организмѣ.

Мы видимъ, такимъ образомъ, что всѣ возраженія противъ допущенія особой самостоятельной причины органической жизни не могутъ быть признаны состоятельными и скорѣе говорятъ въ пользу признанія этого начала органической жизни.

Характеръ жизненныхъ явленій таковъ, что безусловно не допускаетъ и мысли о возможности объяснить ихъ при помощи физико-химическихъ законовъ. Мы не говоримъ уже о психическихъ явленіяхъ жизни, такъ какъ механисты попадаютъ въ самое плачевное положеніе, пытаясь приложить свои принципы къ объясненію высшихъ жизненныхъ процессовъ. Если бы мы, напр., согласились, что мысль, желаніе, воля, чувство и сознаніе суть физико-химическіе процессы, то добровольно заключили бы себя въ кругъ, изъ котораго нѣтъ никакого выхода. Послѣдовательность заставила бы насъ признать только что высказанное убѣжденіе о физико-химическихъ явленіяхъ и, такимъ образомъ, физико-химическое явленіе объявило бы себя физико-химиче-

¹⁾ В. Елпатьевскій. Что даетъ познанію жизни новѣйшая біологія? Сѣверн. Сіяніе 1909 г. № 6, стр. 87.

скимъ явленіемъ. Въ виду такого абсурда многіе механисты, напр., Бюкли, не считаютъ психическіе процессы за физико-химическіе.

Въ данномъ случаѣ мы имѣемъ, однако, въ виду явленія физиологіи, а не психологіи. Но и въ отношеніи къ этимъ явленіямъ жизни должно сказать то же самое. Проф. I. Reinke со всей рѣшительностью отвергаетъ мысль о возможности объяснить явленія жизни при помощи физико-химическихъ законовъ. „Я буду отвергать ту мысль, говоритъ онъ, до тѣхъ поръ, пока мнѣ не покажутъ организмъ, который искусственно приготовили изъ углеродистыхъ соединений, пока мнѣ не покажутъ фундаментальныя жизненныя явленія—питаніе и размноженіе... Кто считаетъ проявленія органической жизни идентичными съ неорганическими явленіями, тотъ ложно оцѣниваетъ сравнительную важность отличительныхъ признаковъ, тотъ глубоко заблуждается; онъ можетъ поэтому считать идентичными воду источника и шпатовую гору, такъ какъ въ обоихъ находится сѣрно-кислый кальцій. Жизнь со своими далеко возвышающимися надъ неорганическимъ міромъ свойствами, такъ же чужда области физико-химическихъ явленій, какъ, напр., невозможно произвести локомотивъ съ помощью однѣхъ физико-химическихъ силъ. Уже наличность смерти, какъ обратной стороны жизни, свидѣтельствующей о переходѣ организма въ область слѣпыхъ механическихъ силъ, есть одно изъ важнѣйшихъ доказательствъ особаго самостоятельнаго начала жизни“¹⁾.

Однимъ изъ характернѣйшихъ свойствъ жизни является активность, т. е. способность организма самостоятельно реагировать на внѣшнія вліянія и произвольно распоряжаться этими вліяніями. Уже это одно свойство достаточно для того, чтобы оправдать наличность организующаго начала въ живомъ существѣ. По словамъ акад. Коржинскаго „сущность жизни заключается въ активной дѣятельности организма. Это свойство, это начало присуще плазмѣ. Его нельзя отнести къ химическимъ и физическимъ свойствамъ, такъ какъ оно поистинѣ творитъ явленія, не имѣющія аналогіи среди

¹⁾ А. Коржинскій. Что такое жизнь? Томскъ. 1888 г., стр. 22.

міра неорганическаго. Оно неразложимо на составные элементы и ускользаетъ пока отъ точнаго изслѣдованія. Это свойство мы можемъ назвать условно жизненной энергіей. Это не есть жизненная сила, не есть самобытный, неисчерпаемый источникъ силъ, свойственныхъ организму“. Примѣръ активной дѣятельности организма мы можемъ указать въ слѣдующихъ явленіяхъ жизни. Въ организмѣ мы наблюдаемъ циркуляцію крови. Съ внѣшней стороны это явленіе можно свести къ законамъ гидростатики, ибо кровь при движеніи остается абсолютно пассивной. Но, напр., активныя функціи сердца и мышечныхъ стѣнокъ сосудовъ никто не можетъ объяснить при помощи физическихъ законовъ. Точно также и процессъ дыханія съ внѣшней стороны требуютъ свести къ законамъ аэродинамики и это вѣроятно удастся. Но этимъ еще не будетъ уяснена сущность жизненнаго явленія. Что удивительнаго въ томъ, что раздувательный мѣхъ устремляетъ туда и обратно газъ по непреложнымъ законамъ динамики? Здѣсь предъ нами не жизненное явленіе, а чисто физическій процессъ. Важно въ данномъ случаѣ какъ произошли, какъ сохраняются органы, управляющіе этимъ явленіемъ въ жизни организма,—здѣсь обнаруживается дѣятельность и при томъ активная дѣятельность жизни, а газъ, при процессахъ движенія остается опять-таки абсолютно пассивнымъ. Гидростатическій или аэродинамическій законъ можетъ быть приложимъ къ явленію жизни и удовлетворительно объяснить его внѣшній ходъ и теченіе, но тотъ внутренній факторъ, который скрытъ за этой внѣшней послѣдовательностью явленій, не поддается никакимъ физическимъ экспериментамъ. Мы остановились болѣе подробно на этомъ характерномъ признакѣ живого въ виду того, что активность жизненныхъ явленій убѣдительно всего указываетъ на наличность особой силы, управляющей явленіями жизни. Къ сожалѣнію, и этотъ характерный признакъ далекъ отъ того, чтобы считать его вполне точно выясненнымъ и строго формулированнымъ. По словамъ проф. Н. Bunge „активность и жизнь являются, быть можетъ, двумя словами для выраженія одного понятія, или вѣрнѣе, двумя словами, съ которыми у насъ не связано вполне точнаго представленія. И все-таки мы принуждены имѣть дѣло съ

этими неясными понятіями. Эта точка, гдѣ соприкасаются труднѣйшія проблемы, на которыхъ потерпѣли крушеніе всѣ мыслители¹⁾“.

Во всякомъ случаѣ сказаннаго нами вполне достаточно для того, чтобы признать наличность особаго начала, которое управляетъ явленіями жизни. Безъ этого начала мы не можемъ себѣ представить живыхъ существъ, оно настолько характерно для организма, что безъ него послѣдній обратился бы въ простую машину и не былъ бы способенъ возвыситься до высшихъ ступеней органическаго царства, до существъ чувствующихъ и обладающихъ извѣстной степенью разумности.

Намъ необходимо теперь сказать нѣсколько словъ о существѣ этого начала органической жизни и его отличительныхъ признаковъ.

Новѣйшія изслѣдованія по вопросу о сущности начала органической жизни даны въ трудахъ западныхъ ученыхъ Н. Driesch'a и I. Reinke.

Driesch сущность своихъ воззрѣній на органическую жизнь изложилъ въ послѣднемъ своемъ трудѣ: „Vitalismus als Geschichte und als Lehre (Leipz. 1905). Основныя воззрѣнія Driesch'a на этотъ предметъ могутъ быть вкратцѣ изложены въ слѣдующемъ видѣ. Явленія жизни автономны. Эту мысль Driesch доказываетъ, ссылаясь на три основныхъ признака органической жизни: 1) на такъ назыв., перспективную потенцію, или совокупность возможныхъ направлений развитія, свойственныхъ организму; 2) на факты развитія сложныхъ частей организма изъ одной данной части и 3) на аналитическое изученіе движеній живого существа. Анализируя эти факты органической жизни, Driesch приходитъ къ признанію особаго „природнаго фактора“ органической жизни—энтелехіи. Энтелехія, по точному опредѣленію Driesch'a, не есть какое-либо физико-химическое многообразіе, состоящее изъ ряда сложныхъ частей. Она есть природный факторъ sui generis; она выступаетъ на ряду съ извѣстнымъ въ физикѣ и химіи, какъ новая элементарная особенность. Слово энтелехія означаетъ самозаконность

1) См. G. Bunge: Vitalismus und Mechanismus. Leipzig 1886, p. 12.

(Eigengesetzlichkeit) живого тѣла, что въ болѣе широкомъ смыслѣ обозначаемъ тотъ природный агентъ, который въ ней обнаруживается¹⁾“.

Нельзя не видѣть, что такое пониманіе сущности органической жизни, собственно говоря, ничего не даетъ для пониманія явленій жизни, какъ таковыхъ въ виду чрезвычайной отвлеченности самаго понятія энтелехіи. Но не должно забывать, что это понятія есть логическое слѣдствіе общихъ теоретико-познавательныхъ воззрѣній Driesch'a. Въ отношеніи къ естественно - научному познанію Driesch стоитъ на точкѣ зрѣнія Канта, считая возможнымъ построить „чистое естествознаніе“ на основѣ опредѣленныхъ апріорныхъ воззрѣній, постоянныхъ свойствъ вещей, или по характерному выраженію Driesch'a, константъ. Такіе константы имѣются для каждой данной науки и при ихъ помощи совершается объясненіе явленій. Для біологіи такой константъ есть энтелехія, исходя изъ которой и можно объяснять явленія жизни. „Энтелехія, говоритъ Дришъ, объясняетъ не больше, но и не меньше, чѣмъ всякая другая константа, напр., константа специфической теплоемкости²⁾“. Что касается до отношенія энтелехіи къ энергіи, то Driesch полагаетъ, что можно говорить объ энергіи энтелехіи лишь постольку, поскольку она (энтелехія) регулируетъ, или компенсируетъ интенсивность жизненныхъ явленій. Такова вкратцѣ сущность воззрѣній Driesch'a на причину органической жизни.

Мы видимъ, что въ основу органической жизни Driesch полагаетъ энтелехію, которая является ближайшей причиной жизненныхъ явленій. Съ формальной стороны воззрѣнія Driesch'a безупречны. Онъ прекрасно выясняетъ намъ автономность жизненныхъ процессовъ, очень удачно синтезируетъ все недоступное въ жизни законамъ физики и химии и объединяетъ ихъ въ одну константу—энтелехію. Но самое понятіе энтелехіи отличается необычайной искусственностью и абстрактностью. Впрочемъ, самъ Driesch называетъ свою энтелехію *Kunst begriff*. Какъ таковое оно, очевидно, не можетъ быть пригодно для естественно-научнаго изученія жизни.

1) H. Driesch. Vitalismus u. a. Lehre. pp. 208, 242.

2) H. Driesch. Vitalismus u. a. Lehre. p. 282. 6

По словамъ самого Driesch'a „хотѣть представить энтелехію по существу невозможно, вопросъ о мѣстѣ ея нахождения—праздный вопросъ“¹⁾. Очевидно, что въ такомъ видѣ энтелехія можетъ быть пригодна лишь для абстрактнаго мышленія, но не для фактическаго изученія явленій жизни. Приемы и методы изслѣдованія точныхъ наукъ совершенно чужды Driesch'у и поэтому сомнительно, чтобы его энтелехія могла имѣть значеніе въ качествѣ рабочей гипотезы. По справедливому замѣчанію проф. Schneider'a „сама по себѣ энтелехія Driesch'a, безъ допущенія особой, специальной жизненной энергіи, есть какъ-бы нѣкоторый научный торсъ, съ помощью котораго едва-ли можно удовлетворительно объяснить явленія жизни. Истинный витализмъ, кромѣ энтелехіи, долженъ признавать также и жизненную энергію, которая фактически управляетъ жизненными явленіями, а не носитъ лишь придаточный характеръ къ энтелехіи, въ противномъ случаѣ витализмъ будетъ бесплодно парить въ пространствѣ и не устоитъ противъ критики механистовъ“²⁾. И дѣйствительно, въ борьбѣ съ механистическимъ міровоззрѣніемъ, которое стоитъ на почвѣ реальныхъ фактовъ и эмпирическаго изученія жизни, энтелехія Driesch'a едва-ли можетъ оказаться вѣрнымъ и надежнымъ спутникомъ витализма. Наконецъ, должно сказать еще и то, что самый терминъ энтелехія, какъ мы видѣли, очень недостаточно выясненный у Аристотеля, наполняется Driesch'емъ, такъ сказать, совершенно произвольнымъ содержаніемъ, чѣмъ создается поводъ для злоупотребленія этимъ терминомъ въ научныхъ изслѣдованіяхъ, что мы и видимъ въ дѣйствительности. Проф. Schneider называетъ нѣсколько изслѣдователей, которые до крайности расходятся въ пониманіи этого термина, чѣмъ вносится полнѣйшій произволъ въ научное изслѣдованіе жизни³⁾. Если бы самый терминъ энтелехія былъ точно установленъ, — тогда можно было бы оперировать этимъ понятіемъ вполне свободно, не рискуя попасть на очень скользкій и ненадежный путь гипостазированія понятій.

1) H. Driesch. Vitalismus u. a. Gesch. u. a. Lehre. p. 293.

2) K. Schneider. Grundgesetze, Deszendenztheorie. p. 188—189.

3) K. Schneider p. 182.

Воззрѣнія проф. I. Reinke на сущность жизненныхъ процессовъ не отличаются такой отвлеченностью и логической тонкостью, какъ воззрѣнія Н. Driesch'a, но Reinke идетъ тѣмъ же путемъ, что и онъ, стараясь выработать опредѣленные логическія понятія, подъ которыя и подводятся опредѣленные явленія жизни. Вотъ вкратцѣ воззрѣнія Reinke на сущность жизненныхъ процессовъ. Исходя изъ понятія силы, какъ способности вызывать явленія, Reinke приходитъ къ признанію опредѣленнаго ряда силъ, направляющихъ жизнь организма въ извѣстномъ направленіи, это такъ называемыя формирующія силы — Formkräfte ¹⁾. Затѣмъ далѣе проф. Reinke устанавливаетъ еще особыя системныя силы (Systemkräfte), которыя опредѣляютъ собой направленіе, въ которомъ расходуется энергія для достиженія опредѣленнаго эффекта; такъ напр., системныя силы приводятъ въ часахъ въ движеніе часовую стрѣлку ²⁾. Изслѣдуя далѣе явленія жизни, Reinke приходитъ къ убѣжденію, что „въ организмѣ направленіе процессовъ зависитъ отъ структуры организма, условій его системы, которыя аналогичны съ машинными“ ³⁾.

Дальнѣйшія разсужденія Reinke построены на аналогіи организмовъ съ машинами. Какъ причиной конструкціи машинъ служитъ работа техника, такъ и развитіемъ живого существа, начиная съ зародыша и до взрослого человѣка руководятъ особыя силы, которыя Reinke называетъ „доминантами“.

Что такое „доминанты“? Это—направляющія силы въ организмѣ. „Я понимаю подъ ними, говоритъ Reinke, проявляющееся въ организмахъ принужденіе, которое управляетъ находящимися въ его распоряженіи энергіями подобно тому, какъ дѣлаетъ это въ своихъ орудіяхъ и машинахъ человѣкъ, а такъ какъ это принужденіе, это насиліе могутъ быть весьма разнообразными, то приходится употреблять прилагаемое ему обозначеніе во множественномъ числѣ... Такимъ образомъ, доминанты суть символы явленій... Мы можемъ познавать доминанты такъ же, какъ и молеку-

1) I. Reinke. Philosophie der Botanik. Leipzig. 1905, p. 40.

2) Ibidem., p. 46.

3) Ibid. p. 40.

лярныя силы, единственно лишь по ихъ дѣйствіямъ... Мнѣ доминанты кажутся необходимымъ средствомъ для представленія себѣ фізіологическихъ процессовъ, совершенно подобно тому, какъ механическія понятія оказываются средствами представленія себѣ механическихъ явленій“¹⁾). Доминанты строятъ весь организмъ, всю его структуру, объединяя въ себѣ весьма сложный комплексъ внутреннихъ образующихъ причинъ живого существа. Такова сущность воззрѣній Reinke на сущность органическихъ процессовъ.

Нельзя не замѣтить близкаго родства этой теоріи доминантъ съ энтелехіей Driesch'a: та же искусственность въ образованіи понятій, та же символика, которая должна обозначать нѣчто, по существу своему не поддающееся точному пониманію самого автора. Вѣдь Reinke въ тѣхъ мѣстахъ своего труда, гдѣ онъ говоритъ о доминантахъ, не даетъ вполнѣ точнаго и опредѣленнаго представленія объ этихъ силахъ, ограничиваясь лишь сравненіями или отдаленными намеками. Въ особенности часто Reinke сравниваетъ доминанты съ разумной дѣятельностью техника, устроющаго машину и въ этомъ смыслѣ доминанты могутъ быть названы „интеллектуальной силой“ организма. Ничего больше о сущности доминантъ мы не знаемъ: какъ доминанты дѣйствуютъ на матеріальное строеніе организма, принадлежатъ-ли они къ матеріальнымъ, или психическимъ силамъ—ничего этого неизвѣстно и намъ приходится вѣрить автору на слово въ его разсужденіяхъ о дѣятельности доминантъ.

Изъ этого краткаго обзора воззрѣній новѣйшихъ ученыхъ на сущность жизни видно, съ какими необычными трудностями сопряжены попытки научно обосновать явленія жизни въ опредѣленной системѣ, какъ трудно найти для жизненнаго принципа вполнѣ точный терминъ и надѣлать его соответствующими свойствами.

Исслѣдователи, пытающіеся надѣлать причину органической жизни опредѣленными свойствами, всегда впадаютъ въ погрѣшности. Они ограничиваются или построеніемъ однихъ лишь абстрактныхъ понятій, которыя, при ближайшемъ экспериментальномъ изученіи жизненныхъ явленій,

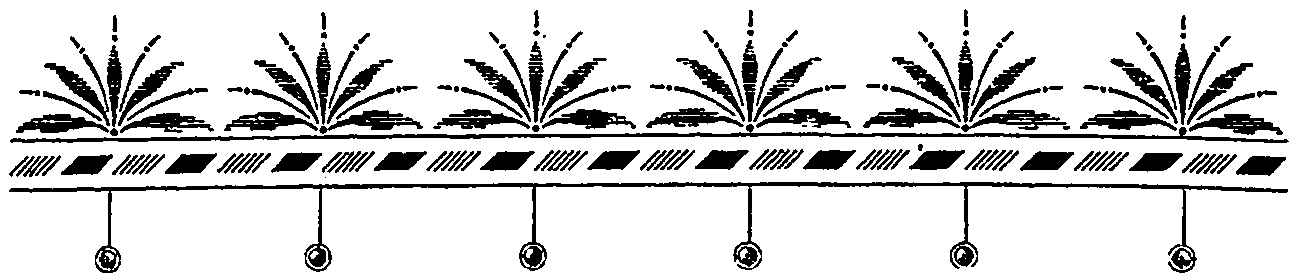
¹⁾ I. Reinke. Die Welt als That. Berlin. 1903. pp. 201—209.

оказываются несостоятельными, или представляют себѣ эту причину въ слишкомъ антропоморфическомъ видѣ, или матеріализуютъ ее, употребляя ее матеріальнымъ силамъ природы, или наконецъ, слишкомъ индивидуализируютъ ее, чѣмъ затрудняютъ пониманіе частныхъ измѣненій органической жизни: роста, убыли, дѣленія, сліянія и т. п. Эти ложные пути въ изслѣдованіи жизненнаго принципа приводятъ къ безвыходнымъ затрудненіямъ и даютъ механизму возможность оспаривать его основныя положенія.

Свящ. Михаилъ Струминскій.

(Окончаніе будетъ).

Воспоминанія о Кіевской Духовной Академіи. (1852—1862 г.г.).

І. Инспекторство архимандрита Леонтія въ Кіевской духовной академіи.

Въ „Богословскомъ Вѣстникѣ“ за 1913 годъ въ октябрьской книжкѣ напечатаны замѣтки и воспоминанія Леонтія, бывшаго митрополита московскаго, о его инспекторствѣ въ Кіевской духовной академіи. Не входя въ подробный разборъ этихъ воспоминаній, нельзя не обратить вниманія на тѣ мѣста, въ которыхъ самъ митрополитъ Леонтій описываетъ свое инспекторство въ Кіевской духовной академіи.

Я, какъ воспитанникъ Кіевской академіи этого времени, считаю долгомъ сдѣлать нѣсколько замѣтокъ относительно того времени, къ которому относятся воспоминанія и, во-первыхъ, установить правильный взглядъ на предшественника о. Леонтію архимандрита Даниила, во-вторыхъ, на самое инспекторство архимандрита Леонтія.

О предшественникѣ своемъ, архимандритѣ Даниилѣ, Леонтій отзывался слѣдующимъ образомъ: что онъ былъ „аскетъ по жизни, держалъ себя странно, по временамъ просто юродствовалъ, и при немъ инспекція упала“. На такой взглядъ на архимандрита Даниила должно сказать, что онъ схваченъ съ чужихъ словъ. Архимандритъ Леонтій о. Даниила не только не зналъ, но даже и не видѣлъ, а передалъ о немъ взглядъ людей, не понимавшихъ Даниила.

Архимандритъ Даниилъ былъ ученикомъ оптинскихъ подвижниковъ и въ особенности старца Леонида.

Архимандритъ Даніилъ, по словамъ Василя Федоро-
вича Пѣвницкаго, „былъ преподавателемъ калужской се-
минаріи. Изъ Калуги (говорило намъ преданіе) онъ при-
шелъ въ Кіевъ пѣшкомъ на богомолье, будучи въ то время
только іеромонахомъ“. Намѣстникъ лавры, архимандритъ
Лаврентій, узнавъ Даніила въ числѣ богомольцевъ, доло-
жилъ о немъ митрополиту Филарету, который оставилъ его
при академіи. Въ 1850 году опредѣлилъ Даніила инспекто-
ромъ академіи. Даніилъ былъ строгій монахъ-аскетъ.

„Это его аскетическое направленіе давало особое на-
правленіе его лекціямъ. Обладалъ онъ богатыми свѣдѣніями,
въ особенности былъ начитанъ въ отеческой литературѣ, и
его многопознаніе обнаружилось предъ слушателями на его
урокахъ. Обильныя идеи, гнѣздившіяся въ головѣ его, ча-
сто изливались у него не очень стройными рядами, давя и
опережая одна другую. Желая передать слушателямъ по-
больше свѣдѣній и сужденій, онъ посиѣшно, не соблюдая
строгой послѣдовательности, переходилъ отъ одной мысли
къ другой, и выходило смѣшеніе цѣнныхъ матеріаловъ, ко-
торое нарушало единство впечатлѣнія. Еслибы тотъ же
обильный умственный матеріалъ предлагаемъ былъ въ бо-
лѣе систематизированномъ логически упорядоченномъ видѣ,
впечатлѣніе отъ уроковъ Даніила было бы сильное и вос-
произведеніе ихъ болѣе отчетливое.

Рационализмъ онъ считалъ источникомъ всяческихъ
заблужденій, влекущихъ человѣка на пути погибельные, и
отъ заразы рационализмомъ, какъ опасною язвою, онъ счи-
талъ священнымъ долгомъ предостерегать всѣхъ, въ осо-
бенности учащихся юношей. Стоило, бывало, навести его на
мысль о рационализмѣ какимъ нибудь намекомъ, какъ онъ
начнетъ въ длинныхъ горячихъ рѣчахъ нападать на это
направленіе, уклоняющее насъ отъ вѣры.

Другая губительная сила, съ которой Даніилъ побуж-
далъ студентовъ всемѣрно бороться,—это страсти. Отъ стра-
стей, по его выраженію, все зло, какое только постигаетъ
человѣка. Заболѣваетъ ли кто изъ студентовъ, Даніилъ въ
страстяхъ указываетъ причину болѣзней, тѣлесныхъ и ду-
шевныхъ, и совѣтовалъ беречься страстей, растлѣвающихъ
наше тѣло и нашу душу. Совершитъ ли кто неблаговидный
поступокъ, опять рѣчь о страстяхъ и совѣтъ бороться съ

ними. Постигнетъ ли кого-либо какое-нибудь несчастье,— это наказаніе Божіе человѣку, поддавшемуся страстямъ. Святые люди боролись съ своими страстями и побѣждали ихъ, говорилъ архимандритъ Даніилъ, и тѣмъ благоугождали Богу. Самъ Даніилъ испытывалъ на себѣ давленіе страстей и борьбу съ ними, небезуспѣшную считалъ главнымъ подвигомъ своей личной аскетической жизни.

Преимникъ его, архимандритъ Леонтій, такого направленія Даніила и вліянія его на студентовъ академіи своего времени не понималъ.

Бывало Даніилъ отдастъ студентамъ свои лекціи (печатныхъ учебниковъ у насъ не было), затѣмъ ночью вспомнить, что въ его лекціи вкралась неточность и, какое бы ни было позднее время, стучалъ въ комнату къ студенту, взявшему лекціи, будилъ его и при этомъ извинялся, что онъ проситъ возвратить ему лекціи для поправки.

Вечеромъ Даніилъ обходилъ студенческія помѣщенія въ то время, когда студенты улеглись спать. Спавшихъ онъ не беспокоилъ, но если кого находилъ въ комнатѣ занимающимся дѣломъ, говорилъ:— „Блаженъ человѣкъ его же обращетъ бдяща“,— и съ этими словами, благословивъ студента, оставлялъ его за занятіями.

Всякій формализмъ въ сношеніяхъ инспектора Даніила со студентами былъ устраненъ. Отношеніе инспектора и студентовъ были основаны на глубокомъ знаніи человѣческаго сердца. Предъ всенощнымъ бдѣніемъ мы собирались въ столовую, къ намъ приходилъ отецъ Даніилъ; вмѣсто какихъ бы то ни было рѣчей говорилъ намъ краткое, но сильное по духу назиданіе. Выслушавъ его, мы за нимъ молчали въ храмъ Божій. Почти не было случая, чтобы кто-нибудь изъ студентовъ уклонился отъ посѣщенія храма во время всенощной или литургіи.

Литургію, впрочемъ, Даніилъ очень часто служилъ съ митрополитомъ Филаретомъ въ Кіево-Печерской лаврѣ, и послѣ литургіи студенты видѣли, какъ отецъ инспекторъ, закрывъ архимандричій крестъ, висѣвшій у него на груди, боковыми улицами пѣшкомъ возвращался изъ лавры.

Въ лавру онъ ѣздилъ на лошадахъ, но чтобы не томить кучера и лошадей, отсылалъ ихъ въ академію.

Въ домашней жизни о. инспекторъ Даніилъ также былъ простъ и доступенъ. Входить къ нему студентъ могъ когда угодно. Единственной прислугой у него былъ старый солдатъ „временъ Очаковскихъ и покоренія Крыма“.

Солдатъ этотъ былъ высокаго роста, одѣвался въ простую бѣлую рубаху и широчайшія шаровары. Онъ никогда ни о комъ отцу инспектору не докладывалъ. И когда приходилъ студентъ, онъ входилъ въ гостинную, оттуда въ кабинетъ и, если тамъ не находилъ отца инспектора, шелъ въ спальню. Въ спальнѣ была единственная кровать безъ матраца и подушекъ, на ней лежала масса книгъ и между ними замѣтно было то мѣсто, на которомъ почивалъ во время сна отецъ Даніилъ.

Отецъ Даніилъ имѣлъ тотъ же столъ, который готовили студентамъ-монахамъ. Раздѣлялъ пищу съ нимъ его прислужникъ, и при этомъ оба удивлялись, какъ хорошо кормятъ студентовъ.

Въ свободное время отецъ Даніилъ часто ходилъ по аллеямъ братскаго монастыря, при этомъ его сопровождалъ кто нибудь изъ студентовъ и о. Даніилъ велъ съ своимъ спутникомъ бесѣду, касающуюся подвижнической жизни.

Неудивительно послѣ этого, что преемникъ Даніила, архимандритъ Леонтій, зная по наслышкѣ объ отцѣ Даніилѣ, высказываетъ удивленіе, что 16 курсъ былъ хорошъ, даровать, что изъ этого курса вышли студенты, отличавшіеся религіознымъ направленіемъ, а о вольнодумствѣ и легкомысленной фанаберіи и рѣчи не было.

О. Леонтій, какъ видно это изъ записокъ, приписываетъ это своему вліянію, забывъ то, что онъ 16-му курсу самъ обѣщалъ не вводить новыхъ порядковъ до слѣдующаго курса. Выходитъ—Леонтій въ одно и то же время хвалитъ направленіе студентовъ Кіевской академіи и въ то же время обѣщалъ съ новаго курса начать новые порядки, какими приходилось улучшать. Такимъ образомъ, въ отзывахъ о. Леонтія проглядываютъ ясныя противорѣчія самому себѣ. Если эти порядки архимандритъ Леонтій находилъ хорошими, то почему же было обѣщать заводить какіе-то новые. Дѣйствительно онъ завелъ съ 17 курса, но такіе порядки,

которые съ его инспекторства не ставили академію выше того строя, который далъ было академіи мнимо юродивый архимандритъ Даніилъ.

Въ 1852 году о. архимандритъ Даніилъ былъ назначенъ ректоромъ Екатеринославской духовной семинаріи.

При отъѣздѣ изъ Кіева наняли для него жидовскую фуру (балагулу); въ нее сложили книги—единственное имущество о. Даніила; тамъ же помѣстился и о. ректоръ.

Не долго жилъ онъ. Спасая больныхъ учениковъ семинаріи отъ холеры, онъ заразился ею, умеръ и погребенъ на городскомъ кладбищѣ.

Вѣчная память великому подвижнику.

Объ инспекторствѣ архимандрита Леонтія болѣе всѣхъ насъ зналъ Василій Ѳедоровичъ Пѣвницкій.

У инспектора Леонтія была привычка являться къ студентамъ и посѣщать всѣ ихъ комнаты послѣ возвращенія своего откуда нибудь изъ гостей. Эти посѣщенія онъ дѣлалъ въ весьма благодушномъ настроеніи. Если же студенты легли спать, то архимандритъ Леонтій ихъ не беспокоилъ болѣе, а приглашалъ къ себѣ или В. Ѳ. Пѣвницкаго или студента О. Надеждина—брата ректора семинаріи архим. Нектарія. Съ тѣмъ или другимъ онъ бесѣдовалъ очень долго и вполне откровенно, сообщая имъ все то, что зналъ объ академическомъ начальствѣ, корпораціи преподавателей и о жизни студентовъ, причемъ предупреждалъ, чтобы они слышаннаго никому не говорили. На другой день Пѣвницкій или Надеждинъ передавали намъ, товарищамъ, все то, что слышали отъ инспектора.

Воззрѣнія о. Леонтія, по словамъ В. Ѳ. Пѣвницкаго, были болѣе умѣренны и мягки, чѣмъ воззрѣнія Даніила; аскетическое напряженіе онъ не выставлялъ, какъ обязательное для всѣхъ правило. Въ раскрытіи и уясненіи христіанскаго нравоученія никакихъ характерныхъ особенностей у него не было. Въ изложеніи науки, ему порученной, шелъ обычнымъ путемъ, руководствуясь готовыми системами; не русскими только, но и иностранными. Чужія руководства были только пособіемъ.

Лекціи о. Леонтія напечатаны въ „Богословскомъ Вѣстникѣ“, и каждый, прочитавши ихъ, можетъ убѣдиться въ томъ, что онѣ не отличались ни глубиною воззрѣнія, ни ши-

ротою мысли. Это самый заурядный семинарскій курсъ, которымъ мы, слушавшіе его, сравнивая съ глубокими взглядами предшественника его, архимандрита Даниїла, не были удовлетворены.

Со вступленіемъ архимандрита Леонтія на должность инспектора Кіевской духовной академіи поступленіе студентовъ въ монашество прекратилось на очень долгое время. Принимали монашество только священники—монахи по неволѣ, а свѣтскіе студенты уклонялись отъ монашества.

Такимъ образомъ при юродивомъ Даниилѣ стремленіе къ аскетизму среди студентовъ процвѣтало, съ введеніемъ новыхъ порядковъ при Леонтіи поступленіе въ монашество, какъ выше замѣчено, прекратилось на долго.

2. Взглядъ архимандрита Леонтія на ректора академіи, архимандрита Антонія (Амфитеатрова).

Насколько невѣренъ взглядъ архимандрита Леонтія на своего предшественника по инспекторству, архимандрита Даниїла, настолько же полонъ противорѣчій взглядъ его на ректора академіи, архимандрита Антонія Амфитеатрова.

По словамъ замѣтокъ, при Антоніи порядокъ въ академіи во всѣхъ отношеніяхъ соблюдался строго и стройно. Отношенія его къ воспитанникамъ-студентамъ и преподавателямъ отличались сердечностью и близостью. Въ то же время, по словамъ тѣхъ же замѣтокъ, Антоній обладалъ духовною гордостью, ему вредившею, недоставало Антонію спокойнаго отношенія къ дѣлу, частенько и постоянства въ характерѣ. Зато при своемъ горячемъ характерѣ, онъ умѣлъ себя сдерживать и не былъ мстителемъ. Можно было упрекнуть его въ нѣкоторомъ пристрастіи къ извѣстнымъ лицамъ и довѣрчивости къ людямъ не совсѣмъ благонамѣреннымъ.

Въ этихъ отзывахъ даже при самомъ поверхностномъ изученіи характеровъ Антонія и Леонтія нельзя не видѣть явныхъ противорѣчій. Можно ли было установить въ академіи добрыя отношенія къ студентамъ и преподавателямъ, можно ли было, чтобы все въ академіи шло строго и стройно при такихъ чертахъ характера начальника заведенія, ка-

кія приписываетъ ректору академіи, Антонію, архимандритъ Леонтій?

Не распространяюсь. Нахожу лишнимъ распространяться о ректорѣ Антоніи и его дѣятельности въ академіи при той характеристикѣ, какая дана В. Ө. Пѣвницкимъ въ его воспоминаніяхъ.

Не могу только не замѣтить, что архимандритъ Леонтій въ своемъ отзывѣ о составленіи Догматическаго богословія, какое было долгое время учебникомъ семинаріи, представилъ дѣло какъ то не ясно и спутанно.

Мы, воспитанники семинаріи 40-хъ и 50-хъ годовъ, не имѣли печатныхъ руководствъ почти ни по одному предмету. Въ старшихъ классахъ были введены учебники—въ старшихъ классахъ былъ введенъ учебникъ исторіи, двухтомная исторія церкви, сочиненія Иннокентія, епископа Пензенскаго; по исторіи русской церкви—исторія Муравьева; по нравственному богословію—черты дѣятельнаго ученія вѣры протоіерея Кочетова, жалкая передѣлка изъ Буддея. По логикѣ, психологіи, словесности учебниковъ не было. По гражданской исторіи учебникъ Шрекка и т. д.

У учениковъ семинаріи и студентовъ академіи все почти время поглощалось списываніемъ лекцій наставниковъ семинаріи и профессоровъ академіи. Для чтенія и занятія не было времени. Такая метода преподаванія введена была и поддерживалась въ оберъ-прокурорство графа Протасова, вмѣстѣ со своими сотрудниками, изъ которыхъ директоръ Св. Синода Сербиновичъ былъ потаенный католикъ. Остальные—Франкъ Карасевскій и другіе дѣйствовали въ томъ же духѣ. Они учредили духовно учебное управленіе вмѣсто комиссіи духовныхъ училищъ и дѣлали по отношенію къ семинаристамъ и академіи все, чтобы не дать воспитанникамъ этихъ, учебныхъ заведеній заняться дѣломъ и развиться для пользы церкви.

Списываніе учебниковъ, зубристка ихъ убивали всякую живую мысль. Даже такіе учебники какъ латинское сочиненіе Августина „О Градѣ Божіемъ“, твореніе Цицерона „De officiis“, были списываемы учениками семинаріи.

Нѣкоторые изъ ректоровъ семинаріи тяготились такимъ положеніемъ дѣла, и Антоній Амфитеатровъ положилъ

начало замѣненія записокъ составленіемъ руководства подъ названіемъ Догматическое Богословіе.

Противъ Антонія въ томъ же Кіевѣ нѣкоторые недоброжелатели пустили молву, что Догматическое Богословіе составлено дядей Антонія Яковомъ Кузьмичемъ Амфитеатровымъ. Другіе приписывали его лекціи Филарету, митрополиту Кіевскому. Первое изданіе учебника Антонія напечатано въ Лаврѣ. И не смотря на то, что Антоній былъ племянникъ митрополита Филарета, вліятельнаго въ епархіи и въ лаврѣ лица, успѣли выбрать такой шрифтъ (буквы съ росчерками), которымъ вмѣсто „богословіе“ напечатано было „ворословіе“. Антоній по своему добродушію и своей искренности этого не замѣтилъ.

Слухъ о томъ, что Догматическое Богословіе составлено митрополитомъ Филаретомъ, раздѣлялъ, какъ видно, и архимандритъ Леонтій и въ своихъ замѣткахъ высказываетъ, что это ему сообщилъ самъ митрополитъ Филаретъ.

Я съ 1862 по 1866 годъ былъ близокъ къ Антонію. Передавая мнѣ многія событія изъ своего прошлаго, Антоній разъ заговорилъ о составленіи Догматическаго Богословія и при этомъ сказалъ, что Догматическое Богословіе составлено имъ, затѣмъ разсматривалъ его митрополитъ Кіевскій Филаретъ, потомъ послано было для просмотра Филарету, митрополиту московскому, и по его замѣчаніямъ Антоніемъ были сдѣланы исправленія. По исправленіи, Догматическое Богословіе передано было Григорію, архіепископу Казанскому; тотъ въ свою очередь сдѣлалъ много новыхъ замѣчаній и согласно послѣднимъ пришлось не мало передѣлывать Догматическое Богословіе. При этомъ Антоній показывалъ мнѣ самыя замѣчанія Филарета и Григорія и прибавилъ,—мнѣ такъ надоѣло дѣлать эти исправленія въ своемъ трудѣ, что я хотѣлъ было совсѣмъ отказаться отъ мысли составить Догматическое Богословіе.

Вся эта переписка объ исправленіи Догматическаго Богословія по замѣчаніямъ Филарета, митрополита московскаго и Григорія, архіепископа казанскаго, происходила до выхода въ свѣтъ перваго печатнаго изданія Догматическаго Богословія въ 1848 году.

Слѣдовательно, исправленія Догматическаго Богословія, по замѣчанію Григорія, никакъ не могли быть посланы въ

Синодъ при Леонтіи, и слѣдовательно этотъ фактъ,—представленіе отвѣта Антонія въ Синодъ чрезъ митрополита Филарета Кіевскаго, чистое недоразумѣніе.

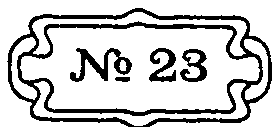
Психологически этотъ фактъ легко объяснимъ. Митрополитъ Леонтій въ своемъ воспоминаніи о Филаретѣ, митрополитѣ Кіевскомъ, подбиралъ событія изъ его жизни, свидѣтельствовавшія о его близости къ митрополиту. О. Леонтій часто служилъ съ митрополитомъ, обѣдалъ у него, возилъ къ нему бумаги правленія. Измѣнившая ему память, въ то время, когда онъ писалъ свои записки, смѣшала кіевскую сплетню съ событіемъ выпуска въ свѣтъ Догматическаго Богословія. И вотъ потому о. Леонтій и допустилъ такой анахронизмъ, что замѣтки на Догматическое Богословіе написанныя авторомъ до 48 года, отнесъ къ 60-мъ годамъ, когда онъ былъ инспекторомъ академіи. При этомъ нельзя не замѣтить относительно языка (стиля) Догматическаго Богословія архимандрита Антонія, который совсѣмъ не имѣетъ никакого сходства ни съ устными бесѣдами митрополита Филарета кіевскаго, которыя мы слышали отъ него на экзаменѣ, о чемъ упоминаетъ и митрополитъ Леонтій въ своихъ замѣткахъ, и съ проповѣдями того же святителя, напечатанными въ отдѣльномъ изданіи. Языкъ Догматическаго Богословія—точный, стройный, совершенно вѣрный священному писанію, не имѣетъ никакого сходства съ бесѣдами митрополита Филарета на первыя главы евангелія Матѳея.

Феофанъ Доброленскій.

ИЗВѢСТІЯ и ЗАМѢТКИ по Харьковской епархіи.

15 Декабря

1914 года.

Содержаніе. Высочайшая награда.—Указъ Его Императорскаго Величества, Самодержца Всероссійскаго, изъ Святѣйшаго Правительствующаго Синода.—Отъ Романовскаго комитета.—Богослужебные запросы.—Помогите родной Галичинѣ!—Отъ Правленія Общества вспоможенія нуждающимся воспитанникамъ Харьковской духовной семинаріи.—Епархіальныя извѣщенія.

I.

Высочайшая награда.

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу Оберъ-Прокурора Св. Синода, во 2-й день октября с. г. Всемиловѣйше соизволилъ на соприсчисленіе за 50-лѣтнюю отлично-усердную службу Церкви Божіей къ ордену св. **Владимира 4-й ст.** священника при Клеменовской богадѣльнѣ г. Харькова *Іоанна Мантулина.*

Копія.

Указъ Его Императорскаго Величества, Самодержца Всероссійскаго, изъ Святѣйшаго Правительствующаго Синода,

По Указу Его Императорскаго Величества, Святѣйшій Правительствующій Синодъ слушали: предложенное Г. Оберъ-Прокуроромъ Святѣйшаго Синода, отъ 19 Ноября 1914 г. за № 12788, отношеніе за Министра Внутреннихъ Дѣлъ Товарища Министра, отъ 15 того же Ноября за № 39140, въ коемъ изложено, 1) что съ 1 Февраля по 5 Марта 1915 г. имѣется въ виду произвести досрочный призывъ новобранцевъ 1915 г., при чемъ предполагается установить слѣдующія правила: 1) Отсрочки для окончанія образованія лицамъ, обучающимся въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ и подлежащимъ призыву къ исполненію воинской повинности въ 1915 году, будутъ предоставляться на общихъ, изложенныхъ въ статьѣ 61 и прим. 1 къ ней Уст. Воин. Пов. (по Прод. 1912 года и по Своду) основаніяхъ, но тѣмъ изъ призывныхъ 1915 года, кои оканчиваютъ курсъ въ томъ же году, отсрочки будутъ даваться до 1 числа мѣсяца, слѣдующаго за сдачей выпускныхъ или государственныхъ экзаменовъ,

или за выбытіемъ ихъ изъ учебнаго заведенія до окончанія курса. 2) Отсрочки, предоставленныя въ предшествующіе призывы молодымъ людямъ, состоящимъ въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, либо получившимъ выпускныя свидѣтельства изъ Императорскихъ университетовъ и оканчивающимъ образованіе въ 1915 году, сохраняютъ силу лишь до 1 числа мѣсяца, слѣдующаго за сдачей ими выпускныхъ или государственныхъ экзаменовъ, или за выбытіемъ ихъ изъ учебныхъ заведеній до окончанія курса. 3) Отсрочки для окончанія образованія лицамъ, обучающимся въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ и подлежащимъ призыву къ исполненію воинской повинности въ 1915 году, будутъ назначаться на основаніи статей 61—61³ Уст. Воин. Пов. (по Прод. 1912 года). 4) Для лицъ, призываемыхъ въ 1915 году и оканчивающихъ въ томъ же году курсъ средняго учебнаго заведенія, отсрочки будутъ даваться до 1 числа мѣсяца, слѣдующаго за окончаніемъ выпускныхъ экзаменовъ, или до выбытія ихъ изъ учебныхъ заведеній ранѣе окончанія курса. До того же срока предположено сохранить дѣйствіе отсрочекъ, предоставленныхъ въ прежніе призывы лицамъ, состоящимъ въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ и оканчивающимъ оныя въ 1915 году. 5) Указанныя въ пунктѣ 4 лица, въ случаѣ желанія ихъ поступить въ высшія учебныя заведенія, будутъ обязаны заявить о семъ до истеченія срока разрѣшенной имъ отсрочки (п. 4) подлежащимъ уѣзднымъ (окружнымъ) и городскимъ воинскимъ присутствіямъ по мѣсту приписки ихъ къ призывному участку, а затѣмъ подать до 1 Октября 1915 года въ эти присутствія прошенія о продленіи имъ отсрочки по воинской повинности согласно пунктамъ 2 или 3 ст. 61 Уст. Воин. Повин., по прод.; съ приложеніемъ удостовѣренія подлежащаго учебнаго начальства о поступленіи ихъ въ высшее учебное заведеніе. Лица, не поступившія до 1 Октября 1915 года въ высшія учебныя заведенія и не возбудившія ходатайства объ отсрочкѣ для окончанія образованія, подлежатъ безотлагательному привлеченію къ исполненію воинской повинности. 6) Въ отношеніи лицъ, обучающихся въ низшихъ учебныхъ заведеніяхъ (прилож. къ ст. 61, Второй разрядъ); предполагается установить, что тѣ изъ нихъ, кои оканчиваютъ курсъ въ 1915 г. и въ томъ же году подлежатъ призыву, могутъ воспользоваться отсрочками по воинской повинности до 1 числа мѣсяца, слѣдующаго за окончаніемъ курса или выбытіемъ ихъ изъ учебнаго заведенія. Для сего лица эти обязаны обращаться съ прошеніями въ подлежащія присутствія по воинской повинности, представивъ при этомъ удостовѣренія своихъ учебныхъ начальствъ о времени предсто-

ящаго окончанія ими курса. 7) Срокомъ подачи лицами, подлежащими призыву въ 1915 г., прошеній о предоставленіи имъ отсрочекъ для окончанія образованія въ высшихъ, среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеніяхъ (п. п. 1, 3 и 6) назначается 1 Января 1915 г.; послѣ этого срока и до 1го Февраля заявленія объ отсрочкѣ будутъ воинскими присутствіями приниматься лишь въ случаѣ представленія заявляющими уважительныхъ причинъ просрочки. 8) Изложенные въ пунктахъ 1—7 правила и сроки подлежатъ примѣненію и въ отношеніи молодыхъ людей, получившихъ отсрочки для окончанія образованія въ порядкѣ ст. 61^о Уст. о Воин. Пов. (по Прод. 1912 г.), или коимъ отсрочки были даны въ изъятіи изъ общихъ правилъ. 9) Молодые люди, обучающіеся въ высшихъ и среднихъ учебныхъ заведеніяхъ и подлежащіе по возрасту призыву въ 1915 г., въ случаѣ желанія ихъ исполнить воинскую повинность на правахъ вольноопредѣляющихся, обязаны заявить о семъ одновременно съ испрошеніемъ отсрочки для окончанія образованія, при томъ не позднѣе 1 Января 1915 года. 10) Лица, оканчивающія въ 1915 г. медицинское, ветеринарное или фармацевтическое образованіе и подлежащія поступленію въ войска на правахъ вольноопредѣляющихся, будутъ приниматься въ установленный въ законѣ (ст. 196^а, п. 1 Уст. Воин. Пов., по Прод. 1912 г.) пріемный періодъ съ 15 по 31 Декабря 1915 года. 11) Лица съ инымъ образованіемъ, обязанныя исполнить воинскую повинность вольноопредѣляющимися и состоящія ко времени наступленія общаго призыва новобранцевъ (1 Февраля 1915 года) въ учебныхъ заведеніяхъ, подлежатъ пріему въ войска съ 15 по 30 Іюня 1915 года (ст. 196^а, п. 2 Уст. Воин. Пов., по Прод.). 12) Не пользующіеся отсрочками для окончанія образованія и не состоящіе въ учебныхъ заведеніяхъ молодые люди, подлежащіе поступленію въ войска вольноопредѣляющимися въ 1915 году, будутъ приниматься въ общій призывъ новобранцевъ 1915 года (съ 1 Февраля по 5 Марта), при чемъ заявленія о семъ должны подаваться подлежащему воинскому присутствію до 1 Января, съ представленіемъ документовъ, перечисленныхъ въ ст. 197^а Уст. Воин. Пов. (по Прод. 1912 года). 13) Лица, подлежащія исполненію воинской повинности вольноопредѣляющимися и изъявившія желаніе по случаю войны нынѣ же поступить на дѣйствительную военную службу, согласно Высочайшему повелѣнію 22 Іюля 1914 года, подлежатъ пріему воинскими присутствіями во всякое время—въ указанныхъ въ пунктахъ 10—12 срокахъ. 14) Лица, получившія въ предшествующіе призывы отсрочку для окончанія образованія, дѣйствіе коей пре-

кращается въ 1915 году, въ случаѣ ихъ желанія измѣнить, въ силу ст. 3 прилож къ ст. 1 (прим.) Уст. Воин. Пов., по Прод. 1912 года, избранный ими способъ исполненія воинской повинности, обязаны заявить о семъ подлежащимъ присутствіямъ по воинской повинности не позднѣе 1 Февраля 1915 года, и II) что принимая во вниманіе краткость остающагося до призыва срока, Товарищъ Министра Внутреннихъ Дѣлъ, по соглашенію съ Военнымъ Министромъ, просить преподать нынѣ же изложенныя выше указанія и разъясненія учебнымъ заведеніямъ духовнаго вѣдомства, предложивъ начальствамъ сихъ заведеній поставить въ извѣстность учащимся о нижеслѣдующемъ: 1) Лицамъ, подлежащимъ по возрасту призыву къ исполненію воинской повинности въ 1915 году (т. е. тѣмъ, кому къ 1 Января 1915 года исполнилось 20 лѣтъ) и обучающимся въ высшихъ и среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, для полученія отсрочекъ для окончанія образованія надлежитъ до 1 Января 1915 года подать прошеніе о семъ уѣздному (окружному) или городскому по воинской повинности присутствію по мѣсту приписки ихъ къ призывному участку, съ приложеніемъ свидѣтельства о продолженіи образованія отъ начальства того учебнаго заведенія, въ коемъ заявитель обучается, и съ объясненіемъ, желаютъ-ли они отбыть воинскую повинность по жребію или вольноопредѣляющимися. 2) До того же срока (1 Января 1915 года) надлежитъ подавать прошенія въ уѣздныя (окружныя) и городскія воинскія присутствія тѣмъ изъ учащихся въ низшихъ учебныхъ заведеніяхъ, которые призываются въ 1915 году и желали бы получить отсрочку для окончанія курса обученія въ этомъ же году. Къ этимъ прошеніямъ должны прилагаться удостовѣренія учебныхъ начальствъ о нахожденіи ихъ въ учебныхъ заведеніяхъ и о предстоящемъ окончаніи ими курса въ 1915 году. 3) Лица, получившія въ предшествующіе призывы отсрочки по отбыванію воинской повинности для окончанія образованія на основаніи узаконеній, дѣйствовавшихъ до 1 Декабря 1912 года, въ случаѣ прекращенія дѣйствій этихъ отсрочекъ въ 1915 году, могутъ, согласно ст. 3 приложенія къ ст. 1, прим. Уст. Воин. Пов. по прод. 1912 года, измѣнить избранный ими способъ исполненія воинской повинности при условіи, чтобы соответственное заявленіе подлежащему воинскому присутствію было сдѣлано ими не позднѣе 1 Февраля 1915 года. **Приказали:** Разсмотрѣвъ настоящее отношеніе, за Министра Внутреннихъ Дѣлъ Товарища Министра, Святѣйшій Синодъ опредѣляетъ: предписать Епархіальнымъ Преосвященнымъ преподать означенныя указанія и разъясненія по вопросу о призывѣ новобранцевъ 1915 г. мужскимъ учебнымъ заве-

деніямъ духовнаго вѣдомства, предложивъ начальствамъ сихъ заведеній поставить учащихя въ извѣстность о помннутыхъ трехъ пунктахъ, выясняющихъ порядокъ полученія отерочекъ по отбыванію воинской повинности и измѣненія способа исполненія воинской повинности; для исполненія сего опредѣленія послать циркулярные указы Епархіальнымъ Преосвященнымъ, увѣдомивъ таковыми же Московскую и Грузино-Имеретинскую Синодальныя Конторы, Завѣдывающаго придворнымъ духовенствомъ и Помощника Протопресвитера военнаго и морского духовенства. Ноября 26 дня 1914 года.

Подлинный указъ подписали:

Оберъ-Секретарь П. Мудролюбовъ.

Секретарь С. Соколовъ.

О призывѣ новобранцевъ 1915 года.

Отъ Романовскаго комитета.

*И уже аще напоитъ единого отъ
малыхъ сихъ чашею студены воды
токмо, во имя ученика, аминь глаголю
вамъ, не погубитъ мзды своея.
(Ев. отъ Матѳ. гл. 10 ст. 42).*

Неслыханна по своей жестокости нынѣшняя война. Съ беззавѣтною храбростію чудо-богатыри наши отдають свою жизнь на защиту родины отъ кровожаднаго врага. Много сиротъ остается послѣ нихъ въ деревняхъ и селахъ нашихъ.

Священный долгъ родины спасти этихъ сиротъ отъ физической и нравственной гибели и обезпечить имъ призрѣніе и воспитаніе.

Состоящій подъ Высочайшимъ Его Императорскаго Величества Покровительствомъ Романовскій Комитетъ уже остановилъ свое вниманіе на этой потребности. Къ земскимъ учрежденіямъ уже обращена просьба создать при его помощи свѣт воспитательныхъ учрежденій, приспособленныхъ къ крестьянскому быту, въ которыхъ осиротѣвшія вслѣдствіе войны дѣти могли бы получать необходимыя ремесленныя или сельско-хозяйственныя познанія, обезпечивающія имъ въ будущемъ хорошій заработокъ. Но изъ имѣющихся въ распоряженіи Комитета казенныхъ средствъ онъ можетъ оказывать созданію и содержанію подобныхъ заведеній лишь ограниченную помощь, въ размѣрѣ половины средствъ, предназначаемыхъ для сего мѣстными учрежденіями.

Чтобы создать нѣчто достойное Великой Россіи и дѣйствительно, а не только на словахъ, воздать хотя бы отчасти нашимъ храбрецамъ, въ лицѣ ихъ потомства, благодарность родины—нуженъ обильный притокъ добродѣтельныхъ пожертвованій.

Комитетъ вѣрить, что таковыя притекутъ. Каждая, хотя бы и самая ничтожная, лепта будетъ принята съ горячею благодарностію, будетъ израсходована со строгою бережливостію и въ ней будетъ отданъ публичный отчетъ.

Пожертвованія принимаются:

1. Въ Канцеляріи Совѣта Министровъ (По Романовскому Комитету)—Петроградъ, ул. Жуковскаго, 59, ежедневно отъ 1 до 5 часовъ дня.

2. Въ Конторахъ и отдѣленіяхъ Государственнаго Банка.

3. Во всѣхъ казначействахъ Имперіи.

Пожертвованія, отправленные денежными переводами, адресуются на имя Романовскаго Комитета въ Петроградъ (ул. Жуковскаго, 59),

Богослужебные запросы.

**Примѣчанія Его
Высокопреосвященства**

Въ Ноябрь мѣсяцъ сего года Его Высокопреосвященству однимъ изъ священниковъ двухълррнаго причта былъ поданъ рапортъ слѣдующаго содержания: Слѣдствія недоразумѣній, происходящихъ при богослужебной практикѣ, вынуждаютъ меня безпокоить Ваше Высокопреосвященство всепокорнѣйшею просьбою, которую только Вы, Ваше Высокопреосвященство, своею авторитетною властію и можете разрѣшить. Послѣ рукоположенія Вашимъ Высокопреосвященствомъ меня во Череп., я просилъ Васъ наставить и разъяснить нѣкоторые недоразумѣнія и недоумѣнные вопросы изъ богослужебной практики, которые и были Вами преподаны, но оказывается, что на дѣлѣ я ихъ примѣнить почти не могу, вследствие того, что получается разнорѣчивость въ богослуженіи, и священникъ—настоятель дѣлаетъ мнѣ замѣчанія, указывая

Незнаніе устава

Незнаніе

Неправильно.

На ходу?

Неразумно и про-

тивъ Устава

на то, что при прежнихъ Архіереяхъ такъ дѣлалось и если настоящій Владыка уйдетъ, то опять все будетъ по прежнему, а потому и дѣлать нужно такъ, какъ и было раньше. Несогласія-же наши проекоходятъ въ слѣдующихъ случаяхъ. Чась 9 читается, при моемъ богослуженіи, при закрытой катапетаемѣ и начинается предъ Царскими дверьми, настоятель начинаетъ въ алтарѣ и при открытой катапетаемѣ. Послѣ молитвы 9 часа мною дѣлается начало вечерни предъ Царскими дверьми, настоятелемъ-же въ алтарѣ. Я, по окончаніи свѣтильничныхъ молитвъ, ожидаю выхода діакона и послѣ троекратнаго съ нимъ поклоне- нія во время аллилуіа и поклона—другъ другу, вхожу въ алтарь; настоятель входитъ въ алтарь до окончанія псалма и діаконъ въ алтарѣ дѣлаетъ ему поклонъ, выходитъ изъ алтаря и на ходу начинаетъ ектенію «Миромъ Господу помолимся». На «Господи воззвахъ», если самъ служу, то самъ, а если съ діаконъ, то ему говорю, чтобы послѣ кажденія алтаря, мѣстныхъ образовъ, оказивалъ и весь храмъ; настоятель же самъ не оказивалъ храма, ограничиваясь только алтаремъ и мѣстными иконами на солеѣ и велитъ такъ дѣ- лать діакону, какъ на его богослуженіи, такъ и моемъ, точно также и на 9 пѣсни при пѣ- нии «Величитъ душа моя Господа», такъ что послѣ кажденія діаконъ только мѣстныхъ иконъ на солеѣ и, по входѣ въ алтарь, я вынуждаюсь идти оказивать храмъ. Діакона я не виню, потому что ему настоятель при мнѣ сказалъ, что если онъ не будетъ дѣлать на моемъ богослуженіи такъ, какъ на его, то онъ съ нимъ служить не будетъ. Во время входа на вечернѣ и малаго на литургіи Вами передано было мнѣ наставленіе, послѣ цѣло- ванія образа Спасителя, оборачиваться на за- падъ къ пономарю со свѣтильникомъ и, бла-

Очень жаль!

Нехорошо!

Плохо!

Это лучше.

Нехорошо!

Нельзя.

Нельзя.

гословивъ, цѣловать образъ Божіей Матери. Настоятель по поводу этого дѣйствія выражается: «это комедія». При служеніи настоятеля, пономарь идетъ со свѣчей въ рукѣ безъ подсвѣчника и становится въ южныхъ дверяхъ, а послѣ возгласа «Премудрость прости» идетъ въ алтарь. На литургіи изобразительные псалмы 102 и 145 не поются и не читаются, первый ограничивается словами: «на всякомъ мѣстѣ владычества Его благослови душе моя Господа», а второй совсѣмъ опускается, а поется «слава и нынѣ», „Единородный Сыне“. Царскія врата послѣ чтенія Евангелія не закрываются, до прочтенія молитвы, какъ прежней за Царя, такъ и положенной въ настоящее время видоизмѣненной. Мною же, послѣ прочтенія діакономъ Евангелія, Царскія врата закрываются, а на чтеніе молитвы отверзаются. Настоятель и въ этомъ дѣйствіи видитъ неблаговидность: «затворять, да растворять». Мною при отправленіи требъ, напр. погребенія какъ младенческаго, такъ и взрослога, поются и читаются, также и при елеосвященіи, всѣ стихиры, каноны и другія пѣсноупнія; а при настоятель требоисправленія ограничиваются только дѣніемъ ирмосовъ: 1, 3, 6 и 9 безъ чтенія тропарей канона и стихиръ, ограничиваясь одной стихирой: «Придите послѣднее цѣлованіе» и «слава и нынѣ» молитвами рождшія Тя, Христе». Я влагаю разрѣшительную молитву въ руку умершему, а елей возливаю крестообразно на лицо, а настоятель велитъ покрыть молитвой лицо умершаго и возливаетъ елей на молитву. Я при отпываніи умершаго стою въ головѣ, а настоятель становится впереди, гдѣ ноги, тамъ же и пѣвцы. Есть и другія разновидности. Вслѣдствіе всего этого о. настоятель имѣетъ ко мнѣ нѣкоторую неприязнь: „вы не хотите двлать какъ, какъ я двлаю, а потому я св-

лаю такъ, что вы вынуждены будете уйти изъ этого прихода, при всемъ вашемъ желаніи быть здѣсь“. Я говорю, что противузаконнаго или противнаго обрядамъ церковнымъ я ничего не дѣлаю, а кто меня рукоположилъ и наставилъ, какъ отправлять таинства и обряды, я такъ и совершаю, не виноватъ—же я, что вы умѣете совершить крещеніе за 5—10 минутъ, а мнѣ нужно на это времени часъ. Если я заблуждаюсь и погрѣшаю въ вышеизложенныхъ дѣйствіяхъ въ богослужебной практикѣ, всепокорнѣйше прошу Васъ, Милостивый Архипастырь и Отецъ, наставьте еще и поучите, да будетъ все благообразно и по чину. Если можно, то для общаго блага, руководства и пользы епархіальнаго духовенства благоволите открыть при журналѣ «Вѣра и Разумъ» въ 3 отдѣлѣ отдѣлъ для недоумѣнныхъ вопросовъ, и куда таковыя направлять, лично Вашему Высокопреосвященству или же въ редакцію журнала «Вѣра и Разумъ».

На рапортъ семъ резолюція Его Высокопреосвященства 26 ноября послѣдовала такая: „Консисторіи: Въ «Вѣра и Разумъ» отпечатать рапортъ и резолюцію, но безъ собственныхъ именъ. Напрасно настоятель ссылается на прежнихъ и будущихъ архіереевъ: они не учили извращенію богослужебнаго чина и если послѣднее допускалось нѣкоторыми священнослужителями, то безъ вѣдома архипастырей. Допускается такое извращеніе и теперь многими, но это не значитъ, что я такое одобряю. Если настоятель будетъ упорствовать въ своемъ незнаніи устава и нежеланіи его исполнять, то самъ и будетъ уволенъ“.

Помогите родной Галичинѣ!

Быстрое сосредоточеніе, а затѣмъ стремительное, «суворовское», наступленіе нашихъ доблестныхъ войскъ къ Днѣстру и Львову и побѣды при Гнилой Липѣ снаси нашу Подолію и Волынь отъ ужасовъ войны и разоренія и перенесли театръ военныхъ дѣйствій въ Галичину, въ ту древнюю нашу Галичину, которая уже 600 лѣтъ ждетъ своего освобожденія отъ иноземнаго ига и упорно отстаивала и сохранила свою русскую народность и свою родную вѣру.

При самомъ началѣ мобилизаціи, по всей Червонной Руси пошли аресты тысячей и казни сотенъ священниковъ, интеллигентовъ и крестьянъ, однимъ словомъ всѣхъ тѣхъ, кто проявилъ себя болѣе яркими поборниками русской народной идеи. Враги русскаго народа захотѣли воспользоваться военнымъ положеніемъ, чтобы грубой силой искоренить то русское сознаніе, съ которымъ они были безсильны бороться культурнымъ путемъ.

До сихъ поръ выяснено, что въ занятой нами части Галичины арестовано около 10.000 русскихъ людей, а казнено болѣе 1.000. Освобождено нами изъ галицкихъ тюремъ лишь около 2.000, остальные вывезены въ глубь Австріи и Венгріи и неизвѣстно какая ихъ постигла участь. Имущество же ихъ разграблено озлобленными австрійскими жандармами и солдатами, мадьярами и нѣмцами. Мы еще не имѣемъ точныхъ свѣдѣній изъ Угорской Руси и Лемковщины, но оттуда доходятъ зловѣщіе слухи, что отступающіе австрійцы вырѣзали цѣлыя деревни, и что удѣлѣвшіе жители скрываются по горамъ и лѣсамъ.

Сколько осталось вдовъ и сиротъ, нынѣ потерявшія все изъ-за вѣрности своихъ отцовъ и мужей, нашей общей Матери Руси!..

И мы не можемъ ихъ оставить безъ своего сердечнаго участія и безъ помощи: въ хлѣбѣ, одеждѣ и топливѣ.

Вообще вся Галичина сильно пострадала, такъ какъ по ней лавиной прошли двѣ миллионныя арміи. Тѣ уѣзды, изъ которыхъ мы быстро и окончательно изгнали врага, сравнительно мало пострадали, но есть цѣлый рядъ другихъ уѣздовъ (Рава русскій, Перемышльскій, Городокскій, Самборскій, Дрогобычскій, Стрыйскій, Долинскій и др.), гдѣ шли многодневные упорные бои (въ Самборскомъ уѣздѣ непрерывный бой длился четыре недѣли) и тамъ разорены совершенно цѣлые округа, деревни сравнены съ землею, хлѣбъ, скотъ все уничтожено и населеніе страшно бѣдствуетъ. А впереди холодная и голодная зима, и неужели добрая и сострадательная

Россія не слышитъ плача матерей и жалобнаго крика дѣтей? Она слышитъ и она отвѣтитъ...

Для помощи населенію, безъ различія народности и вѣры, образованъ Генераль-Губернаторомъ Галичины Главный благотворительный Комитетъ, а также уѣздные Комитеты и посильная помощь уже оказывается, мѣстами деньгами, мѣстами мукой и солью. Эту помощь называлъ уже здѣшній народъ «Царской лаской», но въ великіе дни, переживаемые нынѣ Россіей, всѣ народы ея и всѣ слои общества доказали, что они стоятъ заодно со своимъ Царемъ и мы уповаемъ, что въ дѣлѣ помощи нашимъ несчастнымъ братьямъ у Карпатъ русское общество пожелаетъ также принять живое и широкое участіе.

Пожертвованія просимъ направлять во Львовъ на имя Главнаго благотворительнаго Комитета при Генераль-Губернаторѣ.

Дабы облегчить пересылку мелкихъ денежныхъ суммъ, просимъ Земскія и Городскія Управы принимать пожертвованія и присылать во Львовъ вмѣстѣ со списками жертвователей.

Просимъ всѣ газеты напечатать нѣсколько разъ это обращеніе.

*Главный благотворительный
Комитетъ во Львовѣ.*

Отъ Правленія Общества вспомошествованія нуждающимся воспитанникамъ Харьковской Духовной Семинаріи.

Правленіе Общества вспомошествованія нуждающимся воспитанникамъ Харьковской Духовной Семинаріи доводитъ до свѣдѣнія родителей и опекуновъ воспитанниковъ Семинаріи, что по постановленію Правленія отъ 28 Ноября с. г. выданы пособія слѣдующимъ воспитанникамъ:

6 кл.

Ведринскому Л.—25 р. за содержаніе въ Семинаріи.

Касьянову К.—галоши.

Андронову С.—тоже.

Виноградову Н.—будничн. пара.

Пантелеймонову В.—тоже.

Жадановскому С.—галоши.

Пасько А.—ботинки.

Левитскому Я.—ботинки и галоши.
 Сирятскому В.—галоши.
 Юношеву М.—ботинки.

5 кл.

Васильковскому И.—ботинки.
 Бутковскому Е.—будн. пара.
 Бородаеву Н.—брюки.
 Корнѣенко Г.—15 р. за содержаніе въ Семинаріи.
 Николаевичу Мих.—будничн. пара.

IV кл.

Панкратьеву Г.—ботинки.
 Геновскому А.—шинель.
 Ковалевскому И.—галоши.
 Черняеву Вл.—галоши.
 Чиркину С.—будн. пара.
 Иваницкому К.—будничн. пара.
 Сахарову В.—тоже.

III кл.

Доброницкому К.—ботинки.
 Вышемірскому В.—брюки.
 Дюкову Вл.—будничн. пара, ботинки.
 Лѣсовикову К.—будничн. пара.
 Климентову Феод.—брюки
 Василевскому Виталию—галоши
 Павловскому Мих.—брюки.
 Ходскому Д.—тоже
 Антоновичу А.—галоши.
 Бородаеву А.—будн. пара.
 Любарскому Н.—ботинки.
 Антоньеву Ан.—галоши
 Быковцеву И.—будн. пара.
 Станкову В.—тоже
 Щелкунову А.—блуза.
 Пантелеймонову Ѡ.—будн. пара.
 Паевскому М.—будн. пара.
 Кротову И.—тоже.

II кл.

- Щелоковскому Г.—галоши
 Яблоновскому Л.—будн. пара.
 Подольскому—будн. пара.
 Щепинскому Дм.—тоже
 Спѣсивцеву А.—тоже
 Сильванскому Вл.—будн. пара, ботинки и поясъ.
 Лядскому Вас.—ботинки
 Ястремскому Б.—ботинки
 Бугуцкому А.—25 р. за содержаніе въ Семинаріи.
 Соколовскому Ив.—будн. пара.
 Рудневу Л.—тоже.
 Власовскому Г.—тоже
 Мураховскому И. тоже
 Попову Ал—ндру (пар. кл.)—будн. пара.

I кл.

- Кондратенко Ѳ.—будн. пара. и ботинки.
 Базилевичу Мих.—ботинки
 Яновскому Борису—будн. пара.
 Браиловскому К.—будничн. пара.
 Власовскому Ал-ндру—будн. пара.
 Навродскому И.—будн. пара
 Бородаеву Ал-ндру—5 р. на очви.
 Мирожину Е.—ботинки
 Попову Якову—тоже
 Кириченко Гл.—25 р. на уплату за содержаніе въ Семинаріи.
 Стрижакову В.—галоши.
 Хорошкову Е.—ботинки
 Полтавцеву И.—тоже
 Киктеву, А.—будн. пара
 Даневскому Ал-ндру—галоши
 Жуковскому Ив.—галоши
 Жукову Павлу—ботинки
 Ѳедорову Петру—шинель
 Левитскому Н.—25 р. на уплату за содержаніе въ Семинаріи.

ЕПАРХІАЛЬНЫЯ ИЗВѢЩЕНІЯ.

1) Обь опредѣленіи на священно-церковно-служительскія мѣста.

1) Бывшій священникъ *Іоаннъ Петровъ* 5 декабря опредѣленъ на священническое мѣсто при Архангело-Михайловской церкви с. Осиновой, Старобѣльскаго уѣзда.

2) Окончившій курсъ Волынской Духовной Семинаріи *Александръ Быжковскій* 26 ноября опредѣленъ на священническое мѣсто при церкви с. Городного, Богодуховскаго уѣзда.

3) Бывшій священникъ *Петръ Черняевъ* 26 ноября опредѣленъ на священническое мѣсто при церкви с. Лимана, Изюмскаго уѣзда.

4) Діаконъ церкви с. Каменки, Купянскаго уѣзда, *Іоаннъ Найдовскій*, 3 декабря опредѣленъ на священническое мѣсто въ Воронежской епархіи.

5) Учитель *Теодоръ Камуба* 28 ноября опредѣленъ на псаломщицкое мѣсто при церкви с. Лимана, Изюмскаго уѣзда.

6) Крестьянинъ *Іванъ Пименовъ* 24 ноября опредѣленъ на псаломщицкое мѣсто при Воскресенской церкви с. Ясенового, Лебединскаго уѣзда.

7) Крестьянинъ *Василій Прохоренко* 24 ноября опредѣленъ на псаломщицкое мѣсто при церкви с. Подгоровки, Староб. уѣзда.

8) Крестьянинъ *Іванъ Зеленый* 26 ноября опредѣленъ на псаломщицкое мѣсто при церкви с. Михайловки, Лебединскаго уѣзда.

2) О перемѣщеніи духовенства.

1) Священникъ церкви с. Коломійчихи, Купянскаго уѣзда, *Алексій Дюковъ*, 24 ноября перемѣщенъ къ церкви с. Корбинныхъ Ивановъ, Богодуховскаго уѣзда.

2) Священникъ церкви с. Лимана, Изюмскаго уѣзда, *Александръ Найдовскій*, 26 ноября перемѣщенъ къ церкви с. Коломійчихи, Купянскаго уѣзда.

3) Священникъ церкви с. Корбинныхъ Ивановъ, Богодуховскаго уѣзда, *Леонтій Масловъ*, 26 ноября перемѣщенъ къ церкви с. Колпаково, Старобѣльскаго уѣзда.

4) Діаконъ церкви с. Каменной Яруги, Зміевскаго уѣзда, *Михаилъ Найдовскій*, 8 декабря перемѣщенъ къ церкви с. Каменки, Купянскаго уѣзда.

5) Псаломщикъ церкви с. Михайловки, Лебединскаго уѣзда, *Василій Блоусъ*, 26 ноября перемѣщенъ къ церкви с. Ново-Бѣленькой, Старобѣльскаго уѣзда.

3) О смерти духовенства.

1) Священникъ Успенской церкви с. Марковки, Старобѣльскаго уѣзда, *Владимиръ Чебановъ* 10 ноября умеръ.

4) Объ увольненіи духовенства за штатъ.

1) Псаломщикъ церкви с. Подгоровки, Старобѣльскаго уѣзда, *Александръ Селезневъ*, по прошенію, 24 ноября уволенъ за штатъ.

2) Псаломщикъ церкви с. Лимана, Изюмскаго уѣзда, *Димитрій Бутковскій*, 24 ноября уволенъ отъ мѣста.

3) Псаломщикъ церкви с. Ясенового, Лебединскаго уѣзда, *Александръ Саламотниковъ*, 24 ноября уволенъ отъ мѣста.

4) Псаломщикъ церкви с. Песокъ, Изюмскаго уѣзда, *Михаилъ Голубовъ*, 21 ноября уволенъ отъ мѣста.

5) Псаломщикъ Трехсвятительской церкви, с. Ольшаны, Харьк. уѣзда, *Алексій Крамаревъ*, 1 декабря уволенъ отъ мѣста.

5) Объ утвержденіи въ должности церковныхъ старостъ.

1) Къ церкви с. Даниловки, Изюмскаго уѣзда, старостою 18-го ноября утверждень крест. *Автономъ Шевченко*.

2) Къ церкви с. Чернетчины, Ахтырскаго уѣзда, 18 ноября—крест. *Кассіанъ Касьяненко*.

3) Къ Преображенской церкви с. Марковки, Староб. уѣзда, старостою 19 ноября—крест. *Иванъ Коротунъ*.

4) Къ церкви с. Кантакузово, Валковскаго уѣзда, старостою 25 ноября—дѣйств. ст. сов. *Алексій Яхонтовъ*.

5) Къ церкви с. Верхняго Салтова, Волчанскаго уѣзда, старостою 27 ноября—крест. *Іоакимъ Измайловъ*.

6) Къ церкви с. Гуляй Поле, Зміевскаго уѣзда, старостою 28 ноября—крест. *Филиппъ Гулюсъ*.

7) Къ церкви с. Бугаевки, Изюмскаго уѣзда, старостою 29-го ноября—крест. *Авксентій Турка*.

8) Къ церкви с. Чистоводовки, того-же уѣзда, старостою 29-го ноября—крест. *Андрей Юдинъ*.

9) Къ Николаевской церкви с. Мурафы, Богодуховскаго уѣзда, старостою 30 ноября—крест. *Авксентій Писный*.

10) Къ церкви с. Мартыновки, Лебединскаго уѣзда, старостою 30 ноября—крест. *Аполлоній Галлицкій*.

11) Къ Троицкой церкви с. Мостковъ, Старобѣльскаго уѣзда, старостою 1-го декабря—крест. *Даміанъ Калмыковъ*.

12) Къ церкви с. Лутище, Ахтырскаго уѣзда, старостою 2 декабря—крест. *Иванъ Дубина.*

13) Къ церкви с. Братеницы, Богодуховскаго уѣзда, старостою 4 декабря—крест. *Левъ Китченко.*

6) Ванантныя мѣста.

1) Священническія:

При Успенской церкви с. Марковки, Старобѣльскаго уѣзда.

2) Діаконскія.

При Николаевской ц. с. Каменной Яруги, Зміевскаго уѣзда.

3) Псаломщицкія:

При Вознесенской ц. с. Песокъ, Изюмск. уѣзда.

„ Богородичной ц. с. Владимировки, Купянскаго уѣзда.

„ Трехсвятительской ц. с. Ольшаны, Харьковск. уѣзда.

II.

Содержаніе. Духовенству Харьковской епархіи отъ епархіальной издательской комиссіи.—„Былъ ли Иисусъ Христосъ революціонеромъ“.—Рождество Христово.—Нашему сердитому критику.—**Епархіальная хроника.**—Напутственный молебенъ запаснымъ войнамъ 7 сапернаго баталіона.—Архипастырское служеніе въ Троицкой единовѣрческой церкви г. Харькова.—**Иноепархіальный отдѣлъ.**—„Солдатская копѣйка“.—Предложеніе Могилевскаго Архипастыря духовенству.—Изъ пастырской практики.—**Разныя извѣстія и замѣтки.**—Православная кончина „тодетовца“.—Объявленія.

ДУХОВЕНСТВУ ХАРЬКОВСКОЙ ЕПАРХІИ

отъ епархіальной издательской комиссіи.

Совершающаяся на нашихъ глазахъ кровавая драма обще-европейской войны является однимъ изъ важнѣйшихъ моментовъ духовнаго кризиса, переживаемаго европейскими народами, въ частности русскимъ народомъ, за последнее время и названнаго въ литературѣ „переоцѣнкой всѣхъ цѣнностей“. Этотъ кризисъ переоцѣнки захватилъ собою всѣ слои нашего общества, отъ верхнихъ до нижнихъ, — отъ интеллигента до простолюдина, и выражается въ той духовной алчбѣ и жаднѣ, которая явилась причиной наводненія

книжнаго рынка всякаго рода произведеніями, отъ „богоискательныхъ“ и „богостроительныхъ“ до порнографическихъ включительно. И если привыкшій къ критическому мышленію интеллигентъ имѣетъ полную возможность разобраться въ вихрѣ хаотическаго движенія современной мысли (да и то всегда-ли?), то простолюдинъ поставленъ въ этомъ отношеніи въ крайне-тяжелое положеніе. Съ одной стороны онъ чувствуетъ (если не понимаетъ), что во внутренней и внѣшней жизни общества и народа происходитъ что-то важное и великое по своимъ послѣдствіямъ; съ другой онъ почти лишень возможности разбираться въ всемъ происходящемъ, чтобы точно и рѣшительно опредѣлить линію своего поведенія и жизни. Духовная жажда влечетъ его къ печатному слову, которое и предлагается ему въ неисчерпаемо-громадныхъ размѣрахъ то какъ газета или журналъ, то какъ листокъ, то какъ брошюрка, то какъ прокламація, то какъ книга и т. д. и т. д. Но что даетъ простолюдину современная печать? То она объявляетъ человѣка продуктомъ экономическихъ условій, то производитъ человѣка отъ животнаго, то призываетъ его въ общину „ново-христіанъ“, отклонившихся отъ Православной Церкви въ видѣ-ли „евангеликовъ“, или „адвентистовъ“, или „ново-израильскихъ“ людей, или „іеговистовъ“, или „іоаннитовъ“ и т. д. и т. д. Кому вѣрить? чему слѣдовать? за кѣмъ идти? кому подражать? какъ быть? Каждый „учитель“ устно или письменно называетъ свое ученіе истиннымъ и проповѣдуемую имъ жизнь-спасительной, человѣчески-разумной, оправдываемой такими соблазнительными доводами, какъ „всѣ ученые говорятъ“, „наука доказала“, „Писаніе говоритъ“ и др.

И если когда, то именно теперь пастырь Православной Церкви долженъ быть особенно зоркимъ и бдительнымъ, чтобы не растерять духовныхъ чадъ своихъ, - однихъ предупредить отъ „увлеченія всякимъ вѣтромъ ученія“, другихъ поддержать и укрѣпить въ подлинной Христовой жизни; заблудшихъ обратить на путь истины, слабыхъ и немощныхъ оградить отъ оболыщенія и соблазна. Потерявши свое вліяніе на вѣрующихъ *теперь*, пастырь не возвратитъ его себѣ *никогда*. Да, теперь или никогда!..

Очевидно, сознаніе важности переживаемаго времени присуще пастырямъ Харьковской епархіи, почему, помимо

мѣстныхъ и индивидуальныхъ средствъ, способовъ и мѣропріятій „соблюденія духовныхъ чадъ отъ непріязни“, они на послѣднемъ своемъ епархіальномъ съѣздѣ и постановили, въ помощь себѣ, учредить епархіальную издательскую комиссію, которая бы изданіемъ листовъ, брошюръ и книжекъ для простого народа содѣйствовала проясненію, развитію и укрѣпленію православнаго вѣросознанія народа, ограждая его отъ увлеченія философскимъ и экономическимъ матеріализмомъ, сектантствомъ, расколомъ, порнографіей и т. д.

Но какъ бы ни была совершенна организація комиссіи, какъ учрежденія, какъ-бы ни были преданы религіозно-просвѣтительному дѣлу члены комиссіи, осуществленіе поставленныхъ ей заданій возможно при одномъ условіи: если между комиссіей и епархіальнымъ духовенствомъ будетъ постоянная, тѣсная, живая связь и братски-дружественныя отношенія. Комиссія не должна быть одинока и только теоретически-умозрительна (если можно такъ выразиться) въ своей дѣятельности; иначе, вопреки своему желанію, она можетъ впасть въ благочестивое заблужденіе относительно своей дѣятельности. Комиссія не должна только хотѣть помочь, а должна знать, въ чемъ особенная нужда вѣрующихъ, каковы ихъ запросы, потребности, соблазны, опасности.

Поэтому-то, братья-сопастыри! Вы избрали издательскую комиссію; значить, дѣятельность ея для васъ желательна, полезна и нужна. Не оставляйте-же ее безъ своей поддержки! присылайте свои пастырскіе запросы, недоумѣнія; сообщайте о нуждахъ (духовныхъ, конечно) своей паствы; дайте реально-практическія указанія, необходимыя для плодотворности издательской дѣятельности комиссіи; скажите, чѣмъ болѣетъ душа народа, чего ищетъ, къ чему стремится, отъ чего или кого угрожаетъ опасность. Братья-сопастыри! Кто можетъ, присылайте свои статьи для печатнаго распространенія ихъ въ народѣ. Привлекайте къ этому святому дѣлу извѣстныхъ вамъ на мѣстахъ ревнителей религіозно-нравственнаго просвѣщенія народа въ духѣ Православной Церкви и изъ мірянъ. При условіи сочувствія и единенія, только при этомъ условіи, епархіальная издательская комиссія можетъ оправдать довѣріе избравшаго ее духовенства.

ховенства и осуществлять свою задачу съ пользой для св. Православной Церкви.

Р. С. Всякую корреспонденцію нужно направлять на имя о. Ректора Харьковской Духовной Семинаріи, Протоіерея А. М. Юшкова (г. Харьковъ. Зданіе Духовной Семинаріи).

„Былъ-ли Іисусъ Христосъ революціонеромъ“.

На такую тему Высокопреосвященнымъ Антоніемъ была прочитана 24 ноября въ зданіи Семинаріи лекція для воспитанниковъ ¹⁾).

Въ русскомъ обществѣ и литературѣ (какъ и въ заграничной) неоднократно наблюдались попытки представить Іисуса Христа социалистомъ и связать Его имя съ революціей.

Такъ, сравнительно еще недавно, довольно популярный публицистъ Гр. Петровъ (бывшій священникъ) писалъ: „Христосъ былъ демократъ: черносотенцы учинили надъ Нимъ полевой судъ, приговорили къ повѣшенію и повѣсили“.

Ранѣе въ 60—70 г., подъ вліяніемъ пропаганды Герценовскаго „Колокола“ въ обществѣ былъ весьма распространеннымъ взглядъ на Христа, какъ на „революціонера-соціалиста“ ²⁾).

Въ заграничной литературѣ тѣ-же тенденціи наблюдаемъ, напр., у Ренана.

Показать неправильность подобныхъ представленій и, попутно, опредѣлить наиболѣе пріемлемое, съ точки зрѣнія Евангелія, политическое воззрѣніе и составляло, по заявленію лектора, задачу его чтенія.

Поставленный въ темѣ вопросъ лекторъ разрѣщаетъ путемъ подробнаго анализа, съ одной стороны, исторіи и политическихъ настроеній еврейскаго народа, съ другой—жизни и ученія Іисуса Христа:

¹⁾ Въ этотъ день воспитанники Семинаріи были освобождены отъ занятій въ ознаменованіе состоявшагося наканунѣ посѣщенія г. Харькова Государемъ Императоромъ.

²⁾ Достоевскій вкладываетъ эти рѣчи въ уста одного изъ своихъ героев—Коли Красоткина.

Самый бѣглый взглядъ на исторію еврейскаго народа приводитъ, по заявленію лектора, къ признанію, что еврейскій народъ былъ „искони“ революціонеръ; исторія его—рядъ сплошныхъ возстаній противъ законной власти.—Мятежъ противъ Моисея и Аарона, возстаніе Авссалома, мятежи при Давидѣ (Савей), при Ровоамѣ (отторженіе 10 колѣнъ и образованіе Израильскаго царства).

Послѣ порабоженія еврейскаго народа Навуходносоромъ эта жажда „политической свободы“ возгорается съ новой и еще большей силой, несмотря на увѣщанія и противодѣйствія почитаемаго всѣми пр. Іереміи (гл. 26—38).

Для ниспроверженія власти Навуходносора евреи вступаютъ въ тайныя сношенія съ Египтомъ, позднѣе поднимаютъ бунтъ противъ Годоліи (послѣ 2 и 3 разоренія), за что подвергаются почти поголовному избіенію.

При греческомъ и римскомъ господствѣ наблюдаемъ тѣ-же явленія.

Геройское возстаніе при Маккавеяхъ (противъ грековъ), мятежъ Іуды Галилеянина и Ѳевды, о которыхъ говорятъ Дѣянія Апост. (5, 36—37), возстаніе въ 30 г. по Вознесеніи Господа, въ 135 г., словомъ до тѣхъ поръ пока еврейство, какъ народъ, не прекратило своего существованія.

„Возможно-ли послѣ этого допустить, чтобы Іисусъ Христосъ погибъ отъ еврейскаго народа, если-бы раздѣлялъ, одушевлявшія этотъ народъ мысли о свободѣ и революціи“, Христосъ, былъ-бы, по заявленію лектора, первымъ другомъ еврейскаго народа, народнымъ героемъ.

Подъ вліяніемъ этой жажды политическаго господства складывалось и все народное міросозерцаніе; политическія идеи управляли жизнью евреевъ. Подъ этимъ же угломъ зрѣнія истолковывались ими и всѣ пророческія рѣчи о градушемъ.

Пророчества объ установленіи „царства Божія“ на землѣ, о разрушеніи другихъ царствъ, евреи не хотѣли иначе понимать какъ въ томъ смыслѣ, что они должны, будутъ, покорить всѣ другія царства, установить вмѣсто нихъ еврейское и вездѣ водворить правду и судъ.

Грядущій Мессія имъ рисовался, какъ вождь еврейскаго народа, завоеватель, гворащій послѣ блестящихъ побѣдъ судъ надъ покоренными.

При жизни Господа главными выразителями и вдохновителями этого общенароднаго настроенія были книжники и фарисеи, что Онъ подтверждаетъ въ рѣчи своей по поводу смерти Іоанна Крестителя ¹⁾).

Переходя къ анализу ученія Іисуса Христа, лекторъ дѣлаетъ предварительное общее замѣчаніе, что во всѣхъ рѣчахъ Господа замѣчается постоянное стремленіе вытѣснить изъ народнаго сознанія это превратное представленіе о Мессіи и его царствѣ, какъ внѣшнемъ земномъ, стремленіе, отразившееся и на самой формѣ ихъ.—Христосъ облакаетъ свое ученіе въ такіе именно термины („царство Божіе“, „царство святыхъ“), которыми прикрывалась и политическая пропаганда. Приводитъ преимущественно тѣ пророчества, въ которыхъ подчеркивается нравственный характеръ грядущаго царства (прор. Даніила). Съ этой цѣлью усвояетъ себѣ наименованіе „сына человѣческаго“, особенно когда говоритъ о своей славѣ.

Отсюда, замѣчаетъ лекторъ, для правильнаго пониманія рѣчей Спасителя, для раскрытія въ нихъ послѣдовательности и связи, что часто является „камнемъ преткновенія“ для толкователей, необходимо имѣть въ сознаніи тѣ вопросы и мысли, которые были „на умѣ“ у собесѣдниковъ Христа, вопросы, недоговариваемые или не попавшіе въ Евангеліе.

Свое вниманіе лекторъ остановилъ (преимущественно) на тѣхъ мѣстахъ и событіяхъ евангельскаго повѣствованія, которыя наиболѣе характерны въ означенномъ отношеніи. Таковыми являются: бесѣда Христа съ Никодимомъ, чудесное насыщеніе 5000 чел. пятью хлѣбами, воскрешеніе Лазаря, судъ надъ Господомъ.

Однажды, ночью, пришелъ ко Христу Никодимъ, книжникъ и начальникъ (слѣдов. изъ лагеря политическихъ вождей) и говоритъ: „Равви, мы знаемъ, что Ты учитель, пришедшій отъ Бога, ибо такихъ чудесъ, какія Ты творишь, никто не можетъ творить, если не будетъ съ нимъ Богъ“, а Господь отвѣчаетъ ему: „истинно, истинно говорю тебѣ,

¹⁾ Предтеча палъ жертвой интригъ со стороны книжниковъ, за то, что рѣчами своими о чисто личной добродѣтели (Лук. 3, 11) обличалъ ихъ и отвлекалъ вниманіе народа отъ политическихъ интересовъ (Мѡ. 17, 10—18).

если кто не родится свыше, не можетъ увидѣть царствія Божія“.

Повидимому въ словахъ Спасителя отвѣта на вопросъ Никодима не имѣется; по крайней мѣрѣ связь между вопросомъ и отвѣтомъ неясна. Но если мы примемъ во вниманіи истинный смыслъ (внутренній), скрывавшійся за словами вопрошающаго, то она выступитъ съ очевидностью.

Никодимъ призналъ (причемъ говорить: „мы“—указаніе на партію) Христа Мессіей, а съ представленіемъ Мессіи у него, какъ и у всѣхъ іудеевъ, связывалось представленіе о царѣ-избавителѣ отъ иноземнаго ига. „Ты Мессія“, говоритъ Никодимъ, „но что же ты ничего не предпринимаешь для освобожденія народа, для образованія своего собственнаго царства“. Вотъ на этотъ-то скрытый вопросъ Христосъ и отвѣчаетъ. Для вступленія въ мое царство нужно „новое рожденіе“ („свыше“)—истинно, истинно и т. д. Никодимъ замѣчаетъ: развѣ можетъ человѣкъ вновь родиться, вторично войти въ утробу матери.

Наивно было-бы думать, какъ обычно толкуютъ, что Никодимъ (ученый—книжникъ) не понялъ Христа. Нѣтъ, онъ понялъ, но считаетъ совершенной утопіей намѣреніе Христа переродить, перевоспитать весь народъ, для вступленія въ царство Мессіи. Одному человѣку трудно переродиться, а цѣлому народу такъ-же невозможно, какъ вновь войти въ утробу матери.

Разъясняя недоумѣніе Никодима, Христосъ говоритъ, что вѣдь мы знаемъ о чемъ говоримъ—„плоть есть плоть, духъ—духъ,—что невозможно для первой, возможно для послѣдняго; тѣмъ болѣе, что я сошелъ съ неба, принесъ новыя силы, говорю по высшему вѣдѣнію.—„Духъ, какъ вѣтеръ, дуетъ, гдѣ хочетъ, и голосъ его слышишь, а не знаешь откуда приходитъ и куда уходитъ, такъ бываетъ со всякимъ рожденнымъ отъ Духа“.

Удивляясь, какъ это Никодимъ—учитель Израиля не хочетъ этого понять, Христосъ, далѣе, напоминаетъ ему рядъ пророчествъ, говорящихъ о томъ же нравственномъ характерѣ грядущаго царства.

Въ дальнѣйшемъ теченіи бесѣды Христосъ вдругъ заговариваетъ о судѣ, повидимому, тоже безъ определенной связи съ предыдущимъ. Но внутренній смыслъ опять ясенъ.

По представленію тогдашнихъ (и современныхъ) іудеевъ Мессія долженъ произвести судъ надъ людьми и примирить противорѣчія земной жизни. „Гдѣ-же этотъ судъ“, вопрошаетъ Никодимъ? Христосъ отвѣчаетъ: „не послалъ Богъ Сына, чтобы судить міръ, но чтобы міръ спасенъ былъ чрезъ Него“, и, продолжая, указываетъ, что и судъ самый наступилъ, но только не такой, какого ожидаете вы, а нравственный. „Вѣрующій въ Него не судится, а не вѣрующій осужденъ“... и т. д.

Еще рельефнѣй выясняется отношеніе Христа къ іудейскимъ политическимъ идеямъ въ событіи чудеснаго насыщенія 5000 ч. пятью хлѣбами.

Нужно отмѣтить, что чудо это (правильное и подробное освѣщеніе котораго находимъ у ев. Іоанна) произвело на іудеевъ исключительное впечатлѣніе, хотя Христосъ совершалъ болѣе поразительныя чудеса (воскрешеніе сына вдовы Наинской, исцѣленіе бѣсноватыхъ). Почему? Разгадка опять таки въ политическихъ мотивахъ.

На войнѣ самое трудное, но и самое главное, прокормить армію, безъ правильнаго питанія самая стойкая армія превращается въ ничто. При народномъ же возстаніи эта сторона дѣла имѣетъ особую остроту, такъ какъ невозможно открыто производить заготовку продовольствія.

И вотъ является Учитель, Который пятью хлѣбами можетъ напитать тысячи; съ такимъ вождемъ не страшны никакіе враги. Окрыленные открывавшимися заманчивыми перспективами, іудеи рѣшили, послѣ этого чуда, силой взять Христа и сдѣлать царемъ. Христосъ спасся отъ преслѣдованій народа чудеснымъ хожденіемъ по водамъ. Позднѣе (въ Капернаумѣ) Онъ произноситъ обличительную рѣчь. „Вы ищете меня потому, что ѣли хлѣбъ¹⁾... старайтесь не о пищу тлѣнную, но о пищу пребывающей въ жизнь вѣчную, которую дастъ вамъ Сынъ человѣческой... и пища эта—„Его плоть и кровь“.

Іудеи съ очевидностью изъ этого убѣдились, что имъ нечего ожидать отъ Христа сочувствія своимъ политиче-

¹⁾ Нельзя думать, что это была какая-то голодная толпа: вѣдь они только что въ продолженіе почти сутокъ съ упоеніемъ слушали учителя; здѣсь были „іудеи“; „іерусалимляне“—цвѣтъ націи, особенно жаждавшіе освобожденія.

скимъ чаяніямъ и съ этихъ поръ нѣкоторые „искали убить Его“ (Іоан. 7, 1).

Тотъ-же нравственный характеръ своего дѣла и царства раскрываетъ Господь и въ дальнѣйшихъ рѣчахъ объ „рѣкахъ воды живой изъ чрева вѣрующаго“, объ „истинѣ“, дѣлающей послѣдователей Его „истинно свободными“ (Іоан. 7, 38; 8, 31—32).

Чѣмъ больше выясняется этотъ характеръ, тѣмъ сильнѣй становится злоба извѣстной части народа ко Христу и достигаетъ своего апогея послѣ чудеснаго воскрешенія Лазаря.

Въ умахъ слушателей послѣ этого чуда произошелъ страшный переворотъ и вмѣстѣ съ тѣмъ намѣтился рѣшительный переломъ въ отношеніяхъ ко Христу.

Съ одной стороны, многіе увѣровали въ Него, увидѣли всю пустоту земныхъ человѣческихъ замысловъ; мысль ихъ вслѣдъ за Учителемъ, отвергающимъ гробы и повелѣвающимъ смертію, переносится къ противоположному идеалу, идеалу жизни духовной, вѣчной.

Съ другой стороны, многіе съ фарисеями и книжниками во главѣ, увидѣвшіе крушеніе своихъ политическихъ идеаловъ (если народъ пойдетъ за Христомъ, въ область духовной жизни, то никакой революціи быть не можетъ), грядущее поработеніе римской культурой („придутъ римляне, овладѣютъ мѣстомъ нашимъ“), принимаютъ радикальныя мѣры: „съ этого дня положили убить... Его (Іоан. 11, 53)“, „лучше намъ, чтобы одинъ человѣкъ умеръ за людей, нежели весь народъ погибъ“... т. е. вынесли Христу смертный приговоръ.

Торжественный входъ Господа въ Іерусалимъ и принятіе Имъ посольства отъ язычниковъ („эллинговъ“) только укрѣпили принятое партіей рѣшеніе и заставили спѣшить съ его осуществленіемъ.

Первое показало грандіозность размѣровъ народнаго движенія въ пользу Христа; второе разрушило еще одну политическую иллюзію—царство Мессіи не должно быть мірскимъ, а духовнымъ. Сюда присоединилось еще то обстоятельство, что Христосъ пожелалъ видѣть язычника—эллина, и вотъ Господь послѣ этого (принятія посольства) призна-

силь рѣчь о своей смерти, и связываетъ свою кончину съ еврейскимъ націонализмомъ.

По постановленію синедріона Христосъ былъ взятъ, взятъ тайно, такъ какъ симпатіи народа были на Его сторонѣ, и надъ Нимъ начинается судъ.

Въ исторіи суда надъ Господомъ лекторъ сосредоточилъ свое вниманіе на роли народа въ процессѣ и его настроеніи.

Откуда, прежде всего, появилась огромная толпа народа у дворца Пилата, вѣдь Христосъ былъ взятъ и судимъ безъ участія народа, и какъ объяснить первоначальное благожелательное отношеніе ея ко Христу (вначалѣ требуютъ смерти для Христа лишь первосвященники и кучка пришедшихъ съ ними) и рѣзкое измѣненіе его.

Разгадку этому обстоятельству лекторъ находитъ въ евангеліи Марка.

По евангелисту Марку, ходъ дѣла рисуется такъ: когда фарисеи съ обвиняемымъ Христомъ пришли къ Пилату, то тамъ уже стояла огромная толпа народа, пришедшая по своему дѣлу и ничего не имѣвшая противъ Христа. Согласно обычаю, Пилатъ долженъ былъ отпустить (къ празднику) кого-либо изъ узниковъ. Въ это время подъ стражей содержался Варавва и толпа пришла просить его освобожденія. Почему? Да потому, что Варавва не былъ, какъ обычно думаютъ, простой разбойникъ, а одинъ изъ предводителей народнаго движенія, совершившій во время мятежа убійство. Ев. Маркъ прямо говоритъ: „нѣкто, по имени Варавва, со своими сообщниками, которые во время мятежа сдѣлали убійство“ (Мр. 15, 7.) Такъ-же объясняетъ и Лука: „за произведенные въ городѣ возмущеніе и убійство (Лук. 23, 19).

Выступленіе Пилата съ предложеніемъ отпустить Христа тоже даетъ основаніе думать, что разговоръ съ народомъ объ освобожденіи узниковъ былъ еще раньше.

Не имѣя ничего противъ Христа, народъ проситъ освободить Варавву потому, вѣроятно, что былъ увѣренъ въ безопасности Христа, такъ какъ противъ Него собственно не было достаточныхъ для обвиненія уликъ.—Во время препирательства книжниковъ съ Пилатомъ, разговора съ Христомъ, формальнаго суда надъ Христомъ, послѣ отказа Пилата вынести приговоръ по одному лишь заявленію перво-

священниковъ, отношеніе народа ко Христу остается прежнимъ.

Переломъ въ настроеніи (почти моментальный) начался лишь тогда, когда Пилать вывелъ Христа въ поруганномъ видѣ и сказалъ: се человекъ! Это возмутило народъ, но онъ еще колебался между жалостію и негодованіемъ, а первосвященники и слуги ихъ поспѣшили подчеркнуть послѣднее и закричали: распни Его. Но когда Пилать чрезъ нѣсколько минутъ вторично вывелъ Христа въ одеждѣ поруганія и сказалъ: „вотъ царь вашъ“, то этимъ заявленіемъ погубилъ Христа въ глазахъ и всего народа (хотя, быть можетъ, и противъ своего собственнаго желанія).

Народъ понялъ, что въ лицѣ поруганнаго, избитаго, оплеваннаго Христа выставляется на позоръ самая дорогая для него мечта о національномъ царѣ; понялъ и пришелъ въ бѣшенство. Гнѣвъ его обрушивается не на Пилата, защищеннаго римскими когортами, а, т. ск., по линіи наименьшаго сопротивленія—на Христа. Какъ Онъ—чудотворецъ, предъ Которымъ въ страхѣ падали римскіе воины, Который повелѣвалъ всей природой и самой смертію, осмѣлился допустить такое поруганіе народной идеи—„Распни, распни Его“!

Что именно въ этихъ мотивахъ нужно искать причину быстрой смѣны народнаго настроенія и страшной злобы ко Христу, подтверждаетъ и дальнѣйшее.

Фарисеи усиленно просятъ Пилата не помѣщать надписи на крестѣ, что это „царь Іудейскій“ (Іоан. 19, 21).

Толпа издѣвающихся кричитъ: „Царь Израилевъ, пусть сойдетъ съ креста... другихъ спасалъ, Себя не можетъ спасти“.

Такимъ образомъ, Христосъ не былъ революціонеромъ, а самъ палъ жертвой іудейской революціи, заключилъ лекторъ¹⁾.

Отъ революціи іудейской лекторъ перешелъ къ современной.

Если Христосъ отрицательно относился къ революціи іудейской, въ которой все-таки можно находить хорошія

1) Этимъ не исключается, по заявленію лектора, наличие и другихъ земныхъ причинъ смерти Господа, какъ-то: корыстолюбіе Іуды, недовольство старцевъ за нарушеніе преданій, малодушіе Пилата...

стороны—народъ боролся за свою національную свободу, отводилъ въ будущемъ царствѣ почетное мѣсто религіи и нравственности,—то съ какимъ-же осужденіемъ Онъ долженъ отнестись къ современной, напр. революціи 1905 г. съ ея бунтовщическими тенденціями, или всемірной соціалъ-демократической, рѣшительно изгоняющей изъ своей программъ религію (соціализмъ предоставляетъ „небо воробьямъ“), а нравственность обусловливающей лишь экономическими факторами!

Итакъ, Христосъ не революціонеръ, а жертва революціонеровъ, и въ Евангеліи нельзя найти оправданія для подобнаго настроенія. Какъ-же оно относится къ противоположному—патріотическому? дружить-ли это послѣднее съ ученіемъ Христа?

Лекторъ даетъ на этотъ вопросъ утвердительный отвѣтъ.

Въ Евангеліи вездѣ видно, что Христосъ любилъ Свой народъ, несмотря на доставляемыя Ему послѣднимъ огорченія; искренно скорбѣлъ объ его заблужденіяхъ. Любилъ храмъ Іерусалимскій и самый Іерусалимъ, какъ центръ еврейской культуры, печалился объ той участи, которая его ожидаетъ.

„Іерусалиме, Іерусалиме... сколько разъ я хотѣлъ собрать дѣтей твоихъ, какъ птица собираетъ птенцовъ своихъ подъ крылья! (Мѡ. 23, 37. ср. Лук. 19, 41—45).

Указывая главное въ совершенствованіи души, въ спасеніи и т. п., Христосъ собственнымъ примѣромъ свидѣтельствуешь, что любовь къ своему народу, городамъ, селамъ храмамъ, нивамъ не противорѣчитъ Евангелію.

Благодаря оригинальности темы, новизнѣ освѣщенія евангельскаго текста и событій, лекція слушалась съ необыкновеннымъ интересомъ и вниманіемъ и вызвала горячую благодарность лектору со стороны всей аудиторіи.

Лекція закончилась пѣніемъ народнаго гимна.

Рождество Христово.

Древле Богъ, открывшій послѣ грѣхопаденія первыхъ людей, что змѣй—соблазнитель, діаволъ, будетъ пораженъ сѣменемъ жены (Быт. 3, 15), говорилъ Аврааму: „Благо-

словаются въ сѣмени твоёмъ всѣ народы земли“ (Быт. 22, 18; 26, 4; 12, 3; 18, 18; Псал. 71, 17; Дѣян. 3, 25; Гал. 3, 8). Сѣмя — поясняетъ ап. Павелъ—есть Христосъ (Гал. 3, 16). Исааку и Иакову Богъ повторилъ обѣщаніе Свое о благословеніи въ сѣмени ихъ всѣхъ народовъ (Быт. 26, 3, 4; 28, 14). Получивши такое обѣтованіе отъ Бога, Авраамъ, Исаакъ и Иаковъ имѣли самую живую вѣру въ исполненіе его, и при жизни своей духовнымъ взоромъ устремлялись ко граду, въ основаніе которому будетъ положенъ Христосъ (Исаи 22, 16; Рим. 9, 33; 10, 11; Псал. 117, 22, 23; Мѣ. 21, 42; Тет. 2, 5, 7; Еф. 2, 20, 21,) художникомъ и строителемъ котораго будетъ Богъ (Евр. 11, 9, 10). Такова была сила этой вѣры, такова была увѣренность въ исполненіи ожидаемаго (Евр. 11, 1), что Авраамъ, напр., не сомнѣвался въ рожденіи по силѣ Бога Спасителя, даже готовясь принести въ жертву своего единственнаго сына Исаака (Быт. 22 гл.), отъ котораго должно было произойти все его потомство (Быт. 21, 12; Рим. 9, 7), отъ котораго по плоти долженъ былъ произойти Христосъ (Евр. 11, 17—19). Что и Исаакъ вѣрилъ въ исполненіе обѣтованія Божія о Христѣ, видно изъ того, что, благословляя своихъ сыновей Иакова и Исава (Быт. 27, 28, 29, 39, 40), онъ говорилъ Иакову: „проклинаящіе тебя—прокляты, благословляющіе тебя—благословенны“ (Быт. 27, 29; Евр. 11, 20). Иаковъ же предъ смертію молитвенно желалъ, чтобы дѣти его сына Иосифа, Ефремъ и Манасія, причислены были къ обѣтованному потомству (Быт. 48, 16),—конечно, ради происхожденія отъ потомства отцевъ—Авраама и Исаака—Христа (Евр. 11, 21).

Помня великія обѣтованія Божіи отцамъ, лучшіе изъ евреевъ были полны вѣры въ грядущаго Спасителя. Такъ Иосифъ, по вѣрѣ, что въ обѣтованной землѣ явится Христосъ, заклиалъ евреевъ, — когда они переселятся изъ Египта въ эту землю, вынести изъ Египта и похоронить на ней его кости (Быт. 50, 24, 25; Исх. 13, 19; Ис. Нав. 24, 32; Евр. 11, 22). Такъ родители Моисея, когда царь египетскій приказалъ умерщвлять всѣхъ новорожденныхъ мальчиковъ еврейскихъ (Исх. 1, 15—22), три мѣсяца скрывали отъ убійцъ родившагося Моисея (Исх. 2, 2; Дѣян. 7, 20), чтобы сохранить его въ потомствѣ для участія въ полученіи обѣщаній Божіихъ отцамъ. По вѣрѣ родителей Богъ чудесно сохра-

нилъ жизнь Моисея, и онъ былъ вмѣсто сына у дочери фараона (Исх. 2, 10; Евр. 11. 23). И вотъ Моисей, когда пришелъ въ возрастъ, взирая на чрезвычайныя обстоятельства своего спасенія и своей судьбы, не захотѣлъ называться сыномъ дочери фараона, но предпочелъ принадлежать къ народу еврейскому и страдать вмѣстѣ съ нимъ ради имѣющаго явиться Христа. Онъ удалился изъ Египта (Исх. 10, 29), чтобы затѣмъ, по волѣ Божіей, быть избавителемъ своего народа (Дѣян. 7, 25) и вывѣсти его изъ Египта—въ землю обѣтованную (Евр. 11, 24—27). Вотъ еще, для примѣра, нѣсколько лицъ изъ временъ ветхозавѣтныхъ, о которыхъ, на основаніи свидѣтельства ап. Павла (въ посл. къ Евр. 11 гл., 32—39 ст.), можно думать, что они были воодушевляемы вѣрою въ грядущаго Христа: судія Гедеонъ, избавившій евреевъ отъ власти язычниковъ мадіанитянъ (Суд. 7, 15); Варакъ, побѣдившій хананеевъ (Суд. 4 гл.); Сампсонъ, боровшійся съ филистимлянами (Суд. 13, 24, 25; 14 и 15 гл.); Іеѳай, побѣдившій аммонитянъ (Суд. 11, 5—32); царь Давидъ (1 Цар. 17—45), много скрывавшійся въ горахъ и пещерахъ (1 Цар. 22, 1); пророкъ Самуилъ и другіе, славные своими дѣлами; Даніилъ, заградившій уста львовъ (Дан. 6, 22); Ананія, Азарія и Мисаилъ, угасившіе силу огня (Дан. 3, 25); пророкъ Ілія, избѣжавшій убіенія, по приказанію нечестивой царицы Іезавели, мечемъ (3 Цар. 19, 2, 3; ср. 3 Цар. 18, 40), скитавшійся въ милоти (3 Цар. 1, 8; 17, 3) и претерпѣвшій недостатки, скорбь и озлобленіе; царь Езекиа, выздоровѣвшій отъ смертельной болѣзни (Исаи 38, 1, 9); Іонаѳанъ, сынъ царя Саула, бывшій крѣпкимъ на войнѣ и прогонявшій полки враговъ (1 Цар. 14, 6, 14—16); вдова Сарептская (3 Цар. 17, 23) и женщина Сонамитянка (4 Цар. 4, 20, 35, 36), получившія умершихъ сыновей воскресшими, первая—по молитвѣ пр. Іліи, а вторая—по молитвѣ пр. Елисея; учитель Елеазаръ и мать съ семью сыновьями при Антиохѣ Епифанѣ (2 Мак. 6, 18—31 и 7 гл.) и многіе другіе, замученные на смерть; пр. Іеремія, претерпѣвшій побои, поруганія и заключеніе (Іер. 20, 2); Навузей, побитый камнями (3 Цар. 21, 12; 2 Пар. 24, 21); пр. Исаія, по преданію перепиленный; пр. Урія, умерщвленный мечемъ (Іер. 26, 23)... Но повѣствовать о всѣхъ тѣхъ, которые ожидали пришествія Христа, но не видѣли исполненія обѣтованій Божіихъ,

не достанетъ времени. Между ожидавшими и желавшими этого пришествія были лица изъ всѣхъ народовъ (Агг. 2, 7. Рус. пер.).

Итакъ, многіе праведники, пророки и цари желали бы видѣть то, что мы видѣли, и слышать то, что мы слышали, —исполненіе обѣтованій о Христѣ,—но не увидѣли этого исполненія и не слышали о немъ (Мѡ. 13, 17; Лук. 10, 24). О насъ же Богъ предусмотрѣлъ нѣчто лучшее (Евр. 11, 40), —и блаженны очи наши, что видятъ, и уши наши, что слышатъ (Мѡ. 13, 16; Лук. 10, 23); пришелъ Примиритель и Ему покорность народовъ (Быт. 49, 10. Рус. пер.). Воспомнулъ Господь милость, какъ говорилъ отцамъ нашимъ (Лук. 1, 54)! Самъ, живущій на небесахъ (Псал. 122, 1; Мѡ. 6, 9; 23, 9; Лук. 11, 2) и сѣдящій на херувимахъ (1 Цар. 4, 4; 2 Цар. 6, 2; 4 Цар. 19, 15; 1 Парал. 13, 6; Псал. 79, 2; Исаи 37, 16), явился во плоти на землѣ (1 Тим. 3, 16; Вар. 3, 38), „принялъ образъ раба, сдѣлавшись подобнымъ человѣкамъ и по виду ставъ какъ человѣкъ“ (Филип. 2, 7).

Сынъ Божій Единородный родился намъ отъ Жены (Исаи 9, 6; Гал. 4, 4),—и мы обогатились величайшею славою обитанія въ человѣческомъ Тѣлѣ Христа всей полноты Божества (Кол. 2, 9), во Христѣ стали своими Богу (Еф. 2, 19), устроившему на землѣ престоломъ Своимъ Дѣву—Матерь чистую; (Исаи 7, 14; Лук. 1, 34; Іезек. 44, 2), небомъ —вертепъ и вмѣстилищемъ Себѣ—ясли.

Исполнилось то, что „сказалъ Богъ: вселюсь въ нихъ и буду ходить“ (2 Кор. 6, 16; Лев. 26, 12),—и во Христѣ вѣрные будутъ приступать къ Судіи всѣхъ Богу и къ небесному Іерусалиму. (Еф. 12, 22, 23) во всѣ времена, „во всѣ дни до скончанія вѣка“ имѣя пребывающаго съ ними Христа (Мѡ. 28, 20); не какъ пришельцы, но какъ сограждане, Святымъ (Еф. 2, 19)—Ангеламъ и духамъ праведниковъ, достигшихъ совершенства. Такъ дарованіемъ намъ Сына Божія, (Исаи 9, 6), въ рожденіи Его отъ Дѣвы, Маріи, было положено начало соединенія всего небеснаго и земнаго подъ главою Христомъ (Еф. 1, 10). И приобщеніе человѣческаго естества къ славѣ во Христѣ принято было небожителями съ чрезвычайной радостію и благодареніемъ Богу: соединенные съ плотью, они радовались ихъ славѣ (1 Кор. 12, 26). Божественно—необъятная и прекрасная все-

покрывающая любовь Божія, явленная міру въ пришествіи Бога во плоти къ погибающимъ въ удаленіи отъ Источника жизни людямъ, съ благоговѣйнымъ трепетомъ и пламеннымъ восторгомъ была прославлена на небесахъ. Объ этомъ въ ночь Рождества Христова возвѣстили на землѣ Ангелы въ словахъ: „Слава въ вышнихъ Богу“.

О, эта великая ночь, озаренная чуднымъ немеркнущимъ сіяніемъ благоволенія Божія къ людямъ!—Обнищавшій ради людей Сынъ Божій съ Собою принесъ на землю „обиліе мира“ (Псал. 71, 7). Принимающіе этотъ миръ, во Христѣ примиренные съ Богомъ (Рим. 5, 1) и получившіе доступъ къ Отцу (Еф. 2, 16, 17), въ Богѣ, Который не есть Богъ неурядицы, но любви и мира (1 Кор. 14, 38; 2 Кор. 13, 11), имѣютъ миръ всегда и во всемъ (2 Тим. 3, 17). И какъ нашедшій драгоцѣнную жемчужину купецъ продаетъ все, что имѣлъ, и покупаетъ ее (Мат. 13, 45-46), такъ и нашедшіе миръ во Христѣ не даютъ уже никакой цѣны всякимъ случайностямъ, постигающимъ ихъ въ земной жизни, и не привязываются сердцемъ къ земнымъ суетнымъ благамъ,— не любятъ міра, ни того что въ мірѣ (1 Иоан. 2, 15). Привязанность къ міру причиняетъ людямъ безпокойство и скорби, потому что „міръ проходитъ, и похоть его“ (1 Иоан. 2, 17), и счастье земное подвергается всякимъ превратностямъ; миръ же Божій, превышающій всякій умъ, соблюдая сердца и помышленія имѣющихъ его во Христѣ Іисусѣ (Филип. 4, 7), дѣлаетъ ихъ безстрашными предъ лицомъ всякой скорби и свободными отъ всякаго земного смущенія и страха (Іоан. 15, 27; 16, 33). Для того, чей духъ позналъ святую сладость совершеннаго и ничѣмъ невозмутимаго успокоенія въ Богѣ, дающаго ощущеніе невыразимаго небснаго блаженства (Лук. 17, 21; Рим. 14, 17; 2 Кор. 12, 4), самое цѣннѣе въ земной жизни—обладаніе миромъ Христовымъ и самое главное-бережное и самоотверженное его охраненіе. Распятъ плоть свою со страстями и похотями; отвергнуться себя, быть кроткимъ и смиреннымъ сердцемъ среди злыхъ и гордыхъ людей, не противиться злему,—все это и такое, ради возжелѣннѣйшаго всякихъ иныхъ переживаній и состояній міра Христова, является бременемъ истиннѣ легкимъ и благимъ. Жестокія бури напастей на морѣ земной жизни—безсильны лишить свѣтлаго душевнаго

покоя нашедшихъ миръ во Христѣ; самая смерть для нихъ приобрѣтеніе (Фил. 1, 21). Таковъ „на землѣ миръ“—Божественный даръ людямъ, принесенный съ небесъ родившимся Христомъ, уже на землѣ обильно вознаграждающій христіанъ за подвижъ несенія ига Христова, за вражду къ грѣховнымъ земнымъ радостямъ ради любви къ Богу и соблюденія собственной чистоты и за самоотверженную любовь къ людямъ.

„Что Тебѣ принесемъ, Христе, яко явился на земли яко человекъ насъ ради“ (изъ стих. на Госп. воз. праз. Р. X.)?—„Хвалу недостойными устами ангельски Тому принесемъ“ (изъ стих. на литіи праз. Р. X.). Красно трезвонять колокола, горять храмы огнями свѣтильниковъ и торжественно справляются службы Божіи, когда христіанами совершается празднованіе въ честь Рождества Христова... Христосъ родился отъ Дѣвы! Показалъ Божіе „въ человекѣхъ благоволеніе“, по которому Самъ сошелъ къ намъ и принесъ на землю миръ Божій! Славою и честью обитанія Божества въ человѣческомъ тѣлѣ вѣнчалъ насъ и соединилъ съ вышними, чтобы и намъ съ ними ангельски славить Его! Устремимся же встрѣтить и принять Его, спешаго съ небесъ, въ свои души, съ ангельскою въ недостойныхъ устахъ нашихъ Ему хвалою.

Священникъ Василій Григоревичъ.

НАШЕМУ СЕРДИТОМУ КРИТИКУ.

Только на дняхъ мнѣ удалось прочесть въ № 32 ж. „Законоучитель“ отъ 1—15 августа сего года отзывъ о моемъ учебникѣ—„Курсъ пр.-хр. вѣроученія“ для VII кл. гимназій—священника Іоанна Филевскаго и я считаю своимъ долгомъ, хотя не совсемъ приятнымъ, отвѣчать на него.

Въ началѣ своего отзыва, занимающаго три столбца убористаго шрифта, критикъ указываетъ поводъ, побудившій его давать печатный отзывъ о моей книгѣ. Вотъ что послужило этимъ поводомъ. Ко второму изданію своего учебника я приложилъ выдержки изъ ряда отзывовъ, появившихся въ періодическихъ изданіяхъ о моей книгѣ. Въ эти отзывы самое лестное характеро. Чтобы не дать повода

кому либо обвинить меня въ сокрытіи истины, я привелъ также выдержку и изъ единственнаго неблагопріятнаго отзыва священника І. Филевскаго, сдѣланнаго имъ въ докладѣ Харьковскому законоучительскому съѣзду 1913 года. И о. Филевскій обидѣлся. За что же? За то, что отзывъ его не приведенъ цѣликомъ, лишь въ краткой выдержкѣ. Но помилуйте, о. критикъ! Вѣдь и благопріятные отзывы приведены мною лишь въ выдержкахъ, а не цѣликомъ! И если бы я сталъ цѣликомъ приводить печатные отзывы, да еще и массу весьма лестныхъ для меня писемъ отъ оо. законоучителей и даже нѣкоторыхъ профессоровъ дух. академій, то я долженъ бы былъ употребить для этого не одинъ печатный листъ. Мыслимо ли это? Поэтому и изъ вашего отзыва я взялъ лишь самое существенное и привелъ ваши слова буквально. Вы не можете сказать, что ваши слова мною искажены и этого, дѣйствительно, не говорите. Но въ такомъ случаѣ что же значить теперешнее ваше заявленіе, что вы хотите „возстановить истину“? Вѣдь съ моей стороны не было и попытки исказить вашу истину! Затѣмъ вы заявляете, что намѣрены „изложить свой прежній отзывъ“ о моей книгѣ, а между тѣмъ то, что вы пишете теперь, я слышу впервые. Поэтому относительно этого послѣдняго вашего заявленія я позволю замѣтить вамъ, что вы или забыли свой прежній отзывъ, или, выражаясь деликатно, сознательно уклоняетесь отъ истины, что въ переводѣ на вульгарный языкъ выходитъ не совсѣмъ благозвучно....

За симъ у о. Филевскаго слѣдуютъ обвинительные пункты.

Въ пунктѣ 1 критикъ заявляетъ, что мой учебникъ носить чисто компилятивный характеръ, состоитъ изъ позаимствованій изъ другихъ учебниковъ и изъ курсовъ старой апологетической литературы и въ этомъ отношеніи не можетъ удовлетворять современнаго образованнаго читателя. Вотъ здѣсь вашими устами, о. Филевскій, глаголетъ сама истина. Но только неужели вы не знаете, что учебники пишутся для учениковъ, а не для образованныхъ читателей? Неужели вы не знаете, что авторы учебниковъ дѣлаютъ позаимствованія другъ у друга иногда даже буквальные и не указываютъ источниковъ? Возьмите любой учебникъ катихи-

зиса и увидите, сколько каждый изъ нихъ заимствуетъ у преосвящ. Филарета!

„Теоретическія разсужденія учебника... скорѣе оттолкнутъ образованнаго читателя, чѣмъ убѣдятъ“. Можетъ быть, о. Филевскій, очень можетъ быть, что это такъ. Но тогда позвольте васъ спросить, что же означаютъ ваши собственные слова въ первомъ вашемъ отзывѣ, гдѣ вы говорите обо мнѣ: „авторъ довольно успѣшно борется съ невѣріемъ“? А теперь вы указываете на неудовлетворительность теоретическихъ разсужденій и, какъ на примѣръ, указываете на „избитыя богословско-раціоналистическія доказательства бытія Божія.“ Если не ошибаюсь, тутъ вы противорѣчите сами себѣ.

Пунктъ 2-й обвиненія состоитъ изъ общихъ фразъ, безъ всякихъ доказательствъ. Говорится, напр., о торопливости, поверхностности разработки вопросовъ вѣроученія, объ обилии критическаго элемента и т. д. Но на общія бездоказательныя утвержденія я позволю себѣ вовсе не отвѣчать.

Въ пунктѣ 3 критикъ указываетъ главнѣйшія ошибки и погрѣшности учебника. Вотъ онѣ:

„Религія у автора—это только отношеніе человѣка къ Богу и т. д., а не Бого-человѣческой союзъ, или единеніе Бога и человѣка.“

„Да, о. ученый критикъ, религія вообще есть только лишь отношеніе человѣка къ Богу и то, что вы говорите о религіи, относится не къ религіи вообще, а къ религіи христіанской.“ Если вы не понимаете, въ чемъ тутъ дѣло, то я попытаюсь вамъ помочь примѣромъ изъ учебника логики. Если бы я сказалъ, что всѣ вообще критики и рецензенты не безпристрастны, то мое сужденіе не было бы истиннымъ. Но если я скажу, что нѣкоторые критики не безпристрастны, если я при этомъ прибавлю, что и за примѣрами ходить не далеко, то, пожалуй, я буду не далеко отъ истины. Не правда ли? Такъ вотъ точно и здѣсь; что справедливо относительно христіанской религіи, того нельзя сказать о религіи вообще. Поняли теперь?

„Къ внѣшней сторонѣ религіи относятся у автора *Особенности* религіи; чего нельзя сказать“.

Прочитайте болѣе внимательно и вы увидите, что авторъ этого и не говоритъ: къ внѣшней сторонѣ религіи я

отношу не дѣйствія религіи, а тѣ „дѣйствія, знаки, символы, въ которыхъ человекъ выражаетъ свою зависимость отъ Бога“... Неужели, по вашему, это все равно? А если вы не могли этого не понимать, то какъ же назвать этотъ вашъ пріемъ намѣреннаго искаженія чужихъ словъ?

„Авторъ утверждаетъ, говоритъ о. Филевскій, что „у Моисея были въ распоряженіи“ два какихъ-то различныхъ источника при описаніи творенія міра и грѣхопаденія людей.“

Нѣтъ, о. Филевскій, я этого не утверждаю, но у меня сказано вотъ что. Нѣкоторые критики авторомъ пятокнижія считаютъ не Моисея, а какое-то другое лицо и это свое мнѣніе основываютъ на томъ, что повѣствованіе о шести-дневномъ твореніи (Быт. I) и о грѣхопаденіи (Быт. II, III) настолько различны по характеру, что можно предположить тутъ двухъ различныхъ авторовъ. Вотъ по этому поводу у меня и сказано буквально слѣдующее: „А почему бы самъ Моисей не могъ внести въ свою книгу сказанія объ этихъ событіяхъ изъ двухъ различныхъ источниковъ, какіе были въ его распоряженіи?“ Вы видите, это совсѣмъ не категорическое утвержденіе. Васъ удивляетъ, откуда я взялъ это мнѣніе о возможности двухъ источниковъ у Моисея. Пожалуй, я бы могъ это вамъ сказать, но это было бы бесполезно, такъ какъ едва ли вамъ доступенъ тотъ источникъ, откуда я позаимствовалъ сказанное мною. Къ счастью, я могу указать для васъ источникъ вамъ доступный. Возьмите „Богосл. Вѣстн.“, Янв. 1914 г, и прочтите у свящ. Д. В. Рождественскаго, стр. 97, слѣд. строки: „Позднѣйшій редакторъ (не Моисей), говорятъ, нашелъ два сказанія и не могъ изъ нихъ сфабриковать удовлетворительнымъ образомъ третьяго, а потому оставилъ ихъ безъ измѣненія, предоставляя читателю понимать, какъ знаетъ. (Рѣчь идетъ о двухъ будто бы противорѣчивыхъ сказаніяхъ Моисея о твореніи міра). Точъ въ точъ также могъ поступить и Моисей, потому что *въ его распоряженіи могли быть различныя устныя и письменныя преданія древнѣйшей эпохи.*“ Вы видите, что не я одинъ высказываю это мнѣніе, а то же самое позже меня (моя книжка вышла въ іюль 1913 г., а вышеприведенныя слова я беру изъ январьской книжки „Б. Вѣстн.“ за 1914 годъ) говоритъ и свящ. Рождественскій въ статьѣ: „Изъ лекцій по Св. Пи-

санію В. З., читанныхъ доцентомъ М. Д. Академіи А. А. Ждановымъ.“ Если для васъ это является такой необыкновенной и даже невѣроятной новинкой, то не моя въ томъ вина, о. ученый критикъ. Очевидно, ученость ваша не такъ ужъ широка и глубока, и во всякомъ случаѣ не вполне соответствуетъ тому апломбу, съ какимъ вы изволите держать себя въ области, мало вамъ знакомой. Знаете пословицу: „вѣкъ живи—вѣкъ учись“... Не мѣшало бы вамъ поучиться кое-чему. Тогда вы не были бы такъ развязны.

Мой критикъ говоритъ: „христіанство не отмѣнило рабства“, укоряя меня за это мое утвержденіе.

А по вашему, отмѣнило? И ап. Павелъ не требовалъ, чтобы рабы повиновались своимъ господамъ? И Онисимъ не былъ рабомъ Филимона? Христосъ провозгласилъ ученіе о равномъ достоинствѣ всѣхъ людей и тѣмъ самымъ осудилъ институтъ рабства. Но внезапная отмѣна рабства могла бы вызвать опасныя общественныя потрясенія, а потому необходимо было время, очень продолжительное для того, чтобы ученіе Христово вошло въ сердца людей.

„Рабовладѣльческое христіанство“—слова, поставленныя критикомъ въ кавычки, очевидно съ тою цѣлю, чтобы показать, что слова эти взяты изъ моего учебника. Поэтому я долженъ заявить, что такихъ словъ въ моемъ учебникѣ нѣтъ и что тутъ допущенъ критикомъ подлогъ. У меня же сказано вотъ что: „рабовладѣлецъ-христіанинъ (напр., Филимонъ) относился къ рабу совершенно иначе, чѣмъ язычникъ“. Если, о. критикъ, вы дѣлаете тутъ искаженіе моихъ словъ намѣренно, то да будетъ вамъ стыдно; а если по святой простотѣ, то помочь вамъ не въ силахъ.

„Говоря о пророчествахъ, авторъ пишетъ о какихъ-то экстраординарныхъ событіяхъ природы“. Не правда, о. Филевскій, не о событіяхъ, а о *явленіяхъ* природы, что не одно и то же.

„Напрасно авторъ выражается, будто евангелисты выбрали матеріалъ для себя(?) (нигдѣ такой фразы у автора нѣтъ) и пользовались *литературными* (курсивъ критика) источниками, существующими (существовавшими) раньше, *даже небоговдохновенными*. На основаніи такихъ-то „небоговдохновенныхъ литературныхъ источниковъ“ и написано Евангеліе отъ Луки“.

Нѣтъ, о. Филевскій, это не напрасно у меня сказано, а для того, чтобы привести лишнее доказательство той мысли, что инспирація не простиралась на букву Писанія. Только опять-таки вы перевираете мою мысль и она въ вашемъ изложеніи является невѣрной. Евангеліе Луки написано не „на основаніи небоговдохновенныхъ литературныхъ источниковъ“, какъ вы выражаетесь, а „на основаніи тщательнаго изслѣдованія тѣхъ многочисленныхъ повѣствованій, какія уже существовали ранѣе“. Вы понимаете разницу въ выраженіяхъ? Скажите же теперь, повѣствованія, которыя подвергалъ тщательному изслѣдованію Евангелистъ Лука, были боговдохновенными? Если да, то въ чемъ должно было состоять ихъ изслѣдованіе?

„Авторъ довольно странно выражается, что отъ священныхъ писателей нельзя требовать, чтобы они давали свѣдѣнія непременно полныя, непременно соотвѣтствующія строго-научнымъ критеріямъ истины“....

Да, такъ выражаться было бы не только странно, а болѣе чѣмъ странно. Къ счастью, это не моя мысль, о Филевскій. Я этого никогда не говорилъ, а вамъ угодно было опустить нѣсколько начальныхъ словъ моей фразы и привести лишь конецъ. Но это же пріемъ неблаговидный. Мнѣ стыдно за васъ, о. Филевскій: вы прибѣгаете къ шуллерству. Нельзя требовать отъ священныхъ писателей, чтобы они давали полныя и соотвѣтствующія строго-научнымъ критеріямъ свѣдѣнія астрономическія, географическія, естественно-историческія и т. п. Вотъ моя мысль, которую я высказалъ и отъ которой не отказываюсь и сейчасъ.

Въ такомъ же родѣ и всѣ другія погрѣшности, которыя ставитъ мнѣ въ укоръ о. Филевскій. Единственное указаніе на дѣйствительно допущенную мною погрѣшность о. Ф—скій дѣлаетъ слѣдующее: кн. Бытіе содержитъ исторію еврейскаго народа до Моисея. Это-недосмотръ, который обѣщаю исправить въ слѣдующихъ изданіяхъ.

Вотъ теперь, послѣ всего сказаннаго, и отвѣтите мнѣ, о. Филевскій, по совѣсти, положа руку на сердце, что вами руководило при написаніи отзыва о моей книжкѣ, въ которомъ вы позволили себѣ столь не корректные пріемы! Была ли въ этомъ случаѣ вашимъ другомъ истина, или ея антиподъ? Право, мнѣ невольно думается, что вы скорѣе имѣли

въ виду свести со мною старые счеты за мои критическія замѣтки по поводу нѣкоторыхъ статей въ вашей появившейся было въ дни освободительнаго движенія „Церковной Газетѣ“? Вы не находите, что это такъ? Въ такомъ случаѣ вамъ слѣдовало бы припомнить, что мои приемы критики были иные: никогда я не позволялъ себѣ извращать чужую мысль, приписывать автору то, чего онъ не говорилъ, не прибѣгалъ къ шуллерскимъ приемамъ. Или, быть можетъ, вамъ досадно, что вы одинокъ со своимъ отрицательнымъ отзывомъ о моемъ учебникѣ? Ну, что же дѣлать! Сердиться все-таки не слѣдовало.

Свящ. Н. Липскій.

ЕПАРХІАЛЬНАЯ ХРОНИКА.

Напутственный молебенъ запаснымъ войнамъ 7 сапернаго баталіона.

26 ноября с. г., въ день праздника Георгіевскихъ кавалеровъ, Его Высокопреосвященствомъ, Высокопреосвященнѣйшимъ Антоніемъ, Архіепископомъ Харьковскимъ и Ахтырскимъ, было совершено — «Молебное пѣніе Господу Богу нашему, за Императора и за люди, пѣваемаго во время брани противу супостатовъ» — для запасныхъ войновъ 7 сапернаго баталіона, отправляющихся въ дѣйствующую армію.

Молебенъ Владыкою былъ совершенъ въ большомъ казарменномъ помѣщеніи означенаго баталіона — въ сослуженіи: архимандритовъ Харьковскаго Покровскаго первокласснаго монастыря Рафаила, Іосифа, Аванасія и Автонома, 4 іеромонаховъ, 3 іеродіаконовъ и 2 монастырскихъ иподіаконовъ. Владыка облачился въ полное архіерейское облаченіе; для него было устроено особенное возвышеніе, такъ что онъ былъ виденъ всѣмъ молящимся войнамъ. Молебенъ служили предъ ротными иконами. Особенно трогательно было: это свѣчечки, поставленныя солдатиками предъ св. иконами, и не мало было мѣдныхъ монетъ, положенныхъ солдатиками на блюдо предъ тѣми же иконами. Пѣли очень стройно солдаты означенаго баталіона. Послѣ отпуста Владыка сказалъ войнамъ, отправляющимся на брань противу супостатовъ, воодушевленное слово, проникнутое самымъ горячимъ патриотизмомъ. Въ высшей степени трогательно было

слышать это слово: это была задушевная бесѣда отца, отправляющаго своихъ дѣтей на великое, но и опасное, конечно, дѣло: защищать свою родину, защищать наши очаги... Владыка сказалъ войнамъ приблизительно слѣдующее: «Христолюбивые воины! Вотъ и для васъ пришла очередь постоять грудью за вѣру, Царя и отечество, и вы призываетесь на великое дѣло: защищать нашу дорогую родину противъ сильнаго, коварнаго и жестокаго врага. Но вы будете защищать не только наше дорогое отечество, а и единокровныхъ и единовѣрныхъ намъ славянъ-Сербовъ, которые недавно только отбились отъ сильнаго врага—Турокъ, а теперь, еще не оправившись хорошенько отъ тяжелой войны,—должны снова бороться за свою жизнь и за свои жилища противъ враговъ, въ 20 разъ сильнѣе ихъ. Ну, что такое Сербія? Это немного болѣе нашей Харьковской губерніи. Слѣдовательно пособить Сербамъ намъ совершенно необходимо. Мы все увѣрены, что вы, други, исполните свой воинскій долгъ доблестно-согласно присягѣ, принятой вами при поступленіи на службу. Идите же, други, безъ боязни и страха на великое дѣло, не щадя живота своего до послѣдней капли крови, и не бойтесь врага, ибо здѣсь останутся за васъ молитвенники: мы усердно будемъ просить Господа Бога о дарованіи вамъ и всему нашему воинству побѣды надъ врагами. Но если кому-либо изъ васъ Господь Богъ судить положить на брани животъ свой за вѣру, Царя и отечество, то такого чело-вѣка ожидаетъ завидная участь: его ожидаетъ вѣнецъ нетлѣнный, царство небесное, потому что никто не можетъ такъ доказать своей любви къ ближнимъ, какъ воины, согласно словамъ нашего Спасителя: „*Больше ея любви никто же имать, да кто душу свою положитъ за други своя*“. Идите же, други, на брань смѣло. А чтобы одержать вамъ побѣду надъ врагами, старайтесь быть достойными этого, т. е. ведите себя въ чистотѣ, какъ древніе ратники-христиане. Если случится вамъ занять непріятельскую землю, то не обижайте тамъ мирныхъ жителей, въ особенности женщинъ и дѣтей. И не только не обижайте ихъ, но и защищайте ихъ, насколько это будетъ возможно для васъ. Само собою понятно, что вы сами должны просить Господа Бога объ успѣхѣ въ побѣдѣ надъ врагами. Далѣе—тѣмъ изъ васъ, которые имѣютъ женъ и дѣтей, нужно быть покойными, ибо наше правительство и наше общество горячо взялись за обезпеченіе лицъ, у которыхъ кормильцы отправились на войну. Итакъ да не смущается сердце ваше! Желаю вамъ, други, вернуться къ вашимъ очагамъ и къ вашимъ роднымъ съ пріятнымъ сознаниемъ добросовѣстно исполненнаго вами долга».

По окончаніи молебна старшимъ іеродіакономъ о. Филарстомъ было возглашено многолѣтіе: Государю Императору, Государынямъ Императрицамъ, Наслѣднику Цесаревичу, Верховному Главнокомандующему Великому Князю Николаю Николаевичу и всему Царствующему Дому, а затѣмъ Христолюбивому Всероссійскому побѣдоносному воинству. Владыка осѣнялъ св. крестомъ и окроплялъ св. водою на всѣ 4 стороны, а также осѣнилъ онъ воиновъ иконами: Господа Вседержителя и Царицы Небесной, взбранной Воеводѣ побѣдительной.

Затѣмъ Владыка распорядился такъ: всѣ о. о. архимандриты надѣвали на воиновъ новые крестики, бывшіе уже на шнуркахъ, а іеромонахи давали воинамъ для цѣлованія крестъ и окропляли ихъ св. водою.

Вообще совершенный молебенъ, а въ особенности произнесенное Владыкою напутственное слово, повидимому, произвели на воиновъ сильное и глубокое впечатлѣніе, потому что видно было, какъ солдатики съ напряженнымъ вниманіемъ слушали Архипастыря, стараясь уловить каждое его слово: всѣ подоконики и всѣ возвышенія, на которыя можно было встать, заняты были солдатами.

Архимандритъ Аванасій.

Архипастырское служеніе въ Троицкой единовѣрческой церкви г. Харькова.

День 30 ноября 1914 года надолго останется въ памяти многихъ жителей Харькова, какъ духовныхъ, такъ и мірянъ, а для Харьковскихъ единовѣрцевъ онъ въ полномъ смыслѣ историческій, такъ какъ такого великаго торжества единовѣрческой храмъ за свое 89 лѣтнее существованіе ни разу еще не видалъ. Новый Харьковский Архипастырь, Высокопреосвященный Антоній, съ первыхъ дней своего пріѣзда въ Харьковъ далъ обѣщаніе представлявшимся ему единовѣрцамъ непремѣнно служить въ ихъ храмѣ и свое обѣщаніе Владыка выполнилъ въ точности, назначивъ день своего служенія 30 ноября. Къ этому дню единовѣрцы готовились какъ къ свѣтлому празднику; убирая свой храмъ и подготавливая свой хоръ пѣвцовъ, состоящій изъ 10 человекъ взрослыхъ и мальчиковъ. За день до служенія было объявлено въ газетахъ, что Владыка будетъ служить литургію по древнему служебнику XVI столѣтія, что для Харьковцевъ было большою новостію, и вотъ съ ранняго утра (30 ноября) народъ густыми толпами сталъ наполнять единовѣрческой храмъ, который по своей небольшой величинѣ едва могъ вмѣстить и 1/3 молящихся, въ

числѣ коихъ было до 15 человекъ мѣстнаго городского духовенства — протоіереевъ, іереевъ и діаконовъ. Владыка прибылъ въ храмъ въ древнемъ монашескомъ клобукѣ, подаренномъ ему Московскими единовѣрцами: съ бриллиантовымъ осьмиконечнымъ крестомъ. Сослужащими Владыкѣ были: епархіальный миссіонеръ прот. о. Константинъ Селивановскій, помощникъ епархіальнаго миссіонера свящ. о. Ѳедоръ Сулима, настоятель мѣстнаго храма свящ. о. Сампеонъ Холоповъ и настоятель Вознесенской единовѣрческой церкви хутора Кряковки, Старобѣльскаго у., о. Онисимъ Кряковцевъ, обязанности протодіакона исполнялъ о. іеродіаконъ Покровскаго монастыря Софроній.

Умилительное зрѣлище представляло это служеніе маститаго Архипастыря, знатока своего дѣла; мысли невольно переносились къ древне-русскому времени 400 — 500 лѣтъ тому назадъ; небольшой хоръ всѣ пѣснопѣнія выполнилъ очень стройно, причемъ нѣкоторыя изъ нихъ пропѣты были «демествомъ». Въ концѣ литургіи Владыка, разоблачившись на срединѣ храма, сказалъ глубоко-прочувственное слово, въ которомъ, между прочимъ, отмѣтилъ, что такое же точно богослуженіе совершалось при московскихъ святителяхъ Петръ, Алексій и Іонъ и что въ настоящее время раскольникамъ, какъ отдѣлившимся отъ церкви изъ-за обрядовъ, нѣтъ никакого основанія къ отдѣленію, причемъ Архипастырь съ любовью призывалъ ихъ къ соединенію съ св. Христовой церковью. Изъ храма Владыка вмѣстѣ съ сослужащимъ ему духовенствомъ прослѣдовалъ въ квартиру о. настоятеля храма, гдѣ изволилъ раздѣлить скромную трапезу. Дай Богъ, чтобы архипастырское служеніе у Харьковскихъ единовѣрцевъ было не послѣднимъ.

Свящ. Сампеонъ Холоповъ.

ИНОЕПАРХІАЛЬНЫЙ ОТДѢЛЪ.

„Солдатская копѣйка“.

Въ Смоленской пригородной церкви учрежденъ фондъ «Солдатской копѣйки» для помощи раненымъ и больнымъ воинамъ, а также семействамъ призванныхъ на войну. Образовывается этотъ фондъ слѣдующимъ образомъ: прихожане, покупая просфоры, платятъ за каждую просфору одну лишнюю «солдатскую» копѣйку. А причтъ, при расчетѣ суммъ, въ свою очередь, отчисляетъ одну копѣйку отъ нормальной цѣны просфоры на ту же цѣль. Такимъ образомъ, съ

каждой просфоры въ фондъ идетъ 2 коп. Просфоръ въ этой церкви продается обыкновенно очень много, въ виду чего ожидаются значительныя поступленія.

Предложеніе Могилевскаго Архипастыря духовенству.

Въ Могилевской епархіи Преосв. Епископъ Константинъ сдѣлалъ слѣдующее предложеніе духовенству.

Въ скоромъ времени по церквамъ Могилевской епархіи разосланы будутъ патриотическія брошюры съ краткимъ и популярнымъ изложеніемъ хода важнѣйшихъ военныхъ дѣйствій нашихъ и союзныхъ армій, обстоятельствъ, вызвавшихъ войну, и условій, при которыхъ она ведется и т. д.

Духовенству епархіи слѣдуетъ помнить, что мы переживаемъ дни исключительной исторической важности. Славянство, волею Божіею, вступило въ борьбу за освобожденіе своихъ угнетенныхъ братьевъ, за священные завѣты Христовы, за освобожденіе міра отъ подавляющей власти плоти надъ духомъ, за побѣду добра надъ зломъ. Теперь всему славянству предлежитъ высокая миссія—показать во всемъ величіи свѣтъ истинной вѣры Христовой народамъ Запада и особенно германскимъ племенамъ, въ своей гордынѣ и жестокости видимымъ темнымъ духомъ сатаны, а не свѣтлыми завѣтами Христа.

Въ сихъ видахъ призываю духовенство епархіи и учащихъ школъ на собесѣдованіяхъ и чтеніяхъ въ храмахъ, школахъ, волостяхъ и прочихъ подходящихъ мѣстахъ освѣдомлять мѣстное населеніе, руководясь пересылаемыми изданіями, о ходѣ важнѣйшихъ событій нашихъ дней, чтобы всѣ жители приходоѡвъ сознательно относились къ переживаемому нами высокому моменту и крѣпли въ преданности святой вѣрѣ православной и беззавѣтной вѣрности Царю и Отечеству.

Призываю Божіе благословеніе на всѣхъ труженниковъ въ семъ великомъ и святомъ дѣлѣ. (Мог. Е. В.).

Изъ пастырской практики.

Одинъ изъ священниковъ Тамбовской епархіи явился въ домъ своего прихожанина для напутствованія Св. Тайнами больного старика, который по случаю опухоли въ горлѣ не могъ не только глотать, но и говорить совершенно невнятно, такъ что исповѣдывать его пришлось знаками, а когда священникъ спросилъ его, можетъ ли онъ проглотить частицу Св. Даровъ, больной отвѣтилъ кивкомъ головы отрицательно. Царю священникъ и не причастилъ больного.

По поводу сего послѣдовала такая резолюція Высокопреосв. Кирилла Тамбовскаго: «преподать священнику наставленіе, чтобы на будущее время при обстоятельствахъ, подобныхъ тѣмъ, какія имѣли мѣсто при первомъ приглашеніи его къ больному, позволительнымъ нахожу, въ виду Прав. 13 перв. всел. соб. и примѣнительно къ 16 отв. св. Тимоѣ. Александрійскаго, удостовѣряться въ способности больного глотать не киваніемъ головы больного, а путемъ опыта. Для сего надо дать больному проглотить небольшой кусокъ размяченной булки, или ложечку воды. Если больной способенъ проглотить булку, то слѣдуетъ частицу Св. Даровъ хорошо пропитать водою и такъ причастить больного. Если больной проглотить можетъ только воду, то долгъ священника совершить порану литургію и явиться, затѣмъ, къ больному для приобщенія его одною Пречистою Кровію». (Страни.).

РАЗНЫЯ ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ.

Православная кончина „толстовца“.

(Памяти кн. Д. А. Хилкова).

Въ началѣ октября на полѣ брани, въ Галиціи, палъ войсковой старшина, князь Дмитрій Александровичъ Хилковъ. Въ свое время князь Хилковъ, какъ ярый толстовецъ, обратилъ на себя вниманіе духовной и свѣтской печати и доставилъ много хлопотъ гражданской власти.

Смерть на полѣ брани человѣка, всю свою жизнь посвятившаго отрицанію войны и насилія (непротивленца), является, конечно, весьма знаменательною и поучительною въ исторіи русскаго сектантства и русскихъ интеллигентскихъ исканій и не можетъ быть не отмѣчена на страницахъ духовной печати.

Вотъ почему пишушій эти строки, близко знавшій князя въ послѣдніе годы его жизни, и осмѣливается познакомить читателя съ жизнью и особенно съ послѣдними годами жизни этой замѣчательной личности.

Въ восьмидесятихъ годахъ прошлаго столѣтія молодой князь, участникъ турецкой кампаніи, которому улыбалась блестящая военная карьера, вдругъ выходитъ въ отставку и поселяется въ имѣніи своей матери—въ глухомъ селѣ Павловкахъ, Сумскаго уѣзда. Затѣмъ, вскорѣ, ѣдетъ въ Ясную Поляну къ гр. Л. Н. Толстому, живетъ

тамъ довольно продолжительное время, и такъ очаровывается графомъ и его учениемъ, что становится яримъ толстовцемъ.

Впослѣдствіи князь объяснилъ мнѣ причину такой съ нимъ перемѣны.

Во время пребыванія на войнѣ, съ княземъ совершился нравственный переломъ: послѣ цѣлаго ряда лѣтъ веселой гусарской жизни съ кутежами и пр., въ виду смерти, онъ впервые задумался о смыслѣ и цѣляхъ человѣческой жизни.

Во время такого своего душевнаго состоянія князь столкнулся съ жившими въ Закавказьѣ духоборами и весьма заинтересовался ихъ трезвою, трудолюбивою и сплоченно—замкнутою жизнію, и это то знакомство роковымъ образомъ повліяло на князя въ выборѣ имъ образа жизни.

Будучи съ дѣтства зараженъ высокоумнымъ и пренебрежительнымъ (какъ аристократъ) отношеніемъ къ Церкви и духовенству, князь, естественно, за разъясненіями своихъ сомнѣній и думъ и обратился къ входившему тогда въ моду Ясно-Полянскому писателю, своимъ учениемъ объ прощеніи какъ разъ подошедшему подъ настроеніе князя.

И вотъ, сравнительно молодой, лѣтъ 27, князь Хилковъ со всѣмъ пыломъ челоѣка, познавшаго истину, бросается осуществлять въ жизни ученіе гр. Толстого. Съ этою цѣлью князь, какъ челоѣкъ весьма искренній въ своихъ увлеченіяхъ, землю свою (около 430 д.) продаетъ крестьянамъ, бывшимъ крѣпостнымъ, за безцѣнокъ (по 30 р. за десятину—при биржевой цѣнѣ въ 300—400 р.), а себѣ оставляетъ всего два крестьянскихъ надѣла (около 7 д.), надѣваетъ крестьянскую свитку, сапоги, выстраиваетъ для себя почти крестьянскую хату и начинаетъ, съ грѣхомъ по-поламъ, крестьянствовать. Крестьяне, сначала подсмѣивавшіеся надъ увлеченіями князя, съ полученіемъ отъ него почти въ подарокъ 430 д. прекрасной земли, конечно, повалили, что называется, валомъ къ князю за совѣтами и наставленіями—въ чаяніи еще большихъ милостей. Проповѣдь о равенствѣ всѣхъ людей въ имущественномъ отношеніи, о томъ, что право на землю имѣеть только тотъ, кто самъ ее обрабатываетъ, весьма понравилась крестьянамъ, особенно малоземельнымъ, и они заявили себя ревностными послѣдователями ученія князя, которое, правду говоря, они или не понимали или понимали съ практической стороны, по—крестьянски: податей не давать, въ военную службу не идти, начальства не надо—чего же лучше!

Крестьяне повыбрасывали иконы, перестали посѣщать храмъ (вѣдь Богъ—природа!) и стали весьма враждебно относиться къ духовенству и свѣтскимъ властямъ.

Между тѣмъ время шло; князь все съ большимъ и съ большимъ рвеніемъ осуществлялъ свое опрощеніе: пробовалъ даже заняться извозомъ и сѣялъ толстовскія бредни, и, наконецъ, гражданская власть признала необходимымъ, для прекращенія соблазна, выслать князя изъ Павловокъ въ Закавказье.

Съ этого времени въ жизни князя начинается, такъ сказать, второй періодъ исканій—духоборческій. Еще во время войны съ турками князь познакомился съ духоборами и, проникая къ нимъ уваженіемъ, теперь же онъ выступилъ защитникомъ ихъ отъ притѣсненій со стороны Тифлисской администраціи. Я не стану подробно описывать этого, столь извѣстнаго, духоборческаго дѣла, закончившагося, какъ извѣстно, переселеніемъ духоборовъ въ Канаду, а только отмѣчу кратко роль въ этомъ дѣлѣ князя. Увлечшись духоборами, князь своими письмами привлекъ къ духоборамъ любовное вниманіе и покровительство либеральныхъ круговъ и особенно гр. Л. Н. Толстого, епособствовавшего и матеріально¹⁾ и морально этому странному переселенію, самъ же былъ вождемъ сего «Новаго Израиля» и, кажется, даже инициаторомъ всей переселенческой эпопеи.

Переселяя духоборовъ въ Канаду, князь, какъ извѣстно, заботился не столько объ удобствахъ жизни, сколько объ удаленности духоборческихъ поселеній отъ очаговъ культурной жизни, желая сохранить самобытность жизни духоборовъ,—чѣмъ заставилъ ихъ перенести немало матеріальныхъ лишеній. Кромѣ сего, князь и другіе, сопутствовавшіе ему толстовцы, привили духоборству нѣкоторыя толстовскія идеи, способствовавшія образованію среди духоборовъ особой партіи постниковъ (непротивленцевъ), вызвавшихъ своимъ поведеніемъ кары со стороны Канадской администраціи и искреннее сожалѣніе о безумцахъ со стороны здравомыслящихъ людей. Впослѣдствіи князь сожалѣлъ о своей роли въ духоборческой эпопеѣ.

Дальше въ жизни князя мы не видимъ ничего заслуживающаго особаго вниманія: князь жилъ за-границей (ему даже воспрещенъ былъ вѣздъ въ Россію), вращался среди русскихъ политическихъ эмигрантовъ, числился одно время въ партіи соціалъ-революціонеровъ и жестоко тосковалъ по родинѣ. Наконецъ, 1905 годъ открылъ ему доступъ въ Россію.

¹⁾ Гр. Л. Н. Толстой пожертвовалъ духоборамъ весь свой гононаръ за романъ „Воскресеніе“—около 30000 р.

Князь немедленно по приѣздѣ поселился въ Павловкахъ на своемъ хуторѣ и занялся пчеловодствомъ (былъ недюжинный, оригинальный пчеловодъ), садоводствомъ и пр., но уже какъ любитель; а кромѣ сего, и преимущественно, занялся приведеніемъ, такъ сказать, къ одному знаменателю своихъ жизненныхъ наблюдений и переживаній. Здѣсь, въ глуши, съ княземъ и произошла та эволюція, которая привела его (непротивленца) на поле брани. Жизненный опытъ, знакомство съ закулисной стороною революціонныхъ круговъ, собственныя ошибки, удары судьбы (самоубійство двухъ дочерей, молодыхъ дѣвушскъ), все, вмѣстѣ взятое, заставило князя глубоко задуматься надъ своею жизнію и приступить къ самоанализу и переоцѣнкѣ цѣнностей. Почти уже старикъ (50 л.), предчувствуя расчеты въ жизнь, князь сталъ серьезнѣе интересоваться религіозными вопросами и съ этою цѣлью сблизился съ приходскимъ священникомъ. Мой предшественникъ, О. Николай Чепуринъ, по словамъ покойнаго князя, чуть ли не первый пробудилъ въ немъ интересъ къ Православному Богословію, и, слѣдовательно, еще 4 года тому назадъ, князь имѣлъ совершенно превратное понятіе о христіанствѣ и, въ частности, о Православіи. Медленно, очень медленно князь разставался съ своими прежними убѣжденіями, но основательное ознакомленіе съ трудами великихъ отцовъ и учителей церкви открыли ему величіе и красоту св. Православія.

(Продолженіе будетъ).

ОБЪЯВЛЕНІЯ:

Благодать вамъ и миръ отъ Бога Отца нашего и Господа Иисуса Христа! Да будетъ надъ вами и дивный Покровъ Пресвятой Богородицы, Матери нашей Владычицы!

Трудное время душевныхъ смятеній переживаемъ мы: брань военная отъ иноземныхъ враговъ брань духовная отъ разныхъ ересей и сектъ тучею грозною надвинулись на насъ. Душа наша мятется, жадно ищетъ покоя, улады, любвеобильнаго слова, и слова печатнаго, для души, полезнаго. Видитъ это святая обитель — Чудовъ въ Кремлѣ Монастырь и спѣшитъ посильно помочь страждущимъ душамъ. Съ этою цѣлью Чудовъ Монастырь, съ благословенія Московскаго Архiepастыря, Высокопреосвященнаго Митрополита Макарія, издастъ и раз-

дасть народу множество печатныхъ назидательныхъ листовъ: «Лепта Обители Святителя Алексія». Съ тою же цѣлью Чудовъ Монастырь продолжитъ и въ 1915 году изданіе большого ежемѣсячнаго духовнаго журнала «ГОЛОСЪ ЦЕРКВИ», подписка на который принимается въ Чудовомъ монастырѣ по цѣнѣ за весь годъ всего 4 руб., а за 1/2 года 2 руб.

Теперь же, съ благословенія Высокопреосвященнаго Митрополита Московскаго Макарія, для уенленія назиданія чадъ святой Церкви Православной, Чудовъ Монастырь съ Января 1915 года беретъ на свое иждивеніе и изданіе журнала «ДУШЕПОЛЕЗНОЕ ЧТЕНІЕ», уже 55 лѣтъ кормящаго православныхъ полезнымъ и спасительнымъ для души чтеніемъ. «ДУШЕПОЛЕЗНОЕ ЧТЕНІЕ» будетъ издаваться двухмѣсячными книжками, 6 книжекъ въ годъ. Подписная цѣна: за годъ всего 2 руб., за 1/2 года всего 1 руб., съ доставкою и пересылкою. Подписка принимается **ТЕПЕРЬ - ЖЕ** въ Чудовомъ Монастырѣ, въ редакціи журнала «Голосъ Церкви». Обитель надѣется, что, съ Божьею помощію, какъ она идетъ навстрѣчу духовной жажды православныхъ чадъ, такъ и чада Церкви пойдутъ навстрѣчу Обители въ духовномъ окормленіи себя ея изданіями и въ распространеніи «ДУШЕПОЛЕЗНАГО ЧТЕНІЯ» въ народѣ, которому оно и по цѣнѣ весьма доступно.

Примѣчаніе: Напечатано по резолюціи Высокопреосвященнаго Архіепископа Харьковскаго Антонія.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1915 Г.

(XLI годъ изданія)

НА ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫЙ ЖУРНАЛЪ

„ЦЕРКОВНЫЙ ВѢСТНИКЪ“,

и з д а в а е м ы й п р и

Императорской Петроградской Духовной Академіи.

Еженедѣльный журналъ „Церковный Вѣстникъ“ вступаетъ въ 1915 г. въ сорокъ первый годъ изданія.

Являясь органомъ академической корпораціи, „Церковный Вѣстникъ“ ставитъ своею задачею давать объективное, академическое освѣщеніе церковныхъ вопросовъ, главнымъ образомъ при участіи профессоровъ и наставниковъ Академіи. Къ участію въ журналѣ приглашены профессора всѣхъ Духовныхъ Академій, а равно и представители богословской науки въ университетахъ.

Рядомъ съ этимъ, журналъ принимаетъ всѣ мѣры къ тому, чтобы своевременно освѣдомлять своихъ читателей о новостяхъ въ церковной, духовно-учебной и церковно-школьной жизни

Журналъ ставитъ также своею обязанностію знакомить читателей „Церковнаго Вѣстника“ съ новѣйшими теченіями въ области духовно-идейной жизни современнаго общества и съ отраженіями ихъ въ современной наукѣ, публицистикѣ и художественной литературѣ.

Въ программу изданія входятъ:

1) Передовыя статьи, посвященныя обсужденію выдвигаемыхъ временемъ вопросовъ церковной въ широкомъ смыслѣ (богословскихъ, ц.-историческихъ, ц.-практическихъ, духовно-учебныхъ) и церковно-общественной жизни.

2) Статьи и сообщенія церковно-общественнаго характера, въ которыхъ обсуждаются различныя церковныя и общественныя явленія текущей русской и иностранной жизни. Въ этомъ отдѣлѣ редакція даетъ широкое мѣсто и голосу своихъ подписчиковъ и читателей, которые пожелаютъ высказаться по тѣмъ или другимъ на-зрѣвшимъ вопросамъ времени.

3) Въ отдѣлѣ „Мнѣнія и отзывы“ приводятся и подвергаются оцѣнкѣ наиболѣе интересныя и заслуживающія вниманія сужденія свѣтской и духовной печати по вопросамъ, составляющимъ злобу дня.

4) Систематическій обзоръ духовной періодической печати. Этотъ вновь вводимый съ наступающаго 1915 года отдѣлъ ставитъ своей задачей слѣдить за движеніемъ отечественной богословской и церковно-исторической мысли и знакомить читателей „Ц. В.“ со всѣми болѣе или менѣе видными проявленіями ея, отражающимися на страницахъ богословскихъ журналовъ.

5) Духовная и церковная школа. Въ этомъ отдѣлѣ помѣщаются извѣстія о жизни и дѣятельности Духовныхъ Академій, семинарій, училищъ и церковно-приходскихъ школъ, печатаются циркуляры и распоряженія учебнаго начальства и сообщаются свѣдѣнія о назначеніяхъ и перемѣщеніяхъ по духовно-учебному и церковно-школьному вѣдомствамъ.

6) По настойчивому желанію подписчиковъ, „Церковный Вѣстникъ“ давно уже даетъ на своихъ страницахъ мѣсто ихъ вопросамъ изъ области церковно-приходской практики, поручая составленіе отвѣтовъ на эти вопросы исполнѣ компетентнымъ лицамъ.

7) Корреспонденціи изъ епархій и изъ-за границы, знакомящія читателей съ выдающимися явленіями мѣстной церковной жизни.

8) Библиографическія замѣтки о новыхъ книгахъ.

9) Постановленія и распоряженія правительства, печатаемые, смотря по обстоятельствамъ, полностью или въ извлеченіи.

10) Лѣтопись церковной и общественной жизни въ Россіи. Въ данномъ отдѣлѣ рядомъ съ хроникой церковно-общественной жизни будетъ съ наступающаго подписнаго года обращено особое вниманіе на епархіальную печать, которая несетъ свою скромную, мало-замѣтную, но тѣмъ не менѣе многополезную службу, являясь единственнымъ печатнымъ органомъ, гдѣ съ большей или меньшей полнотой и объективностію отражается пастырская идейная и практическая жизнь епархіальнаго духовенства. Все наиболѣе цѣнное и выдающееся въ этой области будетъ своевременно отмѣчаться на страницахъ „Церковн. Вѣстн.“

11) Лѣтопись церковной и общественной жизни за границей.

12) Библиографическій листокъ, содержащій въ себѣ перечень всѣхъ заслуживающихъ вниманія новинокъ какъ духовной, такъ и свѣтской печати (книги, брошюры, журнальныя статьи и т. п.), появляющихся на книжномъ рынкѣ.

13) Объявленія.

Для ознакомленія съ журналомъ желающимъ высылаются отдѣльные №№ „Ц. В.“ безплатно.

Условія подписки на 1915 годъ.

	Въ Россіи.	За границу.
На годъ	5 руб.	7 руб.
На 1/2 года	3 "	— "
На годъ съ ежемѣсячнымъ журналомъ „Христіанское Чтеніе“	8 "	10 "

Подписка принимается въ Конторѣ редакціи: Петроградъ, Херсонская ул., д. № 8, кв. 8.

За редактора доцентъ Императорской Петроградской Духовной Академіи Н. Малаховъ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1915 Г.

(XCV годъ изданія)

НА ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛЬ

„ХРИСТІАНСКОЕ ЧТЕНІЕ“

и з д а в а е м ы й п р и

Императорской Петроградской Духовной Академіи.

Ежемѣсячный журналъ „Христіанское чтеніе“, старѣйшій изъ всѣхъ русскихъ духовныхъ журналовъ (основанъ въ 1821 году), будетъ выходить въ 1915 году по слѣдующей программѣ:

1) Творенія святыхъ Отцевъ Церкви и памятники древне-христіанской письменности въ русскомъ переводѣ по новѣйшимъ научнымъ изданіямъ ихъ текста.

2) Статьи богословскаго, философскаго и церковно-историческаго содержанія, принадлежащія преимущественно профессорамъ Академіи.

3) Критическіе отзывы и библиографическія замѣтки и сообщенія о новыхъ произведеніяхъ богословско-философской и исторической литературы, русской и иностранной.

4) Годичный отчетъ о состояніи Императорской Петроградской Духовной Академіи и журналы собраній ея Совѣта.

5) Лекціи † проф. В. В. Болотова по древней церковной исторіи; въ 1915 году будетъ продолжено печатаніе „Исторіи догматическихъ споровъ въ эпоху вселенскихъ соборовъ“.

Условія подписки на 1915 годъ.

	Въ Россіи.	За границу.
На годъ	5 руб.	7 руб.
На годъ съ еженедѣльнымъ журналомъ „Церковный Вѣстникъ“	8 "	10 "

Подписка принимается въ Конторѣ редакціи: Петроградъ, Херсонская ул., д. № 8, кв. 8.

Редакторъ профессоръ Императорской Петроградской Духовной Академіи Н. САГАРДА.

ПРАВОСЛАВНЫЙ СОБЕСѢДНИКЪ,

ИЗДАНИЕ

Императорской Казанской Академіи,

въ 1915 году

будетъ выходить ежемѣсячно, книжками отъ 10 до 12 печатныхъ листовъ въ каждой и издаваться въ строго-православномъ духѣ и ученомъ направленіи.

Журналъ Православный Собесѣдникъ рекомендованъ Святѣйшимъ Синодомъ для выписыванія въ церковныя бібліотеки, „какъ изданіе полезное для пастырскаго служенія духовенства“ (Синод опред. 8 сент. 1874 г. № 2792).

Въ 1915 г. будутъ между прочимъ помѣщены слѣдующія статьи: Проф. П. А. Юнгеровъ. Псалтирь, перев. съ греческаго. Проф. Ѡ. А. Кургановъ. Императоръ Константинъ Великій. Проф. П. П. Попомаревъ. О спасеніи. Проф. Н. В. Петровъ. Объ искупленіи. Проф. Л. И. Исаревъ. Вѣроученіе въ первые три вѣка христіанства (ученіе апологетовъ и полемистовъ). Проф. І. В. Борковъ. Общій планъ пророчествъ Апокалипсиса. Лютеранское ученіе по Шмалькаденскимъ членамъ. Проф. В. А. Никольскій. Можно-ли животнымъ приписывать нравственность? В. В. Сухановъ. Первое Соборное Посланіе Апостола Петра и другія.

Въ качествѣ приложенія къ журналу будетъ дано въ 1915 году „Инородческое Обзорѣніе“, посвященное описанію современнаго быта и религіи инородцевъ Европейской и Азіатской Россіи, по слѣдующей программѣ:

I. Правительственныя распоряженія. II. Бытъ и нравы инородцевъ Европейской Россіи и Россіи Азіатской: христіанъ, мусульманъ, ламаитовъ и шаманистовъ. III. Религіозныя вѣрованія, законоположенія и установленія означенныхъ инородцевъ. IV. Обзоръ текущей инородческой литературы. V. Критика и бібліографія.

Подписчики журнала „Православный Собесѣдникъ“ имѣютъ получить „Инородческое Обзорѣніе“ бесплатно при самомъ журналѣ, лица-же, желающія получить „Инородческое Обзорѣніе“ отдѣльно отъ „Православнаго Собесѣдника“, имѣютъ присылать: 1) за 4 книги въ годъ, въ размѣрѣ не болѣе 5 листовъ каждая, 2 рубля въ годъ, 2) за 1 книгу отдѣльно 50 коп., 3) за 2 книги отдѣльно 1 руб. и 4) за 3 книги отдѣльно 1 руб. 50 коп. съ доставкой и пересылкой.

Заказы на отдѣльныя книги „Инородческаго Обзорѣнія“, а равно статьи и замѣтки, предназначаемыя для „Инородческаго Обзорѣнія“, имѣютъ быть направляемы по адресу.

„Въ г. Казань, Николаю Федоровичу Катанову“.

Цѣна за полное годовое изданіе съ пересылкою во всѣ мѣста имперіи—семь рублей.

При журналѣ „Православный Собесѣдникъ“ издаются Известія по Казанской Епархіи, выходящія 4 раза въ мѣсяцъ, номерами до 2 печатныхъ листовъ въ каждомъ, убористаго шрифта. Цѣна 5 руб. въ годъ.

Подписчикамъ на журналъ предоставляется право приобретать въ Редакціи нижеслѣдующія капитальныя изданія Казанской Академіи по значительно пониженнымъ цѣнамъ:

Дѣянія Вселенскихъ соборовъ. Семь томовъ за 14 руб. (вмѣсто 20 р.). Дѣянія Помѣстныхъ соборовъ за 1 руб. 40 к. (вмѣсто 2 р.). Благовѣстникъ Блаженнаго Теофилакта на весь Новый Завѣтъ (кромѣ Апокалипсиса) за 10 руб. (вмѣсто 14 р.). Просвѣтитель Іосифа Волоцкаго за 2 руб. (вмѣсто 3 р.). Стоглавъ за 1 руб. 40 к. (вмѣсто 2 р.). Сочиненія Максима Грека. Три тома за 3 руб. 50 к. (вмѣсто 5 р.). Подписчики журнала пользуются скидкой отъ 20 до 30%, смотря по размѣру заказа, и на другія редакціонныя изданія.

Пересылка на счетъ редакціи.

Адресъ: Казань, Редакція Православнаго Собесѣдника. Редакторъ профессоръ Вл. Никольскій.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1915 ГОДЪ

НАРОДНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ

Ежемесячный Педагогическій Журналъ

Изданіе Училищнаго Совѣта

при Святѣйшемъ Синодѣ.

ГОДЪ ИЗДАНИЯ XX.

Въ 1915 году журналъ будетъ издаваться по слѣдующей, утвержденной Святѣйшимъ Синодомъ, программѣ: I. Очерки, рассказы, характеристики, воспоминанія изъ школьной жизни („Уголки школьной жизни“). II. Статьи по общимъ вопросамъ народнаго образованія. III. Статьи по вопросамъ педагогики и дидактики. IV. Обзорніе русской и заграничной литературы по вопросамъ воспитанія и обученія. V. Изъ школьной практики (практическія указанія по методикѣ учебныхъ предметовъ начальной школы; примѣрные уроки; планы занятій; замѣтки по училищевѣдѣнію). VI. Школьное дѣло на мѣстахъ (извѣстія, сообщенія и замѣтки). VII. Извѣстія учебнаго музея церковныхъ школъ. VIII. Изъ переписки съ читателями. Почтовый ящикъ. IX. Библиографическій листокъ. X. Школьное пѣніе (статьи о преподаваніи пѣнія; библиографическія замѣтки и ноты).

Кромѣ книгъ журнала подписчики получаютъ въ видѣ отдѣльныхъ приложеній: 1) Школьный календарь на 1914—1915 учебный годъ. 2) Книжки для учительской бібліотеки (содержанія руководственно-педагогическаго) и Книжки для ученической бібліотеки (дѣтскіе рассказы, сборники стихотвореній). 3) Ноты для классаго пѣнія. Многія статьи и книжки (особенно, научнаго содержанія) иллюстрируются рисунками и чертежами.

Въ журналѣ принимаютъ участіе Н. Н. Бахтинъ, проф. А. А. Бронзовъ, А. М. Ванчаковъ, проф. Д. И. Введенскій, Н. С. Дренгельнъ, К. Д. Дубровскій, К. В. Ельницкій, Я. И. Ковальскій, А. А. Коринфскій, Кл. Лукашевичъ, П. Н. Лупшовъ, А. П. Налимовъ, Н. Новичъ, И. И. Полянскій, Г. Л. Поповъ, М. М. Поповъ-Платоновъ, В. Родниковъ, В. Л. Розенбергъ, Я. И. Рудневъ, свящ. Е. Сосунцовъ, Н. Тичеръ, В. Федоровъ, проф. В. Шимкевичъ, акад. М. В. Яновскій и многіе другіе.

Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія журналъ допущенъ въ народныя бібліотеки и читальни,--равно и въ учительскія бібліотеки низшихъ учебныхъ заведеній.

На международной Выставкѣ „Дѣтскій міръ“ 1904 года журн. „Народное Образование“ удостоенъ золотой медали.

Подписная цѣна на журналъ три рубля за годъ съ пересылкою. Въ виду того, что журналъ „Народное Образование“ даетъ ежегодно 2 тома свыше 700 страницъ каждый, кромѣ Календаря и безплатныхъ приложений, указанная цѣна три рубля является до послѣдней степени пониженной и равняется почти заготовительной стоимости изданія. Такимъ пониженіемъ цѣны Редакція старается сдѣлать журналъ доступнымъ для выписки начальнымъ учителямъ, при ихъ современномъ скудномъ годовомъ бюджетѣ.

Подписка принимается въ книжной лавкѣ Училищнаго Совѣта при Святѣйшемъ Синодѣ (Петроградъ, Кабинетская, 13).

Иногородные подписчики благоволятъ адресов. требованія такъ: Птг., Кабинетская ул., д. № 13, въ Редакцію журн. „Народное Образование“.

Редакторъ П. Мироносицкій.

Петроградъ.—Синодальная типографія.—1914.

Открыта подписка на 1915 годъ
НА ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ

„ОТКЛИКИ НА ЖИЗНЬ“

съ еженедѣльнымъ листкомъ „ЖИВАЯ БЕСѢДА“.

ГОДЪ ИЗДАНІЯ ЧЕТВЕРТЫЙ.

ПРОГРАММА ЖУРНАЛА:

1) Освѣщеніе Евангельскимъ свѣтомъ вопросовъ и явленій жизни. 2) Художественные очерки изъ жизни святыхъ, геніальныхъ людей и замѣчательные случаи. 3) Повѣсти, рассказы изъ быта народнаго, духовнаго, школьнаго и проч. 4) Дневники, наблюденія и воспоминанія. 5) Обзорѣніе духовной и свѣтской литературы. 6) Обзорѣніе общественной жизни. 7) Переписка съ читателями по вопросамъ и явленіямъ церковно-общественной жизни.

Задача изданія: дать живое, назидательное чтеніе христіанской семьѣ, содѣйствовать образованію въ читателяхъ бодрого, свѣтлаго настроенія, помогать имъ разбираться въ вопросахъ душевной и общественной жизни,—въ простой, образной, преимущественно повѣствовательной формѣ, изображать красоту христіанства, яркими примѣрами героевъ духа звать людей къ жизни доброй и разумной.

Цѣна 12-ти книжекъ журнала и 52 листкамъ 3 руб. съ пересылкой. За границу 5 руб.

Начало подписнаго года—ноябрь мѣсяцъ 1914 года.

За доплату 1 рубля будутъ приложены слѣд. 2 книги:

ГОЛОСЪ ПАСТЫРЯ. Священ. Владиміра Востокова. Слова, бесѣды и поученія на всѣ воскресные, праздничные дни и отдѣльные случаи (болѣе 200 проповѣдей). (Цѣна книги въ отдѣльной продажѣ 1 руб.).

НАШЕ ВРЕМЯ. Повѣсть свящ. Владиміра Востокова (Цѣна въ отдѣльной продажѣ 50 коп.).

Голосъ Пастыря будетъ разосланъ при декабрьской книжкѣ (2-й); а Наше Время—при июльской (9-й). Такимъ образомъ, желающіе получить, кромѣ 12 книгъ журн. и 52 листовъ, еще книгу „Голосъ Пастыря“ и „Наше Время“, платятъ 4 руб.

Допускается разсрочка до 1 рублю на три срока, а подписавшіеся съ приложениями книгъ въ 1-й срокъ вносятъ 2 рубля.

Подписка принимается въ редакціи: Москва, Кузнецкая ул., 39; въ конторѣ Печковской, въ книжныхъ магазинахъ Суворина, Вольфа и др.

Редакторъ-издатель *Св. Владиміръ Востоковъ.*

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1915 ГОДЪ

Еженедѣльный иллюстрированный журналъ-газета

„ДРУЖЕСКІЯ РЪЧИ“

Въ каждомъ номерѣ: беллетристика и популярныя статьи. Хроника русской и заграничной жизни. Церковная жизнь. Народная трезвость. **Военный отдѣлъ** и воздухоплаваніе. Вѣсти и слухи. Отдѣлъ сельскаго и домашняго хозяйства. Справочныя цѣны. Биржа. Свѣдѣнія о новыхъ книгахъ и др. Цѣна 2 р. 20 к. съ перес. въ годъ. Адресъ Редакціи и Главной Конторы журнала: Петроградъ, Ул. Жуковскаго, 24. Пробный № высылается бесплатно.

Въ 1915 году всѣ годовые подписчики получаютъ **52 №№** журнала и **8 бесплатныхъ премій**:

1) Иллюстрирован. настольн. „Дружескій Календарь“ на 1915 г. въ художеств. обложкѣ въ 11 красокъ.

2, „Молочное хозяйство“ (хозяйств. ежегодникъ, годъ VIII). Полн., практ. руководство по веденію духовнаго молочн. хозяйства.

3) „Новѣйшія изобрѣтенія и открытія“ и практ. примѣненіе ихъ къ жизни. Чудеса науки и техники въ разл. област. знанія.

4) „Наши столицы“ и ихъ достопримѣчат. Иллюстр. путевод. по Петрограду и Москвѣ. Необход. справоч. свѣдѣнія для прѣзжающ.

5, 6, 7 и 8) Четыре отдѣл. выпуска „Сельское хозяйство, Промышленность и домоводство“. По сезон.: 1) „Весна“, 2) „Лѣто“, 3) „Осень“ и 4) „Зима“. Кажд. выпускъ будетъ содерж. рядъ практ. сов. по сел. хозяйству, промысл. и домовод.

Всѣ гг. подписчики на „ДРУЖЕСКІЯ РЪЧИ“ въ 1915 г., приславшіе годовую подписную плату 2 р. 20 к. полностью, за особую доплату 1 р. 80 к. а всего за 4 рубля получаютъ: 52 иллюстрированныхъ №№ журнала, 8 вышеперечисленныхъ премій и сверхъ того въ январѣ 1915 г. еще 5 премій по церковному или второму абонементу на выборъ:

1-й абонементъ „Домашній лечбникъ“. Общепон. настав. къ распознав. болѣзней и руков. къ леч. ихъ домаш. средств. Незамѣнимая книга тамъ, гдѣ врач. помощь трудно доступна. Необх. въ кажд. домѣ, какъ луч. пособіе для оказ. скорой первой помощи при внезап. заболѣв. до приб. врача. (130 стр.) 2) **Шпіонъ**. Романъ изъ эпохи русско-японск. войны. (150 стр.) 3) **Юмористическій сборникъ**. Анекдоты, веселыя сценки, шутки. (192 стр.)

2-й абонементъ 1) **Дѣловой Письмовникъ**. 10-е изданіе. Извѣст. справочн. книга, подъ ред. члена Совѣта Главноупр. Землеустр. и Землед. Бафталовскаго. Незам. пособ. для вед. самот. дѣлъ, полезн. для сельск. насел. и для должностн. лицъ. Содер. свыше 520 формъ прош. заяв., жалобъ и друг. дѣлов. бумагъ. (420 стр.) **Ветеринарія**. Лечеб. домаш. животн. Настольная книга для сельскаго хозяина. (132 стр.) 3) **Отечественная война и ея герои**. Въ изображ. рус. писат., съ рисун. (128 стр.)

Къ обоимъ абонементамъ 4) **Разстрѣлъ французскими войсками поджигателей въ Москвѣ въ 1812 году**, большая (10-18 вершк.) художественная картина въ 10 краскахъ. 5) **Серія открытокъ**. Десять художественно-исполненныхъ откр. писемъ.

Согласно почтовымъ правиламъ замѣна премій одного абонента преміями другого **НЕ ДОПУСКАЕТСЯ**.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА на 1915 годъ.

Издательство В. М. СКВОРЦОВА.

Дастъ своимъ подписчикамъ за 12 руб. 3 періодическихъ органа и 5 названій отдѣльныхъ изданій, а именно:

Ежедневная политическая, общественная и церковная газета

„КОЛОКОЛЬ“ X г. изд. въ годъ 300 №№

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА годъ 6 р. полгода, 3 р. 1 мѣс. 50 к.

Еженедѣльный иллюстрированный, апологетическій, проповѣдническій и духовно-беллетристическій журналъ VII г. изд. 52 №№

„ГОЛОСЪ ИСТИНЫ“ Подписная цѣна: на годъ 3 р., полгода 1 р. 50 к.

Годовые подписчики на газ. „КОЛОКОЛЬ“ и журн. „ГОЛОСЪ ИСТИНЫ“ вносятъ за оба изданія только 8 руб. и получаютъ бесплатно сочиненіе **РАЗОБЛАЧЕНІЕ ТАЙНЪ МАССОНСТВА**. Шавла Николо.

(Бесплатное приложеніе къ журналу „Голосъ Истины“) 2 части съ предисловіемъ епископа Перари Жуана. Перев. Валентины Коршъ.

Сверхъ того въ фельстонахъ газеты „КОЛОКОЛЬ“ будутъ напечатаны два высоко-художественныхъ произведенія, а именно: „НА ЗАРЬ БЛАГОДАТИ“, романъ изъ первыхъ временъ христіанства, Попова Пермскаго, автора „Живыхъ факеловъ“ и философскихъ этюдовъ „Зло“ и „Счастіе“. „ХРИСТІАНКА“ повѣсть изъ современной жизни Франціи. Переводъ Мазуренко.

XX г. изданія. Ежемѣсячный журналъ „МИССИОНЕРСКОЕ ОБЗРѢНІЕ“ 12 №№ съ 4 бесплатными приложеніями въ годъ.

Подписная цѣна: годъ 6 руб., полгода 3 руб.

150 №№ ПРАВОСЛАВНЫЙ БЛАГОВѢСТНИКЪ. Двухмѣсяч. 6 вып.

Путеводитель въ живомъ словѣ пастыря-проповѣдника и учителя вѣры и нравственности. Сборникъ подробныхъ проповѣдническихъ конспектовъ и схемъ на всѣ воскресныя и праздничныя церковныя службы, внѣбогослужебныя и миссіонерскія бесѣды въ кругу 1915 церковнаго года. **ЧУДЕСА и ЗНАМЕНІЯ НАШЕГО ВРЕМЕНИ**. Сборникъ религіозно-назидательныхъ разсказовъ изъ міра таинственнаго, расположенныхъ въ порядкѣ катихизическаго ученія о вѣрѣ.

Пособіе для церковныхъ поученій и христоматія для чтенія въ семьѣ и школѣ **ЦЕРКОВНЫЕ ВОПРОСЫ НА ДУМСКОЙ КАВЕДРѢ** и **Исторія**, и обличеніе новыхъ рационалистическихъ сентъ. Вновь переработанное сочиненіе Н. Гумилевскаго. (Будетъ печататься особымъ счетомъ страницъ въ „Миссіонерскомъ Обзорѣніи“ 1915 годъ).

Подписавшіеся на всѣ изданія и приложенія

ВМѢСТО 20 рублей ПЛАТЯТЪ ТОЛЬКО 12 рублей

и въ 1915 г. получаютъ: 300 №№ ежедневн. газ. „Колоколь“. 52 № еже- нед. журн. „Гол. Истины“. 12 №№ ежемѣсячн. журн. „Мисс. Обзор.“ 6 вып. „Прав. Благов.“ и 4 книжки бесплатн. приложеній.

РАЗОРОЧКА ДОПУСКАЕТСЯ для подписавшихся на всѣ изданія. При подпискѣ 9 руб., въ 15 іюля 3 руб.

Г.г. возобновляюще подписку, если не могутъ почему-либо выслать къ 1-му январю подписныя деньги, благоволятъ не позже 15-го декабря с.г. прислать открытку съ извѣщеніемъ— „подписку прошу возобновить на такія-то изданія, деньги высланы, будутъ тогда-то“ и приложить свой адресный билетъ за 1914 года.

Подписку просимъ избѣгать направлять чрезъ книжные магазины, такъ какъ и редакция и адресатъ теряютъ 5%, а адресовать исключительно на редакцію: Петроградъ, Невскій, 153, Редакція „Колоколь“.

Издатель-Редакторъ **В. М. СКВОРЦОВЪ.**

Редакторы: **И. И. Высоцкій и В. В. Смирновъ.**

Новые читатели, подписавшіеся до декабря, будутъ получать бесплатно „Колоколь“ до конца года.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1914—15 ГОДЪ (6-й г. изд.)

БЮЛЛЕТЕНИ ЛИТЕРАТУРЫ И ЖИЗНИ

Двухнедѣльный журналъ НОВАГО ТИПА.

4 руб. въ годъ за 24 книги.

Журналъ выходитъ два раза въ мѣсяцъ книжками въ 5—6 печат. л. большого формата. За годъ выйдетъ 24 кн. (болѣе 2000 страницъ). ♦ „Бюллетени“ идутъ навстрѣчу потребностямъ той массы интел. читателей, которая лишена возможности близко и широко знакомиться съ текущей печатью какъ періодич., такъ и неперіодич., какъ русской, такъ и иностранной. ♦ Главная задача журн.—всесторонне отражать картину идейной, духовной жизни современности. ♦ „Бюллетени“—это коллективная литер. памятка наиболѣе выдающихся явленій и фактовъ, равно какъ вопросовъ и задачъ современности. Поэтому они могутъ служить настольною книгою для каждого, серьезно интересующагося внутренней жизнью человѣческаго коллектива. ♦ За истекшій годъ въ „Бюл.“ напеч. 226 ст. по самымъ разнообраз. вопр. Кроме того даны: 1) сводъ отзывовъ о 500 книгахъ; 2) перечень около 3000 нов. кн., 3) содерж. болѣе 75 журн. за годъ и 4) библиографія по ряду отдѣльныхъ вопросовъ. ♦ Библиографія въ „Бюлл.“ ведется такъ полно, какъ ни въ одномъ изъ существ. журн. Въ такомъ видѣ она необходима для самаго широкаго круга читателей.

Трагическимъ событіямъ современной ВОЙНЫ „Бюлл.“ удѣляютъ особенное вниманіе, стремясь отразить на своихъ стр. все, что уясняетъ глубину и серьезность переживаемаго момента.

ОТЗЫВЫ ПЕЧАТИ: Утр. Рос.: „Жур заслуживаетъ особаго вниманія“. ♦ Рус. Вѣд.: „Бюлл. знакомятъ болѣе или менѣе обстоятельно съ выдающимися явл. соврем. жизни“... ♦ Рус. Шк.: „Бюлл.“ дѣлаютъ свое дѣло умѣло и живо. Они любопытны даже и для легкаго чтенія. Какъ справочникъ же „Бюлл.“ оказываютъ огромную услугу“. ♦ Огни: „Трудно представить себѣ человѣка, съ извѣстными культур. запр., который не нашелъ бы для себя чего-либо интереснаго въ журн.“... ♦ Рус. Сл. „Въ журн. запечатлѣна вся литер. жизнь года“... ♦ Совр. Сл.: „Задача журн. имѣетъ, несомнѣнно, культурно-популяризаторское значеніе“... ♦ Голосъ: „Въ журн. сосредоточено все новое, что позволяетъ постоянно быть въ курсѣ настроеній и исканій какъ отечественной, такъ и мировой мысли“. ♦ Илл. Обзор. Гол. М.: „Бюлл. безпристрастно и вполне объективно даютъ картину дух., нравственной, внут. русской жизни за цѣлый годъ“. ♦ Нов. Ж. для Вс.: „Бюлл.“ незамѣнимы, особенно въ провинціи“. ♦ Ряз. Вѣст.: „Бюлл.“ умѣло и умно рисуютъ на своихъ страницахъ картину русской жизни“... ♦ Ств. У.: „Журн. въ дѣльныхъ, обстоят. ст. даетъ квинтъ-эссенцію всего заслуживающаго вниманія въ литературѣ. Служитъ гармониче-

скимъ объединителемъ всего прочитаннаго и обдуманнаго“... ◆ Рус. Молва: „Все то важное, что терялось въ гущѣ журн. и пестромъ содерж. газетъ, извлечено заботливой рукой и въ хорошемъ, культурномъ видѣ преподнесено читателю. Много цѣннаго и важнаго найдутъ для себя въ этомъ матеріалѣ самые широкіе круги читателей“.

◆ Киев. Мысль: „Бюлл.“ могутъ просматривать съ интересомъ даже люди, имѣющіе возможность слѣдить за литературой по „первоисточникамъ“, а для провин. читателя, руководителей библиотекъ и т. д. журн. представляетъ интересъ сугубый“.

◆ Ран. Утро: Самые широкіе круги читающей публики не могутъ не интересоваться „Бюлл.“

◆ Вѣст. Восп.: „Изданіе, заслуживающее вниманія широкихъ круговъ читателей... Мы.. относимся съ сочувствіемъ къ этому полезному и интересному изд.“

◆ Жатва. „Хорошую культурную работу выполняютъ „Бюлл.“

◆ Нижегород. Лист: „...„Изданіе, очень интересное по своему характеру.. избавляетъ отъ перечитыванія всѣхъ журналовъ“

◆ Курск. Газ.: „...„Вотъ журн., которому по праву будетъ принадлежать будущее и самое изд. котораго—отрадиѣйшее литер. явл. современности“

◆ Изв. Одес. Библиогр. О-ва: „Для библиографовъ въ этомъ изданіи представл. большой интересъ отд. „отзывы о книгахъ“.

◆ Сибирь: „Типъ „Бюлл.“.. очень удачный.. Подборъ ст. дѣлается умѣло и, дѣйствительно, даетъ отраженіе „идейной, дух. жизни современности“.

Проспектъ журн. высылается бесплатно. Подписная цѣна: на годъ 4 р., 6 м.—2 р. 50 к., 3 м.—1 р. 25 к. За границу на годъ 5 р. Для сельск. учит. при непосредственномъ обращеніи въ контору на годъ 3 р. 50 к. Подписка приним. во всѣхъ книжн. магаз. и въ почт. учрежден. Имѣются полные комплекты „Бюлл.“ Цѣна компл. за 1911/12 и 1912/13 гг. по 3 р. безъ перепл. и по 4 р. въ перепл.; за 1913/14 г.—4 р. безъ перепл. и 5 р. въ перепл. Пересылка по вѣсу и разстоянію.

ПОДПИСНОЙ ГОДЪ НАЧИНАЕТСЯ СЪ 1-ГО СЕНТ. Можно подпис. съ 1-го числа каждаго мѣсяца.

Контора и ред.: Москва, Хлѣбный пер., д. 1. Тел. 5-02-06.

Издатели: В. Краудіевскій и В. Носенковъ. Редакторъ: В. Краудіевскій.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1915 ГОДЪ.

„КОРМЧИЙ“ XXVIII г. изд.

Иллюстрированный, религіозно-нравственный и общественный журналъ. ЕЖЕНЕДѢЛЬНО (52 № въ годъ).

ГЛАВНАЯ ЦѢЛЬ журнала—обслуживаніе духовныхъ запросовъ ПРАВОСЛАВНО-РУССКОЙ СЕМЬИ, поэтому и въ 1915 году, какъ и въ предшествующіе 27 лѣтъ „Кормчій“ явится тѣмъ же старымъ, испытаннымъ другомъ, ведя своихъ читателей къ тихой и вѣрной пристани, путь къ которой уже давно указанъ Св. Православною Церковью.

„Среди множества духовныхъ періодическихъ изданій „Кормчій“ единственный журналъ, который даетъ каждой семьѣ православно-русскаго человека благонестивое и понятное чтеніе. (Церков. Вѣд. при № 37, 1911 г.)

Всѣ годовые подписчики получаютъ БЕЗПЛАТНО 130 прилож.

52 № № Обзорніе церковн. обществ. событій. 52 № № иллюстриров. листы „ВО СВѢТѢ ЕВАНГЕЛІЯ“ 12 № № иллюстрированныхъ листовъ „ВОЗРОЖДЕНІЕ“ 12 № № книжечкы „БИБЛИОТЕКА КОРМЧАГО“

Кромѣ того 2 БОЛЬШИХЪ КНИГИ:

- 1) „**НА СЛУЖЕНІЕ СЛОВУ ХРИСТОВОЙ ИСТИНЫ**“. Сборникъ общепонятныхъ статей и поученій на воскресныя евангельскія чтенія церковнаго года. 2) „**ВѢРА И ЖИЗНЬ**“ (Иллюстрированное изданіе). Настольная книга для каждой православной семьи и прекрасное подспорье для внѣбогослужебныхъ чтеній.

Подписная цѣна за журналъ со всѣми бесплатными приложеніями: за годъ съ достав. и перес. 4 руб. и 2 руб. 50 коп. за полгода.

Пробный № высылается за двѣ 10 коп. марки.

Адресъ: Москва, Большая Ордынка, д. 27, редація журнала „Кормчій“.

Редакторъ издатель священникъ С. С. Ляпидевскій.

Открыта подписка на проповѣдническій журналъ

„ДУХОВНАЯ БЕСѢДА“,

(ГОДЪ VII-Й)

который будетъ выходить въ 1915 г. ЕЖЕМѢСЯЧНО, по слѣдующей программѣ:

- 1) Статьи и Замѣтки по вопросамъ пастырскаго служенія вообще и проповѣдническаго въ особенности. 2) Избранныя и составленныя по лучшимъ проповѣдническимъ образцамъ Слова и Поученія на дни воскресныя, праздничныя и на разные случаи изъ практики пастыря и жизни христіанина. 3) Поученія Катехизическія, Миссіонерскія, воинамъ, инокамъ и заключеннымъ въ темницѣ. 4) Поученія и рѣчи о вредѣ пьянства и пользѣ трезвой жизни, съ указаніемъ средствъ къ подавленію губельнаго порока пьянства и вступленія на путь трезвой жизни—5). Бесѣды по Гигіенѣ, а также о болѣзняхъ человѣка и ихъ врачеваніи, о кооперативныхъ товариществахъ, каковы: потреб. общества, пожарн. дружины, сельск. банки, ссудо-сберег. товарищества, приходскія попечит., братства и т. п. 6) На Злобы Дня или отклики на современные запросы человѣческаго духа, въ которыхъ будутъ обстоятельно выяснены съ христіанской точки зрѣнія причины и послѣдствія недуговъ нашего времени и указаны средства къ исцѣленію этихъ недуговъ. Этотъ отдѣлъ предназначается, главн. образомъ, для интеллигенціи и людей образованныхъ, питающихъ серьезный интересъ къ религіи и знакомыхъ съ религіозными сомнѣніями. 7) Проповѣди для дѣтей или задушевныя бесѣды законоучителя съ дѣтьми о предметахъ вѣры и благоповеденія христіанскаго въ храмѣ, школѣ и дома. 8) Бесѣды о Богослуженіи Прав. Церкви.

КРОМѢ ВСЕГО ЭТОГО, ШЕСТЬ БЕЗПЛАТНЫХЪ ПРИЛОЖЕНІЙ:

1) Календарь-Справочникъ на 1915 годъ, заключающій въ себѣ массу всевозможныхъ справокъ, необходимыхъ въ служебной и проповѣднической практикѣ пастыря и мірянина.

2) Живое слово. Оно будетъ заключать темы, планы и подроб. конспекты проповѣдей на весь годъ съ текстами, мыслями, изреченіями, подобіями и сравненіями, заимствованными изъ произведеній знаменитыхъ проповѣдниковъ и примѣрами изъ современной жизни, для проповѣдующихъ слово Божіе безъ книжки и тетрадки, составл. свящ. В. Бесѣдою.

3) Молитва Христіанина въ разсказахъ, очеркахъ и стихотв., составл. по руков. Слова Божія и выдающихся христіан. писателей и поетовъ.

4) Долой Пьянство. Бесѣды для борьбы съ ними и устр. обществъ трезвости.

6) Какъ надо жить, чтобы здоровымъ быть. Общедоступныя бесѣды о народномъ здравіи и врачеваніи. Вып. II-й. Первый вып. высылается за 40 коп.

6) Благовѣстникъ. Систематическій, разнообразный и самый полный сборникъ Поученій и Рѣчей на всевозможные случаи, обнимающій собою всю жизнь христіанина отъ рожденія до могилы. По полнотѣ и разнообразію предметовъ этотъ сборникъ будетъ превосходить всѣ изданія подобнаго рода и состоятъ изъ нѣсколькихъ большихъ томовъ. Въ 1914 г. данъ будетъ 4-й томъ. 1-й, 2-й, и 3 томы высылаются по 65 коп. каждый и 1 р. 75 к. всѣ вмѣстѣ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА; въ Россіи 2 руб. 50 к., за границу 3 руб. 50 к. въ годъ съ перес. За 1909—1913 г.г. журналъ весь разошелся, а за 1914 г. высылается за 2 р. 50 к. На 1/2 года, наложен. платеж. и по безденежнымъ заявленіямъ журналъ не высылается.

Адресь: Павлочь, Кіевск. губ., въ редакцію „Духовной Бесѣды“.

Открыта подписка на 1915 г.

3-й годъ изданія 2000 иллюстр. листовъ. 100 разныхъ названій Все необходимое для пастырей и пасомыхъ! Ежемѣсячный журналъ

„СВЯТЕЛЬ“

усердно и успѣшно распространяющій въ народѣ „крупичи пиши духовной“ прекрасно изданные, умѣло подобранные, всѣмъ понятныя назидательныя листки въ 4 страницы большого формата 2000 листовъ всѣ съ хорош. картин. для бесплатной раздачи народу. Подписная цѣна съ пересылк.: на 1 годъ 2000 листовъ 4 руб. на 1/2 года 1000 листовъ 2 руб. на 3 мѣсяца 500 1 руб. Въ отдѣльной продажѣ подобныя листки у другихъ издателей за 1000 лист. 5—7 р. безъ пересылки, а у насъ только 2 р. за тысячу листк. (при томъ же съ цѣнной преміей-книжками журнала) съ пересылкой. Центръ тяжести изданія: борьба съ пьянствомъ, хулиганствомъ и прочими пороками, Въ числѣ листовъ будутъ даны Житіе Святыхъ съ ясными изображеніями св. угодн. Воинхъ. Спѣшите подписаться! Журналъ безъ отдѣльныхъ листовъ (2 изданіе) въ годъ всего только 1 руб. съ пересылкой. Дешевле, лучше и больше въ Россіи никто дать не можетъ. Почему же такъ дешево и хорошо, узнаете въ 1-мъ номерѣ, который обязательно выйдетъ и будетъ всѣмъ подписчикамъ разсылаться съ 15-го декабря текущаго года. При книжкахъ журнала въ теченіе года будутъ даны множество прекрасно исполненныхъ картинъ на мѣловой бумагѣ, между прочимъ 100 портр. дѣят. трезв. О.о. Благочиннымъ, а также и всѣмъ подписчикамъ при одновременной годовой подпискѣ на каждые 10 экзempl. 1 экзemplаръ бесплатно. Своевременный и аккуратный выпускъ очередныхъ номеровъ обезпеченъ. Испытайте, подпишитесь пона на 3 мѣсяца за 1 рубль, и узнаете и навсегда останетесь подписчиками на „Святель“. Адресь: г. Уфа, редакція журнала „Святель“. Редакторъ-издатель. Священникъ І. Хохловъ.

Журналъ нашъ одобренъ и уже успѣлъ найти многихъ подражателей, старательно копирующихъ не только нашъ планъ изданія, но даже и объявленія наши. Но вѣдь всѣмъ извѣстно, что копія всегда далека по достоинству отъ подлинника. Изданіе чисто идейное. Редакторъ-издатель довольствуется черствымъ кускомъ хлѣба.

Относительно этого журнала послѣдовала такая резолюція Высокопреосвященнѣйшаго Архіепископа Харьковскаго Антонія: „Рекомендую это прекрасное изданіе въ церковныя, приходскія и школьныя бібліотеки“. А. А.

ная, и Духъ въ видѣ голубя подтвердилъ это слово схожденіемъ и пребываніемъ на Сынѣ (Іоан. I, 33—34), почему и событіе это въ церковно-богослужебныхъ книгахъ и пѣснопѣніяхъ называется *Богоявленіемъ*¹⁾. Господь, посылая Апостоловъ на проповѣдь, изрекъ: *Шедше убо научите вся языки, крестяще ихъ во имя Отца и Сына и Святаго Духа* (Мѣ. XXVІІІ, 19).

Изъ послѣднихъ словъ Господа І. Христа явствуетъ, 1) что три *Упостаси* или *Лица* Пр. Троицы суть *равнаго достоинства*: какъ Отецъ есть истинный Богъ, такъ Сынъ есть истинный Богъ, и Духъ Святый есть истинный Богъ, и 2) что при троичности Лицъ пребываетъ въ Богѣ *единство*. Спаситель заповѣдуетъ крестить: а) *равно* во имя и Отца, и Сына, и Св. Духа, б) при томъ—не *во имена*, а *во имя*. Почему и Ев. Іоаннъ говоритъ: *Триє суть свидѣтельствующіи на небеси: Отецъ, Слово и Святый Духъ: и сіи три едино суть* (1 Іоан. V, 7).—Этой внутренней тайны Божества вполне постигнуть мы не можемъ, ибо *Божія никтоже вѣсть, точію Духъ Божій* (1 Кор. II, 11), и должны плѣнять свой умъ въ послушаніе вѣры, т. е. со смиреніемъ вѣровать сей тайнѣ.

Различіе между лицами Св. Троицы заключается лишь въ слѣдующемъ: Богъ Отецъ не раждается и не исходитъ отъ другого лица; Богъ Сынъ предвѣчно раждается отъ Отца; Духъ Святый предвѣчно исходитъ отъ Отца.

Сотвореніе міра. Богъ въ Символѣ вѣры называется *Творцомъ неба и земли, всего видимаго и невидимаго*. Такъ, книга Бытія повѣствуетъ: *Въ началъ сотвори Богъ небо и землю* (—I, 1), и Ап. Па-

¹⁾ „Во Іорданѣ крещающуся Тебѣ, Господи, Троическое явися поклоненіе“ (Троп. праздн.).

вель объ І. Христѣ свидѣтельствуеть: *Тъмь создана быша всяческая, яже на небеси, и яже на земли, видима и невидима* (Колос. 1, 16).

Подъ небомъ и невидимымъ разумѣется міръ духовный, небожители, ангелы, а подъ землею и видимымъ—міръ вещественный, вся вселенная.—Міръ невидимый, духовный сотворенъ раньше міра видимого, и—Ангелы раньше людей. Объ этомъ Самъ Богъ такъ говоритъ въ книгѣ Іова: *Егда сотворены быша звѣзды, восхвалиша Мя гласомъ велиимъ вси Ангели Мои* (Іов. XXXVIII, 7).

Ангелы суть духи безплотные, одаренные умомъ, волею и могуществомъ, при томъ—въ большей степени, чѣмъ люди. Слово *Ангель*—значить *въстникъ* ибо Ангеловъ Господь посылаетъ людямъ возвѣщать волю Свою.

Такъ, Ангель явился Агари въ пустынѣ и спасъ ее съ Измаиломъ отъ смертельной жажды (Быт. XXI, 17); Ангелы предсказали Аврааму о рожденіи Исаака и вывели Лота изъ Содома (—XIX); Ангель удержалъ руку Авраама при жертвоприношеніи Исаака (—XXII, 11—12); Іаковъ видѣлъ во снѣ Ангеловъ съ таинственною лѣстницею (—XXVIII, 12); Ангель явился Іисусу Навину предъ взятіемъ Іерихона и обѣщаль ему помощь (Нав. V, 13—15); Ангель передалъ судіи Гедеону Божіе повелѣніе освободить Израильтянъ отъ руки Мадіанитянъ (Суд. VI, 11—23); Архангель Гавріиль возвѣщаетъ священнику Захаріи о рожденіи у него сына Іоанна Предтечи и благовѣствуетъ Дѣвѣ Маріи о рожденіи отъ нея Спасителя (Лук. I, 11—20; 28—38); Ангель является неоднократно Іосифу Обручнику (Мѣ. I, 20; II, 13; 19—20); Ангелы являются пастырямъ въ ночь рожденія Спасителя (Лук. II, 9—14); и мн. др.

Отсюда видно, что въ людямъ Ангелы, по волѣ Божіей, имѣють самое благодѣтельное отношеніе. Они внушаютъ людямъ чистыя мысли и благія желанія, руководятъ ихъ ко спасенію и охраняють отъ

грѣха и зла, поэтому называются *Ангелами хранителями*. Наименованіе это взято изъ слѣдующихъ словъ псалма: *Ангеломъ Своимъ заповѣсть о Тебѣ, сохранить Тя во всѣхъ путехъ Твоихъ* (Псал. XC, 11).

Ангелы хранители есть у cadaго народа и государства (Втрз. XXXII, 8; Дан. X, 13, 21; XII, 1; Иуд. 9), у cadaго—самаго малаго и простаго чело-вѣка—христианина. Спаситель сказалъ: *Блюдите, да не презрите единаго отъ малыхъ сихъ: глаголю бо вамъ, яко Ангели ихъ на небесахъ выну* (всегда) *видятъ лице Отца Моего небеснаго* (Мѡ. XVІІІ, 10).

Число Ангеловъ поэтому несмѣтно. Въ словѣ Божіемъ упоминаются легионы, тѣмы темъ и цѣлыя воинства Ангеловъ (Дан. VII, 10; Мѡ. XXVI, 52; Откр. V, 11).—Достоинство ихъ и степень приближенія къ Богу неодинаковы, сообразно ихъ духовнымъ силамъ и способностямъ. Они дѣлятся на девять ликовъ или чиновъ. Высшіе изъ нихъ называются херувимами и серафимами, низшіе—архангелами и ангелами. Нѣкоторые изъ нихъ имѣютъ собственныя имена; таковы: Михайлъ, Гавриилъ, Рафаилъ, Уриилъ и др.

Злые ангелы. Кромѣ добрыхъ ангеловъ есть ангелы злые или діаволы. Они сотворены добрыми, но впавши въ самолюбіе и гордость, нарушили долгъ всецѣлаго повиновенія Богу, отпали отъ Него и и пребываютъ въ злобѣ. Это, какъ говоритъ Ап. Іуда, *ангелы, не соблюдшіе своего начальства (достоинства), но оставшіе свое жилище* (ст. 6).

Слово *діаволь* значитъ клеветникъ и обольститель. Діаволы клеветуютъ людямъ на Бога (напр. въ раю Евѣ), а Богу на людей (на прав. Іова), коварствуютъ надъ людьми и, обольщая ихъ, внушаютъ имъ ложныя мысли и злыя желанія. Спаситель называетъ діавола отцомъ лжи и виновникомъ зла въ мірѣ (человѣкоубійцею). Обличая іудеевъ въ нечестіи, Онъ говоритъ: *вы отца вашего діавола есте, и похоти*

отца вашего хотите творити; онъ челоуѣкоубійца бѣ искони (отъ начала), и во-истиннѣ не стоитъ, яко нѣсть истины въ немъ: егда глаголетъ ложу, отъ своихъ (свое) глаголетъ, яко ложь есть, и отецъ лжи (Іоан. VIII, 44).

Міръ видимый. Послѣ міра невидимаго, или духовнаго, Богъ создалъ міръ видимый, Въ началѣ Богъ создалъ изъ ничего вещество міра—землю, которая была безвидна и пуста. Потомъ Богъ далъ этому веществу устройство въ *шесть* дней: въ *первый* произвелъ свѣтъ, во *второй*—твердь или видимое небо, въ *третій*—вмѣстилища водъ, сушу и растенія, въ *четвертый*—солнце, луну и звѣзды, въ *пятый*—рыбъ и птицъ, въ *шестой*—животныхъ на сушѣ и наконецъ челоуѣка. Въ *седьмой* день Богъ почилъ отъ дѣлъ Своихъ и вновь ничего не творилъ, почему день этотъ названъ *субботою*, т. е. днемъ покоя (Быт. II, 2).

Въ началѣ всѣ творенія были *добры зѣло*, т. е. все было чисто, прекрасно и безвредно. Особенно прекраснымъ былъ вѣнецъ творенія—челоуѣкъ, о которомъ Богъ во св. Троицѣ рекъ: *Сотворимъ челоуѣка по образу Нашему и по подобію* (Быт. I, 26), чѣмъ указано было на безмѣрное превосходство челоуѣка надъ прочими тварями. И сотворилъ Богъ тѣло перваго челоуѣка, *Адама* изъ земли, потомъ вдунулъ въ него дыханіе жизни, т. е. душу разумную, свободную и бессмертную; ввелъ Адама въ рай, т. е. прекрасный садъ, гдѣ было уготовано челоуѣку блаженное жилище, какъ для его тѣла, такъ и для души, чрезъ благодатное общеніе съ Богомъ: далъ ему въ раю пищу, кромѣ прочихъ плодовъ, плоды *древа жизни*, коими питаясь, челоуѣкъ могъ быть безболѣзненъ и бессмертенъ; наконецъ, взявъ у Адама

ребро, создалъ изъ него первую жену *Еву*, дабы всѣ люди были однимъ тѣломъ и естественно склонны были любить и беречь другъ друга.

Такимъ образомъ, тѣломъ своимъ человѣкъ былъ уподобленъ всѣмъ прочимъ тварямъ, а душою—Самому Богу. Псалмопѣвецъ говоритъ о первоизданномъ человѣкѣ: *Умалилъ еси его (Господи) малымъ чимъ отъ ангель: славою и честію вѣнчалъ еси его* (Пс. VIII, 6—7. Человѣкъ былъ призванъ къ *правдѣ* (праведности) и къ *преподобію* (святости) *истины* (Ефес. IV, 24), т. е. къ совершенству духовныхъ силъ и уподобленію ихъ Богу¹⁾.

Назначеніе человѣка. Богъ сотворилъ человѣка для того, чтобы онъ познавалъ Бога, любилъ и прославлялъ Его, и чрезъ это вѣчно блаженствовалъ. Это предназначеніе человѣка къ вѣчному блаженству называется *предопредѣленіемъ Божиимъ*. Но человѣкъ палъ и навлекъ на себя страданія и смерть. Господь и это предвидѣлъ и предопредѣлилъ дать новыя средства къ блаженству—чрезъ Господа І. Христа, въ коемъ такимъ образомъ Онъ *избра насъ прежде сложенія міра* (Ефес. I, 4). Такимъ образомъ, предопредѣленіе Божіе о блаженствѣ человѣка не упразднилось, а лишь видоизмѣнилось. При этомъ, Господь предвидитъ, кто изъ людей свободно прійметъ предваряющую Его благодать и спасительныя средства къ достиженію блаженства, а кто-употребитъ свою свободу во зло, и потому первыхъ какъ

¹⁾ Отцы и учителя Церкви (Іустинъ философъ, Иринеи Ліонскій, Іоаннъ Дамаскинъ) полагаютъ образъ Божій въ природныхъ силахъ человѣка—умъ, сердце и волю, даже въ его тѣлѣ („Виду во гробѣхъ лежащую, по образу Божію созданную нашу красоту“...),—коихъ вполне изгладить, даже при паденіи, невозможно; а подобіе Божіе человѣкъ долженъ самъ пріобрѣтать, развивая умъ, очищая сердце, укрѣпляя волю въ добрѣ и вообще стремясь къ добродѣтельной и богоугодной жизни.

бы предопредѣляетъ къ блаженству, а другихъ осуждаетъ. *Иже бо предувѣдѣ* (предузналъ), *тѣхъ и предустави* (предопредѣлилъ,—Рим. VIII, 29). И прав. Церковь учитъ: *Поелику Онъ предвидѣлъ, что одни хорошо будутъ пользоваться своею свободною волею, а другіе худо: то посему однихъ предопредѣлилъ къ славу, а другихъ осудилъ* (Излож. вѣры Вост. Патр., чл. 2).

Неправы поэтому реформаты и кальвинисты въ ученіи о безусловномъ предопредѣленіи Божіемъ, по которому Богъ будто бы однихъ предопредѣляетъ ко спасенію, а другихъ къ гибели—независимо отъ воли и желанія самихъ людей и вопреки ихъ усиліямъ проводить богоугодную жизнь.

О промыслѣ Божіемъ. Послѣ сотворенія міра и человѣка Богъ не оставилъ ихъ безъ Своего попеченія, но все содержитъ въ Своей силѣ и въ Своей волѣ, почему въ Символѣ называется *Вседержителемъ*. Такое дѣйствіе Божіе называется *промысломъ Божіимъ*, подъ которымъ разумѣется непрестанное дѣйствіе всемогущества, премудрости и благости Божіей, которымъ (дѣйствіемъ) Богъ сохраняетъ бытіе и силы тварей, направляетъ ихъ къ благимъ цѣлямъ, всякому добру вспомоществуетъ, а возникающее чрезъ удаленіе отъ добра зло пресѣкаетъ, или исправляетъ, и обращаетъ къ добрымъ послѣдствіямъ.

Промыслъ Божій виденъ въ жизни какъ цѣлыхъ народовъ, такъ и каждаго изъ людей. Въ Вѣтхомъ Завѣтѣ особенно народъ іудейскій находился подъ непрестаннымъ дѣйствіемъ промысла Божія. Богъ избралъ іудеевъ изъ среды другихъ народовъ и дѣтоводилъ его отъ Египта и до временъ Новозавѣтныхъ, посылая ему великія знаменія и чудеса и смиряя ихъ въ заблужденіяхъ и нечестіи различными

путями и даже бѣдствіями. Въ частности, промыслъ Божій ясенъ въ жизни Іосифа, Іакова, Іова, Давида, Іліи, Даніила и другихъ Ветхозавѣтныхъ праведниковъ, равно какъ въ жизни cadaго изъ насъ. Изъ праведниковъ особенно трогательна и поучительна исторія Іосифа, котораго братья возненавидѣли, продали въ рабство и надѣялись погубить его, но Богъ прославилъ его въ Египтѣ и помогъ ему спасти отъ смерти какъ отца, такъ и своихъ братьевъ.

Давидъ во многихъ псалмахъ (напр. 3, 120, 134, 135 и др.) учитъ о промыслѣ Божіемъ въ жизни всѣхъ и cadaго, но особенно въ 90-мъ псалмѣ¹⁾ изображаетъ особыя и многообразныя пути промысла Божія ко благу и спасенію человѣка. Посему Спаситель, научая избѣгать малодушія и маловѣрія, внушаетъ намъ излишне не заботиться о благахъ міра сего и о средетвахъ къ жизни, а прежде искать *царствія Божія и правды его*, въ остальномъ же возлагать упованіе на Бога (Мѡ. VI, 25—34). *Возрите, говоритъ Онъ, на птицы небесныя, яко не стѣютъ, ни жнутъ, ни собираютъ въ житницы, и Отецъ вашъ небесный питаетъ ихъ: не вы ли паче лучше ихъ есте* (—ст. 26)?—Притчи І. Христа объ овцѣ пропавшей (Лук. XV, 1—7) и о драхмѣ потерянной (—ст. 8, 9) трогательно укрѣпляютъ насъ грѣшныхъ въ мысли, что Господь І. Христосъ, какъ добрый Пастырь, потерявшій одну овцу изъ ста другихъ, или какъ женщина, потерявшая одну драхму изъ десяти, не оставляетъ безъ спасенія ни одной погибшей души, но употребляетъ всѣ способы къ возвращенію ея въ Свое (Христово) стадо, при чемъ *радость бываетъ (на небеси) предъ Ангелы Божіими о единомъ (и объ одномъ) грѣшникѣ кающемся* (ст. 10).

¹⁾ „Живыи въ помощи Вышнему въ кровь Бога небеснаго водворится“...

7. Второй членъ Символа вѣры.

Во второмъ членѣ Символа вѣры говорится о второмъ Лицѣ Пр. Троицы, Господѣ І. Христѣ, именно: о Его Божествѣ, противъ лжеученія Арія.

Арій былъ священникомъ въ г. Александріи (IV в.) и былъ человѣкъ ученый, но очень гордый. Когда на патриаршій престолъ, вопреки ожиданіямъ для себя этого сана самого Арія, былъ возведенъ менѣе ученый, но благочестивый Александръ, то Арій выступилъ противъ него съ порицаніями и въ поученіяхъ, вмѣстѣ съ нападками на патриарха, сталъ развивать нечестивое ученіе о томъ, что Богомъ въ истинномъ смыслѣ является лишь первое Лице, Богъ Отецъ; Сынъ же Божій является не равнымъ по существу и не совѣчнымъ Богу Отцу, а лишь превосходнѣйшимъ твореніемъ, созданнымъ Отцомъ *во времени*, хотя и ранѣе человѣка, и даже Ангеловъ. Смѣшавъ понятіе о *существовѣ* Божіемъ съ понятіемъ о *лицахъ* Пр. Троицы, Арій думалъ этою ересью изложить догматъ о Св. Троицѣ *вполнѣ* понятно для разума, и внести ясность въ то исконное, но—какъ думалъ Арій—спутанное вѣрованіе Церкви о лицахъ Св. Троицы, какъ объ Ипостасяхъ Трїедиаго Бога, которымъ, по мнѣнію Арія, нарушался основной догматъ христіанства о Единобожіи. Признавая одного Бога Отца вѣчнымъ и истиннымъ Богомъ и считая Сына (и Св. Духа) второстепенными божественными Существомъ, Арій надѣялся чрезъ это сохранить христіанское ученіе какъ о единствѣ Божіемъ, такъ и о Троичности лицъ Божества.

Ересь была ужасна; она ниспровергала въ корнѣ все христіанство, такъ какъ, если бы Христосъ не былъ истиннымъ Богомъ, то не могъ бы и искупить насъ. Императоромъ Константиномъ В. былъ созванъ въ г. Никее *первый Вселенскій Соборъ* (325 г.), который, осудивъ ересь Арія и установивъ равночестность и совѣчность Бога Отца и Бога Сына, кратко, ясно и точно изложилъ эти истины въ *первыхъ семи членахъ* нашего Символа.—Особенно сильно обличали Арія на этомъ Соборѣ: св. Афанасій Великій, впоследствии патриархъ Александрійскій, опровергшій Арія силою своею христіанскою—ученаго краснорѣчія; св. Спири-

донъ Тримифунтскій чудотворецъ, посрамившій лжемудрыхъ еретиковъ простою рѣчью и совершеннымъ чудомъ надъ кускомъ глины, и св. Николай Мирликійскій чудотворецъ, который, по преданію, такъ вознегодовалъ на Арія за его нечестивыя рѣчи о Сынѣ Божіемъ, что, не сдержавшись, ударилъ еретика въ ланиту; Отцы Собора, устранивъ на время св. Николая изъ засѣданій, вскорости снова допустили его, уваживъ въ немъ пламенную ревность къ защитѣ православія и горячность его негодованія противъ дерзкаго еретика.

Наименованія второго Лица Пр. Троицы. Второе Лице Пр. Троицы называется въ Символѣ: а) *Сыномъ Божіимъ*—по Божеству, какъ Его собственнымъ именемъ, въ отличіе отъ другихъ тварей (Іоан. I, 48; Евр. I, 1—2);—б) *Иисусомъ*, т. е. Спасителемъ, такъ какъ Онъ пришелъ на землю спасти людей, и в) *Христомъ*, т. е. помазанникомъ.

Иисусомъ назвалъ Его Архангелъ Гавріилъ въ откровеніи Іосифу о тайнѣ рожденія Спасителя отъ Дѣвы (Мѡ. I, 20—21) и при радостномъ Благовѣщеніи Пр. Дѣвѣ Маріи (Лук. I, 31).—*Христомъ* (по еврейски *Мессія*) называли Его Пророки, когда ожидали Его на землю.

Помазанниками въ Вѣтхомъ Завѣтѣ назывались *цари, первосвященники и Пророки*, отъ помазанія ихъ священнымъ муромъ, чрезъ которое имъ подавались дары Св. Духа: царямъ—мудрость и сила для управленія народомъ еврейскимъ и защищенія его отъ враговъ, первосвященникамъ—святость для представительства за народъ предъ Богомъ, и пророкамъ—вѣдѣніе для наученія людей вѣрѣ и благочестію¹⁾.

¹⁾ Пророки получали дары Св. Духа (призваніе къ пророческому служенію) иногда не чрезъ помазаніе священнымъ муромъ, а въ знаменіяхъ и видѣніяхъ; напр. пр. Елисей—чрезъ милоть Іліину, при восхожденіи Іліи на небо на огненной колесницѣ; Исаія—чрезъ прикосновеніе къ его устамъ горящаго угля съ небснаго жертвенника, въ видѣніи Господа Саваога на престолѣ; Іезекіиль—чрезъ непосредственное вселеніе въ него Духа Божія въ видѣніи колесницы съ ангелами и серафимами на подобіе животныхъ.

Замѣчательнѣйшіе изъ помазанниковъ Ветхаго Завѣта были: пророки—Самуилъ, Илія, Елисей и Исаія; первосвященникъ—Ааронъ; цари—Саулъ, Давидъ и Соломонъ.

а) *Самуилъ* былъ послѣднимъ судіею у евреевъ и управлялъ народомъ мудро и безкорыстно. На него стали смотрѣть, какъ на пророка, еще въ отрочествѣ, при первосвященникѣ Иліѣ, во время откровенія ему въ скинии о судьбѣ Илія и его нечестивыхъ сыновей. Самуилъ неоднократно защищалъ евреевъ отъ филистимлянъ, училъ ихъ вѣрѣ и благочестію и предстательствовалъ за нихъ предъ Богомъ. Когда онъ состарился, и евреи, по примѣру другихъ народовъ, пожелали имѣть у себя царя, то Самуилъ, опасаясь упадка у евреевъ чрезъ это богоправленія, отклонялъ народъ отъ этого желанія и уступилъ оному, лишь спросивъ Бога. Онъ не переставалъ заботиться о благѣ народа и послѣ помазанія Саула на царство; оплакивалъ потерю Сауломъ Божіаго благоволенія и, по указанію Божію, вмѣсто Саула помазалъ на царство Давида (1 Цар. IV—VIII).

Илія жилъ при самомъ нечестивомъ царѣ Израильскомъ Ахавѣ и отличался необычайною ревностію къ славѣ Божіей. За нечестіе царя и народа онъ, по повелѣнію Божію, заключилъ отъ дождя небо на 3½ года и низвелъ дождь на землю лишь своею молитвою; испросилъ у Бога огонь съ неба при всенародномъ жертвоприношеніи на горѣ Кармилъ для рѣшенія спора, почитать ли Ваала, или Бога истиннаго; самъ заклалъ жрецовъ Вааловыхъ, какъ развратителей народа; но не видя быстрого прекращенія нечестія во Израилѣ, просилъ себѣ у Бога смерти, за что получилъ на горѣ Хоривѣ, сперва, въ громѣ и вихрѣ, затѣмъ въ легкомъ дуновеніи вѣтра вразумленіе въ Божіемъ долготерпѣніи и милосердіи къ грѣшникамъ, потому, что не всѣ во Израилѣ развратились, но осталось 7 тысячъ мужей, не преклонившихъ колѣнъ предъ Вааломъ; наконецъ, за великую праведность и ревность по славѣ Божіей былъ взятъ живымъ на небо (3 Цар. XVII—XXII; 4 Цар. I).

Елисей, пророчествовалъ во Израилѣ послѣ учителя своего Иліи и принялъ отъ него, вмѣстѣ съ милотію, сузгубый даръ пророческій. Онъ отличался великимъ милосердіемъ къ людямъ и творилъ много чудесъ. Такъ, онъ улучшилъ воду въ Іерихонѣ вложеніемъ въ источникъ соли.

облегчилъ участь несчастной вдовы съ дѣтьми, коимъ грозило рабство за долги отца, чудеснымъ умноженіемъ ея масла; воскресилъ сына одной благочестивой женщины, дававшей пророку пристанище; спасъ учениковъ пророческихъ отъ смерти чрезъ отравленную похлебку, всыпавъ въ нее муки; исцѣлилъ отъ проказы Сирійскаго военачальника Неемана; не прекратилъ чудесныхъ знаменій и по смерти, воскресивъ умершаго, прикосновеннаго къ его костямъ (4 Цар. гл. гл. I—IX).

Исаія былъ однимъ изъ великихъ пророковъ въ Іудеѣ, до плѣна Вавилонскаго, при царяхъ Озіи, Ахазѣ, Езекии и Манассіи, и получилъ даръ пророческій въ видѣніи Господа Саваоа, сидящаго на престолѣ въ небесномъ храмѣ, окруженнаго Херувимами и Серафимами ¹⁾. Прор. Исаія грозно обличалъ іудеевъ въ нечестіи и предсказалъ имъ Вавилонскій плѣнъ. Кромѣ того, онъ далъ множество ясныхъ предсказаній о Спасителѣ, напр., что Онъ родится отъ Дѣвы; будетъ проповѣдывать въ Галилеѣ; будетъ отличаться необычайною кротостію („льна курящагося не погаситъ и трости надломленной не сокрушитъ“) и безотвѣтностію въ страданіяхъ („какъ овца, веденъ былъ Онъ на закланіе... такъ Онъ не отверзалъ устъ Своихъ“); самыя страданія предсказалъ съ удивительною ясностію и подробностію, за что получилъ въ Церкви наименованіе *Ветхозавѣтнаго Евангелиста* (Ис. гл. гл. VI, VII, LIII и др.).

б) Изъ *первосвященниковъ* былъ замѣчательнъ *Ааронъ*. Онъ былъ братомъ Прор. Моисея и первымъ первосвященникомъ у евреевъ. Помазанъ былъ на священство самимъ Моисеемъ (Лев. гл. VIII), при чемъ на первую жертву, принесенную имъ въ новоустроенной скиніи, сошелъ огонь отъ Господа и попалилъ ее (—IX, 24). Дѣйственность и плодоносимость его священства явлена была отъ Бога во время возмущенія противъ него и Моисея Корея, Дафана и Авирона, когда, для прекращенія волненія среди евреевъ, Моисей по повелѣнію Божію внесъ въ скинію жезлы отъ cadaго колѣна и положилъ ихъ предъ ковчегомъ завѣта; и жезлъ Аарона не только процвѣлъ, но принесъ и зрѣлыя плоды миндальные (чис. XIV—XVII).

¹⁾ Серафимская пѣснь: *Святъ, Святъ, Святъ Господь Саваоа: исполнь небо и земля славы Твоея.*

в) *Саулъ* былъ первымъ царемъ у евреевъ и помазанъ на царство Самуиломъ. При помазаніи Духъ Божій почилъ на Саулъ, и онъ сталъ пророчествовать. Сперва онъ былъ послушенъ Богу, успѣшно велъ войны и защищалъ народъ отъ язычниковъ. Но слава и успѣхи ослѣпили его, и онъ сталъ нетерпѣливъ, непослушенъ Богу и дерзокъ по отношенію къ Пророку Божію Самуилу. Богъ оставилъ его, и онъ сталъ мучимъ злымъ духомъ, потерялъ успѣхъ въ войнахъ и въ другихъ царскихъ дѣлахъ. Въ одну изъ несчастныхъ войнъ съ филистимлянами Саулъ потерялъ сыновей и палъ на собственный мечъ для прекращенія жизни (1 Цар. IX—XXXI).

Давидъ былъ помазанъ на царство отъ Самуила еще въ юныхъ лѣтахъ, при жизни Саула. Духъ Божій почилъ на Давидъ, укрѣпилъ его на Голиафа и защищалъ въ преслѣдованіи его Сауломъ. Царствованіе Давида было славнымъ и многоплоднымъ для евреевъ, хотя и было исполнено непрестанныхъ войнъ съ сосѣдними языческими народами. Давидъ отличался необычайною кротостію (2 Цар. XVI, 10—12; Псл. 131, 1), благочестіемъ (3 Цар. III, 14) и глубокимъ смиреніемъ и покаяніемъ предъ Богомъ (2 Цар. XII, 16; Пс. пс. L, CI и др.). Плодомъ его благочестія, горячей любви и преданности къ Богу и его самыхъ разнообразныхъ славословій и молитвенныхъ воздыханій къ Нему является священная книга Псалтирь, наичаще употребляемая при Богослуженіи и заключающая въ себѣ разнообразныя пророчества объ І. Христѣ.

Соломонъ воцарился послѣ отца своего Давида и извѣстенъ своею необычайною мудростію (3 Цар. III). Онъ составилъ много притчъ и пѣсней, при чемъ обнаружилъ глубокое знаніе природы и человѣческой жизни, описалъ растенія отъ кедра до иссопа и далъ много мудрыхъ наставленій для жизни. Царствованіе его было счастливымъ для евреевъ, было свободно отъ войнъ и направлено на внутреннее и внѣшнее благоустройство народа. Имъ же былъ сооруженъ первый Іерусалимскій храмъ, поражающій своими размѣрами, красотой и богатствомъ. Но слава и роскошь изнѣжили Соломона, и онъ впалъ въ грѣхи и даже въ идолопоклонство. За это Богъ исполнилъ вторую половину его жизни лишеніями и волненіями народа, что заставило его

раскаяться и обратиться къ Богу. Плодомъ его разочарованія въ роскоши и удовольствіяхъ и глубокаго покаянія явилась его книга Экклезіастъ (3 Цар. IV—IX).

Но Ветхозавѣтнымъ Помазанникамъ дары Св. Духа сообщались лишь отчасти, сообразно служенію cadaго, при томъ—не какъ самодовлѣющая сила, но какъ пути и средства къ принятію людьми *грядущаго Мессіи*. Въ собственномъ же смыслѣ и въ полной мѣрѣ *Помазанникомъ* явился одинъ лишь Иисусъ Сынъ Божій, ибо Его человѣчеству, по рожденіи, непосредственно, безъ помазанія священнымъ мѣромъ (Лук. I, 32—33; II, 40, 52; III, 22), безмѣрно сообщены всѣ дары Св. Духа, именно: *вѣдѣніе* Пророка, *святость* Первосвященника и *могущество* Царя.

а) *Пророческое служеніе* I. Христа состояло въ томъ, что Онъ просвѣтилъ человѣчество свѣтомъ истиннаго Богопознанія (Ин. I, 18; IX, 16—18) ¹⁾ и принесъ на землю совершеннѣйшій законъ вѣры и благодати (Лук. IV, 18—21). Онъ сообщилъ людямъ о Богѣ, о Самомъ Себѣ и о мірѣ столько, сколько люди могутъ вмѣстить (Мѣ. VII, 12; V, 48) и преподалъ людямъ не только *новый* законъ любви (Мѣ. XXII, 37; Гал. III, 28), но и силы и средства осуществить этотъ законъ, Самъ возлюбивъ міръ до смерти крестной (Іоан. III, 16; Фил. II, 8). Такимъ образомъ, Онъ явился *исполненіемъ* и Главою той истины, коей учили Ветхозавѣтные Пророки лишь по частямъ, почему Самъ училъ людей *какъ власть имѣющій, а не какъ книжники* (Мр. I, 22), и *всѣ дивились словамъ благодати, исходившимъ изъ устъ Его* (Лук. IV, 22). Его предсканія о будущемъ касаются предметовъ не *внѣ* Его лежащихъ, а—Его Самого и судьбъ міра, коими Онъ Самъ будетъ руководить (Мѣ. гл. XXV; XXVIII, 20), и которыя будутъ стоять въ непрестанной борьбѣ Христа и вѣліара (Лук. II, 34), добра и зла, пока не наступитъ Страшный Судъ.

¹⁾ Церковь поетъ въ праздникъ Христова Рождества: *Рождество Твое, Христе Боже нашъ, возсія мірови свѣтъ разума.*

б) *Первосвященническое служение* І. Христа состояло въ томъ, что Онъ не только научилъ насъ истинной вѣрѣ и благочестію, но и *примирилъ* человѣка съ Богомъ, возстановилъ между ними союзъ, разрушенный грѣхомъ, сокрушилъ силу грѣха въ человѣческой природѣ и возродилъ ее до способности осуществить требованія Божьяго закона. Для этого І. Христу потребно было стать не только Первосвященникомъ, но и *жертвою* (Евр. IX, 12; Ефес. V, 2), не только „приносящимъ, но и приносимымъ“¹⁾, въ чемъ Онъ бѣзмѣрно превосходитъ служеніе Ветхозавѣтныхъ Первосвященниковъ, коихъ служеніе было не *совершительнымъ*, какъ служеніе Іисуса, но лишь *прообразовательнымъ*. Посему Онъ, будучи Первосвященникомъ *святымъ и непорочнымъ*, не имѣетъ нужды ежедневно, какъ тѣ (въ Ветх. Завѣтѣ) *первосвященники, приносить жертвы, сперва за свои грѣхи, потомъ за грѣхи народа; (но) совершилъ это однажды, принесши въ жертву Себя Самого* (Евр. VII, 26—27). Эту жертвою Христосъ удовлетворилъ оскорбленной правдѣ Божіей (Пс. LXXXIV, 11; Римл. III, 25) и возвратилъ людямъ сыновство, праведность и блаженство (Гал. IV, 5—7), ибо *какъ непослушаніемъ одного чловѣка сдѣлались многіе грѣшниками, такъ и послушаніемъ Одного*²⁾ *сдѣлаются праведными многіе* (Рим. V, 19). Отсюда, крестныя страданія и смерть І. Христа подвигаютъ человѣка на борьбу съ грѣхомъ и возрождаютъ его къ новой жизни. *Христосъ пострадалъ по намъ, намъ оставилъ образъ, да послѣдуемъ стопамъ Его* (1 Петр. II, 21). Поэтому мы, *взирая на Начальника и совершителя вѣры, Іисуса, должны свергнуть съ себя всякое бремя и затинающій насъ грѣхъ, и съ терпѣніемъ проходить предлежащій намъ подвигъ христіанскаго благочестія* (Евр. XII, 1—2).

в) Христосъ явился *Царемъ* и Владыкою вселенной не только по Божеству Своему, но и по *человѣчеству*: Онъ не исцѣлительныя болѣзни исцѣлялъ, мертвыхъ воскрешалъ, бури укрощалъ, бѣзмѣрно хлѣбы умножалъ. Но особенно Онъ проявилъ Царственную власть надъ адомъ и смертію. *Христосъ, оживъ духомъ, объ этомъ и сущимъ въ темницѣ* (вѣ

¹⁾ Молитва іерея на литургіи во время „Херувимской пѣсни“.

²⁾ „Послушавъ былъ адъ до смерти, смерти же крестной“ (Фил. II, 6—8).

адѣ) *духовомъ сошедъ проповѣда* (1 Петр. III, 18—19), чѣмъ дана была возможность спастись не только живущимъ на землѣ, но и отшедшимъ въ загробный міръ, кто изъ нихъ пожелалъ воспріять это благовѣстіе, особенно Вѣтхозавѣтные праведники, изведенные Христомъ изъ ада „въ свѣтлыя обители Отца небеснаго“ (Прав. Исп. ч. I отв. 49). Христось, затѣмъ, побѣдилъ Свою смерть Своимъ воскресеніемъ, а вмѣстѣ съ симъ и намъ далъ надежду на блаженное воскресеніе: *Христось возста изъ мертвыхъ, начатокъ умершимъ бысть* (1 Кор. XV, 20), давъ намъ знаменіе, что его крестныя страданія и смерть прихвѣты Отцомъ небеснымъ, какъ жертва Ему благоудная и совершенная, и что дѣло нашего искупленія дѣйствительно совершено и является воочію дѣйственнымъ. Наконецъ, вознесшись на небо, Христось въ лицѣ Своемъ прославилъ нашу природу, спосадилъ ео Отцу небесному и явился *нашимъ Предтечею на небесахъ* (Евр. VI, 20).

Итакъ, Исусъ Сынъ Божій есть Помазанникъ, или *Христось* по преимуществу.

Божество Сына Божія и Его единосуціе съ Богомъ Отцомъ. Второе Лице Пр. Троицы, Сынъ Божій, кромѣ того, въ Символѣ называется:

а) *Господомъ*—въ томъ смыслѣ, что есть *истинный Богъ*. Имя *Господь* есть одно изъ именъ Божіихъ. Ев. Іоаннъ говоритъ: *Въ началѣ (искони, вѣчно) бѣ Слово, и Слово бѣ къ Богу (у Бога, одно съ Богомъ) и Богъ бѣ Слово (и Слово есть Богъ,—Іоан. I, 1).*

б) *Единороднымъ*, такъ какъ Онъ есть единственный Сынъ, рожденный изъ *существа* Бога Отца и составляющій съ нимъ *одно существо*; Ангелы же и Святые люди называются сынами Божіими лишь *по благодати* (по милости), а не по существу рожденія. Ев. Іоаннъ говоритъ: *Слово плоть бысть, и вселися въ ны, и видѣхамъ славу Его, славу яко Единороднаго отъ Отца, исполнь благодати и истины (Іоан. I, 14); Бога никтоже видѣ нигдѣже: Единородный Сынъ, сый въ лонѣ Отчи, Той исповѣда (явилъ,—ст. 18).*

в) *Рожденнымъ отъ Отца прежде всѣхъ вѣкъ.* Рожденіе отъ Отца составляетъ личное свойство второго Лица и отличіе Его отъ другихъ лицъ Пр. Троицы. Но рожденіе Его отъ Отца является *предвѣчнымъ*, т. е. *исконнымъ*, *постояннымъ*, а не во времени, какъ нечестиво мыслилъ Аріій. Противъ его лжеученія и прибавлены въ Символъ слова *прежде всѣхъ вѣкъ*. Но чтобы еще опредѣленнѣе установить истину не только предвѣчнаго рожденія Сына отъ Отца, но чрезъ это и равенство Его съ Богомъ Отцомъ, въ Символъ Онъ названъ:

г) *Рожденнымъ, не сотвореннымъ*, ибо, какъ мы видѣли¹⁾, еслибы Сынъ Божій раждался *не предвѣчно*, а во времени, хотя и ранѣе людей, и даже Ангеловъ, то Онъ былъ бы не Богомъ, а такою же тварію, хотя и болѣе совершенною, какъ и другія твари. Но тварь ниже сотворившаго. Если же Сынъ *рожденъ* (предвѣчно раждается), а *не сотворенъ*, то—равенъ по существу Богу Отцу.—Въ этомъ же смыслѣ Онъ въ Символѣ еще названъ:

д) *Богомъ истиннымъ и единосущнымъ Отцу*, такъ какъ Сынъ Божій есть тотъ же истинный Богъ, что и Отецъ, и одного съ Нимъ существа. Ев. Іоаннъ говоритъ: *Сей есть истинный Богъ и животъ вѣчный* (1 Іоан. V, 20), а Спаситель о Себѣ говоритъ: *Азъ и Отецъ едино есма* (Іоан. X, 30).

Наконецъ, въ Символѣ вѣры еще о Сынѣ Божіемъ сказано: *Свѣта отъ свѣта и Имже вся быша.*

е) Слова *свѣта отъ свѣта* подобіемъ видимаго свѣта нѣсколько изъясняютъ непостижимое и предвѣчное рожденіе Сына Божія отъ Отца. Свѣтъ солнца и свѣтъ видимый во всей природѣ, т. е. лучи солнца, мы различаемъ одинъ отъ другого, но зна-

¹⁾ См. выше, о ереси Арія и о первомъ Вселенскомъ Соборѣ.

емъ, что и солнце, и его лучи—по природѣ одно и то же, и лучи рождаются отъ солнца же. Подобно этому, мы различаемъ Бога Отца и Бога Сына; но Богъ Сынъ рождается отъ Бога Отца—вѣчнаго *свѣта* (1 Іоан. I, 5), и будучи съ Нимъ одного нераздѣльнаго существа, является тѣмъ же вѣчнымъ *свѣтомъ*, что и Богъ Отецъ.

ж) Слова *Имже вся быша* указываютъ на участіе Бога Сына въ сотвореніи Богомъ Отцомъ и Св. Духомъ всего видимаго и невидимаго, которое Отецъ сотворилъ Сыномъ, какъ вѣчною Своею премудростію и вѣчнымъ Своимъ Словомъ. *Вся Тьма быша, и безъ Него ничтоже бысть, еже бысть*, говоритъ Ев. Іоаннъ (I, 3), чѣмъ ясно обозначаетъ, что если Богъ Слово участвовалъ въ твореніи міра, то Самъ Онъ не можетъ быть тварью.

Такимъ образомъ, Отцы *перваго* Вселенскаго Собора ясно и точно изложили во 2-мъ членѣ своего Символа ученіе о Божествѣ Сына Божія и Его Единосущи съ Богомъ Отцомъ, чѣмъ совершенно опровергли нечестивое о Немъ ученіе Арія.

8. Третій членъ Символа вѣры.

Въ третьемъ членѣ Символа вѣры говорится о сошествіи на землю Сына Божія *насъ ради чловѣкъ и нашего ради спасенія*, Его воплощеніи отъ Духа Святаго и Маріи Дѣвы, и Его вочеловѣченіи.

Сошествіе съ небесъ Сына Божія должно разумѣть не въ томъ смыслѣ, что до этого Его на землѣ вовсе не было, и что по сошествіи Онъ пересталъ быть на небѣ; ибо Онъ, какъ Богъ, вездѣсущъ; но лишь въ томъ смыслѣ, что до явленія Своего во плоти Онъ на землѣ былъ невидимъ, а потомъ сталъ видимъ. *Никтоже взыде на небо, такмо сшедый съ небесе Сынъ*

Человѣческій, сый на небеси, говоритъ о Себѣ І. Христосъ (Іоан. III, 13).

Цѣль пришествія на землю Сына Божія выражена въ словахъ Символа вѣры: *насъ ради человѣкъ, и нашего ради спасенія*. а) *Насъ ради человѣкъ*: Сынъ Божій пришелъ спасти не одинъ какой-нибудь народъ (напр. іудеевъ, которые ожидали Мессію для однихъ себя), тѣмъ болѣе—не нѣкоторыхъ только избранныхъ людей, но *всѣхъ человѣкъ* безъ исключенія.—б) *Нашего ради спасенія*: Христосъ пришелъ спасти людей отъ грѣха, проклятія и смерти.

Грѣхъ есть преступленіе (нарушеніе) закона: *грѣхъ есть беззаконіе* (1 Іоан. III, 3). Но такъ какъ люди сотворены по образу Божію, а Богъ согрѣшать не можетъ, то грѣхъ прившелъ въ природу человѣка со внѣ, отъ діавола: *творяй грѣхъ, отъ діавола есть: яко исперва діаволь согрѣшаетъ* (1 Іоан. III, 8).

Произошло это такъ. Богъ, поселивъ Адама въ Раю, далъ ему заповѣдь, для укрѣпленія воли въ добрѣ, о вкушеніи плодовъ древа познанія добра и зла, оградивъ эту заповѣдь угрозою смерти за ея нарушеніе. Напротивъ, въ исполненіи ея заключался для человѣка источникъ безконечной святости и блаженства. Діаволь, нарушивъ долгъ совершеннаго извиненія Богу и самъ лишившись блаженства, позавидовалъ блаженству первыхъ людей, вошелъ въ змія, прельстилъ Еву и Адама и склонилъ ихъ преступить Божію заповѣдь. Прельщеніе состояло въ обѣщаніи, что если они вкусятъ плодовъ древа познанія добра и зла, то не только не умрутъ, но будутъ сами, какъ боги, и будутъ знать добро и зло. Люди повѣрили діаволу, прельстились его обѣщаніемъ и красотою плодовъ и склонились нарушить заповѣдь Божію. На это они имѣли формальное право и возможность—потому, что при сотвореніи имъ дана была *свободная воля*; но воля эта, хотя и склонна была любить Бога, еще не окрѣпла въ добрѣ (какъ у добрыхъ Ангеловъ), и они ее *употребили во зло*.—Угроза Божія исполнилась; вкушеніе отъ плода познанія добра и зла оказалось для людей смертонос-

нымъ—не потому, что сами по себѣ плоды были смертоносны¹⁾, но—потому, что люди *ослушались* Бога, повѣрили больше діаволу, разрушили союзъ съ Богомъ, лишились Его общенія и благодати, какъ *источника жизни*, и подпали власти діавола—*человѣкоубійцы искони* (Іоан. VIII, 44). Запрещенное дерево оказалось поистинѣ древомъ *познанія* добра и зла, ибо люди *опытомъ* познали, какое благо заключается въ послушаніи волѣ Божій, и какое зло—въ ея нарушеніи. Такимъ образомъ, отъ грѣха Адамова произошли *проклятіе и смерть*.

Проклятіе—это осужденіе грѣха праведнымъ судомъ Божиимъ, и отъ грѣха произшедшее зло въ мірѣ, въ наказаніе людямъ. Богъ сказалъ Адаму: *проклята земля въ дѣлѣхъ твоихъ* (Быт. III, 17). Земля перестала быть столь плодоносною, какъ до грѣха, и рядомъ съ добрыми плодами стала приносить тернія и волчцы. Человѣкъ присужденъ *въ потъ лица своего ѣсть хлѣбъ свой* и подверженъ нынѣ разрушительнымъ стихіямъ природы (—III, 17—19).

Смерть произошла двоякая: тѣлесная и духовная. Тѣлесная—когда тѣло лишается души, теряетъ чувство и разрушается, а духовная—когда душа умираетъ грѣхомъ, лишается благодати Божіей, духовнаго свѣта, радости и блаженства и пребываетъ въ состояніи мрака, скорби и страданія.

Первородный грѣхъ. Грѣхъ Адама и Евы со всѣми его гибельными послѣдствіями для души и тѣла перешелъ на все ихъ потомство. Проклятіе и смерть постигли *всѣхъ* людей—потому, что люди происходят не отъ кого иного, но отъ Адама, зараженнаго грѣхомъ, и сами грѣшатъ. Псалмопѣвецъ воздыхаетъ: *въ беззаконіихъ зачатъ есмь, и во грѣсѣхъ роди мя мати моя* (Пс. L, 7), а праведн. Іовъ свидѣтельствуется: *никтоже чистъ будетъ отъ скверны, аще и одинъ*

¹⁾ При сотвореніе было *все добро зело* (Быт. I, 31).

день житіе его на земли (Іов. XIV, 4—5). И какъ отъ зараженнаго источника естественно течеть зараженный потокъ, такъ отъ родоначальника, зараженнаго грѣхомъ, и потому смертнаго, естественно происходитъ зараженное грѣхомъ, и потому смертное потомство. Слово Божіе говоритъ: *Единтъмъ человекомъ (Адамомъ) грѣхъ въ міръ вниде, и грѣхомъ смерть: и тако смерть во вся человеки вниде, въ немъ же (потому что) вси согрѣшиша* (Рим. V, 12).

Наклонность ко грѣху и нравственная порча, унаслѣдованная нами отъ прародителей, называются грѣхомъ *первороднымъ* или прародительскимъ, въ отличіе отъ грѣховъ каждаго изъ насъ, которые являются *произвольными*. Отвѣтственность за первородный грѣхъ снимается съ насъ въ таинствѣ Крещенія, но слѣдствія грѣха, т. е. наклонность ко злу, болѣзни и смерть остаются и послѣ этого таинства, почему мы грѣшимъ и по Крещеніи. Отъ этихъ произвольныхъ грѣховъ мы очищаемся въ таинствѣ Покаянія.

Первородный грѣхъ и всѣ его послѣдствія отразились тотъ часъ на ближайшихъ потомкахъ прародителей. По изгнаніи изъ Рая¹⁾, у Адама и Евы стали раждаться дѣти. Первымъ родились Каинъ и Авель. Каинъ оказался столь грубымъ и завистливымъ, что убилъ своего брата Авеля, озлобившись на него за то, что жертва Авеля, принесенная съ смиреніемъ и вѣрою въ Бога, была принята, а его—Каинова жертва, принесенная съ сердцемъ безчувственнымъ и безъ усердія, была отвергнута (Быт. IV). Въмѣсто Авеля Богъ послалъ Адаму и Евѣ Сифа, столь же благочестиваго, какъ и Авель. Потомки его почитали Бога и называются въ словѣ Божіемъ *сынами Божиими*, потомки же Каина были людьми нечестивыми и названы *сынами человеческими* Быт. VI, 2). Когда сыны Божіи стали брать себѣ въ жены дочерей человеческихъ, то нечестіе на землѣ такъ умножилось, что Богъ *раскаялся* въ сотвореніи человекѣ и положилъ истребить все живущее потопомъ (Быт. VI). Потопъ продолжался около

400 летъ²⁾. Богъ изгналъ Адама и Еву изъ Рая, дабы они не могли вкушать плодовъ древа жизни и избѣжать заслуженной ими смерти (Быт. III, 22—24).

года и истребилъ на землѣ всѣхъ людей и животныхъ, за исключеніемъ лишь Ноя съ семействомъ и—тѣхъ животныхъ, которыхъ Богъ приказалъ Ною взять съ собою въ ковчегъ, каждой породы по парѣ, мужескаго пола и женскаго (—гл. VII и VIII).

Когда отъ сыновей Ноя родъ человѣческой снова размножился, и люди вскорѣ должны были разойтись въ разныя стороны, то нѣкоторые изъ нихъ сказали: „построимъ себѣ городъ и башню, высоту до небесъ, и сдѣлаемъ себѣ имя, прежде нежели разсѣмся по лицу всей земли“. И не угодно было Богу это суетное предпріятіе; и смѣшалъ Онъ языкъ людей, и они перестали понимать другъ друга, и Богъ разсѣялъ ихъ по всей земли, а недостроенному городу и башнѣ было дано имя *Вавилонъ*, что значитъ *смѣшеніе* (—гл. XI).—Когда люди разошлись въ разныя стороны, то вскорѣ забыли истиннаго Бога, и стали почитать вмѣсто Него разныя твари, какія кто изъ нихъ признавалъ для себя добрыми или злыми, и такимъ образомъ появилось на землѣ *идолопоклонство* съ его заблужденіями и нечестіемъ.

Обѣтованіе Божіе о Спасителѣ. Дабы люди не отчаялись въ спасеніи, Богъ даровалъ еще первымъ людямъ, когда они исповѣдали предъ Нимъ свой грѣхъ, надежду спасенія, обѣщавъ, что *Сѣмя жены сотретъ главу змія* (Быт. III, 15), т. е. что Потомокъ людей, Господь І. Христосъ, имѣющій родиться *безъ мужа* отъ Пресв. Дѣвы Маріи, нѣкогда побѣдитъ діавола, прельстившаго людей, и избавитъ ихъ отъ грѣха, проклятія и смерти. Польза этого обѣщанія, которое называется *первоевангеліемъ*, была въ томъ, что люди, получивъ оное, могли спастись вѣрою въ *грядущаго* Спасителя, какъ мы спасаемся вѣрою въ *пришедшаго*.

Но когда появилось идолопоклонство, то большая часть людей забыла обѣщаніе о Спасителѣ. Богъ употребилъ особыя средства для сохраненія истинной вѣры среди людей и всегдашняго памятованія о Спасителѣ. Такъ, Онъ избралъ Авраама, переселилъ его съ женою Саррою и племянникомъ Лотомъ изъ земли

Халдейской (Харранъ) въ землю Ханаанскую, и сказалъ ему: „Я произведу отъ тебя великій народъ, и благословлю тебя; и *благословятся о стѣмени твоёмъ вси языцы земнии*“ (Быт. XII, 13; ср. XXII, 18 и др.). Богъ неоднократно являлся Аврааму и повторялъ ему свое обѣщаніе, вступивъ съ нимъ въ завѣтъ и установивъ въ знакъ этого *обрѣзаніе* (—гл. XVII).

Отъ Авраама и его жены Сарры въ старости лѣтъ родился сынъ Исаакъ, отъ Исаака—Исавъ и Іаковъ. Іаковъ, спасаясь отъ мести брата за похищеніе первородства (—гл. XXVII), принужденъ былъ уйти изъ дома отца въ землю Харранъ (Месопотамію), и мучимый тоскою одиночества, былъ утѣшенъ необычайнымъ видѣніемъ во снѣ (въ Веѣилѣ) таинственной лѣстницы, высотой до небесъ, по которой восходили и нисходили Ангелы. Вверху лѣстницы стоитъ Господь и говоритъ Іакову: „Я Богъ Авраама, отца твоего, и Богъ Исаака, не бойся. Земля, на которой ты лежишь, Я дамъ тебѣ и потомству твоему. И будетъ потомство твое, какъ песокъ земный... и *благословятся въ тебѣ и Стѣмени твоёмъ всѣ племена земныя*“ (—XXVIII, 13—14).

Отъ Іакова и его 12-ти сыновей произошелъ народъ еврейскій или израильскій, котораго Богъ избралъ для сохраненія обѣтованія о Спасителѣ и дѣтвовалъ его отъ Египта до временъ Новозавѣтныхъ. Съ этою цѣлію Богъ даровалъ евреямъ законъ съ его богослуженіемъ и жертвами, который являлся прообразомъ будущаго царства Меесіи и былъ поистинѣ *тѣстуномъ во Христа* (Гал. III, 24). Особенно великое Мессіанское значеніе имѣли *жертвы всесожженія*, которые давали человѣку наглядное напоминаніе его грѣховъ и виновности предъ Богомъ (Евр. X, 3), и вмѣстѣ съ симъ указывали на Спасителя, будущаго Первосвященника и единственную Жертву, угодную Богу за грѣхи всего міра (Евр. VII, 27; IX, 12; Ефес. V, 2).—Кромѣ закона, Богъ уяснялъ будущія времена Мессіи чрезъ прообразы. Жертвоприношеніе Исаака предуказывало на любовь Бога Отца къ человѣку, не пощадившаго единственнаго Сына Своего для спасенія міра. Лѣстница Іакова указывала на снисхожденіе

Сына Божія на землю чрезъ воплощеніе отъ Дѣвы Маріи. Агнецъ пасхальный изображалъ страждущаго и спасающаго насъ Своею кровію Агнца Божія І. Христа. Мѣдный змій въ пустынѣ Самимъ І. Христомъ признанъ прообразомъ Его крестныхъ страданій для спасенія міра (Іоан. III, 14—15). Трнадцатидневное пребываніе Іоны во чревѣ китовомъ указывало на тринадцатидневное погребеніе Спасителя (Мѡ. XII, 40), и мн. др.

Кромѣ Адама, Авраама, Іакова и др., обѣтованіе о Спасителѣ Богъ повторялъ впоследствии Давиду и другимъ Пророкамъ. Давиду Онъ сказалъ: *возставляю Сѣмя твое по тебѣ* (послѣ тебя), *и управляю престолъ Его до вѣка* (2 Цар. VІІ, 12—13).

Чрезъ Пророковъ Богъ указалъ *признаки*, по которымъ люди могли бы узнать родившагося Спасителя. Этими признаками были разныя обстоятельства Его рожденія и земной жизни.

а) Пророкъ *Исаія* предсказалъ, что Спаситель родится отъ Дѣвы („*се Дѣва во чревь приметъ*“,— Ис. VІІ, 14); онъ же необычайно ясно и подробно изобразилъ будущія добровольныя и безотвѣтныя страданія І. Христа и указалъ на ихъ спасительность для людей („*язвою Его мы исцѣлѣхомъ*“,— Ис. гл LІІІ).

б) Прор. *Михей* предсказалъ, что Спаситель родится въ Виѡлеемѣ (Мих. V, 2), и Іудеи хорошо знали это предсказаніе, прежде нежели узнали о его исполненіи (Мѡ. II, 4—6).

в) Прор. *Малахія*, по созданіи второго Іерусалимскаго храма, предсказалъ, что этотъ храмъ, хотя и бѣднѣе, но будетъ славнѣе перваго Соломонова, чрезъ явленіе въ немъ Мессіи, предъ которымъ явится Предтеча, подобный прор. Илии, т. е. Іоаннъ Креститель (Мал. III, 1; IV, 5).

г) Прор. *Захарія* предсказалъ торжественный входъ въ Іерусалимъ Господа, Царя кроткаго, возсѣвшаго на осленка (Зах. IX, 9; Мѡ XXI, 5).

д) Прор. *Давидъ* въ XXI псалмѣ изобразилъ крестныя страданія І. Христа съ такою точностію, какъ бы записалъ оныя у самаго креста¹⁾. Онъ же предсказалъ о сошествіи Спасителя во адъ, о Его воскресеніи, вознесеніи на небо и сѣдѣніи одесную Бога Отца (Псл. XV, 10; LXVII, 19; СІХ, 1).

е) Прор. *Даніиль* указалъ точное время пришествія Мессіи („*Семьдесятъ седмиць сократишася*“, т. е. чрезъ 490 лѣтъ послѣ плѣна Вавилонскаго), Его крестную смерть, разрушеніе храма и Іерусалима и прекращеніе Ветхозавѣтныхъ жертвъ (Дан. гл. IX).

Руководствуясь этими обѣтованіями и признаками, кои провидѣніе Божіе приготовило для спасительнаго вѣрованія въ грядущаго Мессію, люди безошибочно могли узнать въ родившемся Іисусѣ своего Спасителя и Господа.

Воплощеніе Сына Божія. Когда пришла полнота временъ (Гал. IV, 4), и человѣчество извѣдало всю глубину растлѣнія и собственное безсиліе къ возрожденію и спасенію, то Сынъ Божій *воплотился отъ Духа Свята и Маріи Дѣвы, и вочеловѣчился* (слова Символа).—*Воплотился*, т. е. принялъ на Себя плоть человѣческую, кромѣ грѣха, и сдѣлался человѣкомъ, не переставая быть Богомъ. *Славо плоть бысть* (Іоан. I, 14); *Богъ явися во плоти* (1 Тимѣ. III, 16), говоритъ слово Божіе.—*Вочеловѣчился*, т. е. принялъ не одну лишь плоть, или тѣло, какъ думали нѣкоторые²⁾, но и *душу* человѣческую, т. е. не пере-

¹⁾ Напр. ст. 2-й: *Божже, Божже мой, воуми Ми, вскую оставилъ. Мѧ еси.* Ст. 8—9: *Вси видящии Мѧ поругашамися, глаголаша устнами, покиваша главою: упова на Господа, да избавитъ Его, да спасетъ Его, аще хощетъ. Его* (если Онъ угоденъ Ему). Ст. 19-й: *Раздѣлиша ризы Моя себѣ и о одсѣди Моей меташа жребій.* Срав. Мѣ. XXVII. 27, 35, 39, 43, 46; Іоан. XIX, 24 и др.

²⁾ Еретики *Аполлинариане*, въ IV в.)

ставъ быть Богомъ, сталъ полнымъ человѣкомъ, изъ души и тѣла. Ап. Павелъ говоритъ: *Единъ Ходатай Бога и человѣковъ, Человѣкъ Христосъ Исусъ* (1 Тимѳ. II, 5).

Такимъ образомъ, въ I. Христѣ, по Его воплощеніи, находятся *нераздѣльно* (неразлучно) и *неслѣянно* (непреложно, т. е. неизмѣнно) два естества: Божеское и человѣческое, и, по этимъ естествамъ, *два* воли, съ добровольнымъ подчиненіемъ воли человѣческой волѣ Божіей; почему въ немъ, при двухъ естествахъ, пребываетъ не два лица, но *Одно Лице*, Богъ и человѣкъ вмѣстѣ, иначе: *Богочеловѣкъ*.

Еретикъ Несторій (V в.) утверждалъ, что Ис. Христосъ сперва родился, какъ обычный человѣкъ, и лишь впослѣдствіи съ нимъ нравственно (внѣшне, а не по существу) соединился Богъ Сынъ. Поэтому I. Христа нужно признавать не Богочеловѣкомъ, а лишь богоносцемъ, какъ Моисея и др. пророковъ, и Пресв. Дѣву Марію именовать не Богородицею, а Христородицею. Эта ересь, возводившая хулу на Сына Божія еще въ большей степени, чѣмъ Аріева, осуждена была на *третьемъ Вселенскомъ Соборѣ* (431 г.), въ г. Ефесѣ. Соборъ опредѣлилъ исповѣдывать, что Господь I. Христосъ есть *совершенный Богъ и человѣкъ*, почему и Пр. Дѣву Марію призналъ достойнымъ и справедливымъ именовать *Богородицею*, ибо, хотя I. Христосъ родился отъ нея не по Божеству, а по человѣчеству, однако же Родившійся отъ Нея въ зачатіи и рожденіи отъ Нея былъ и есть *истинный Богъ*.

Ев. Лука повѣствуетъ, что столь чудесное воплощеніе Сына Божія отъ Дѣвы Маріи произошло по наитію Св. Духа: *Духъ Святыи найдетъ на Тя, и сила Вышняго осянеть Тя*, сказалъ Ей Архангелъ, когда Она выразила недоумѣніе: *како будетъ сіе* (зачатіе), *идтиже мужа не знаю* (Лук. I, 34—35)? Посему Она нарицается *Приснодѣвою*, ибо до рождества, въ рождествѣ и по рождествѣ Спасителя пребыла и пребываетъ Дѣвою.

Наименованіе Богородицы дано было Дѣвѣ Маріи въ самомъ изреченіи Прор. Исаи о рожденіи отъ нея Эммануила, еже есть сказано: съ нами Богъ (Ис. VII, 14), а также праведною Елизаветою, которая, при свиданіи съ Дѣвою Маріею, пришедшею къ ней, какъ къ своей родственницѣ, подѣлиться радостію Благовѣщенія, воскликнула: откуда мнѣ сіе, да прииде Мати Господа моего къ мнѣ? (Лук. I, 39—56). Посему достоинство Приснодѣвы столь высоко, что Она, какъ Матерь Божія, превосходитъ благодатію и приближеніемъ къ Богу всѣ твари и ублажается въ св. Церкви честнѣйшею Херувимовъ и славнѣйшею безъ сравненія Серафимовъ.

Опровергая Несторія, еретикъ Евтихій (V в.) вдался въ другую крайность и сталъ утверждать, что въ Господѣ I. Христѣ, истинномъ Богѣ и родившемся по челоуѣчеству, челоуѣческое естество было поглощено Божествомъ, почему въ Немъ слѣдуетъ признавать одно только Божеское естество (монофизиты). — *Четвертый Вселенскій Соборъ (451 г.) въ гор. Халкидонѣ, въ дополненіе 3-го Собора, опредѣлилъ: Господь нашъ I. Христосъ есть истинный Богъ, предвѣчно раждающійся отъ Отца, и истинный челоуѣкъ, родившійся отъ Пр. Дѣвы Маріи во времени и подобный во всемъ намъ, кромѣ грѣха; при воплощеніи Божество и челоуѣчество соединилось въ Немъ, какъ въ единомъ Лицѣ, нераздѣльно и неразлучно (противъ Несторія), и неслиянно и непреложно (неизмѣнно, — противъ Евтихія).*

Рождество Господа I. Христа совершилось во дни Ирода, царя Іудейскаго, при Римскомъ кесарѣ Августѣ, коему въ то время подчинена была Іудея. Импер. Августъ издалъ указъ о всеобщей переписи. Іосифъ и Марія, какъ потомки Давида, изъ Назарета пришли въ Вифлеемъ, и не найдя въ немъ мѣста, остановились въ пещерѣ. Здѣсь въ глубокую ночь и благоволилъ родиться Спаситель. Перваго благоуѣстія о семъ удостоились пастухи въ полѣ. Имъ явились Ангелы и огласили небо пѣніемъ: Слава въ вышнихъ Богу, и на земли миръ, въ челоуѣцкѣ благоуоленіе. Пастухи пришли въ пещеру и поклонились Спасителю (Лук. II, 1—20).

Затѣмъ, узнали о Его рожденіи волхвы—восточные мудрецы по явившейся имъ необычайной звѣздѣ, которая привела ихъ сперва въ Іерусалимъ, къ царю Проду, затѣмъ въ Виѳлеемъ. Волхвы поклонилися родившемуся Господу и принесли Ему въ даръ золото, ливанъ и смирну (Мѡ II, 1—12).

Въ 40-й день по рожденіи, младенца Іисуса принесли въ храмъ *поставити Его предъ Господемъ*. Здѣсь встрѣтилъ Его праведный старецъ Симеонъ (Богопріимецъ), принялъ Его въ свои объятія, благословилъ Бога и сказалъ: *Нынѣ отпуцаеши раба Твоего, Владыко, по глаголу Твоему съ миромъ* (Лук. II, 22—38).—По возвращеніи Іосифа и Маріи въ Назаретъ Галилейскій, Младенецъ возрасталъ, укрѣплялся духомъ, исполняясь премудрости; и благодать Божія была на Немъ. Эта премудрость и помазанность ясно обнаружилась въ Отрокѣ Іисусѣ въ одно изъ посѣщеній Его Іерусалимскаго храма съ Своими Родителями, когда Онъ, будучи 12-ти лѣтъ, удивилъ книжниковъ и старцевъ Своимъ необычайнымъ разумомъ и отвѣтами, а предъ Родителями Своими обнаружилъ сознаніе, что Онъ есть Сынъ Божій, по человѣчеству же пребывалъ въ повиновеніи у нихъ, за что и былъ въ любви у Бога и человѣковъ (Лук. II, 40—52).

Всѣ обстоятельства благовѣщенія, рожденія и отрочества Іисуса убѣдили многихъ, что родившійся Отрокъ есть Спаситель Господь. Но особенно многіе узнали Спасителя по Его чудесамъ и превосходству ученія, когда Онъ, по крещеніи и схожденіи на Него Святаго Духа въ видѣ голубя ¹⁾, вступилъ въ открытое служеніе роду человѣческому. Такъ, въ одинъ изъ праздниковъ Іудейскихъ Онъ исцѣлилъ разслабленнаго въ Іерусалимѣ, который 38 лѣтъ лежалъ при Овчей купели и не могъ, тотъ часъ по возмущеніи воды отъ Ангела, сойти въ воду раньше другихъ для полученія исцѣленія. Господь исцѣлилъ

¹⁾ Это убѣдило Іоанна Крестителя, что Крестившійся отъ него въ Іорданѣ есть Сынъ Божій (Іоан. I, 33), а также убѣдилъ Крестителя гласъ съ неба отъ Бога Отца: *Сей есть Сынъ Мой возлюбленный, о Немже благоволихъ* (Мѡ. III, 17).

его однимъ словомъ: встань, возьми постель твою и ходи (Іоан. V, 1—8). Въ другой разъ, Господь исцѣлилъ слѣпорожденнаго чрезъ помазаніе ему очей брѣніемъ отъ плюновенія и повелѣлъ ему умыться въ Силоамѣ. Чудо это, выходящее изъ ряда другихъ, совершенно убѣдило самого исцѣленнаго въ Божественномъ достоинствѣ І. Христа и произвело расколъ даже среди злыхъ его враговъ—фарисеевъ (Іоан. IX, 1—38). Затѣмъ, І. Христосъ однимъ Своимъ всемогущимъ словомъ укротилъ бурю на Галилейскомъ морѣ и спасъ учениковъ отъ потопленія (Мр. IV, 37—39); исцѣлилъ Гадаринскаго бѣсноватаго, изгнавъ изъ него также однимъ Своимъ словомъ легионъ демоновъ (Мр. V, 1—9); воскресилъ дочь Іаира (—ст. 22, 23, 35—42); насытилъ 5.000 человекъ пятью хлѣбами (—VI, 34—44); чудесно ходилъ по водамъ и предотвратилъ отъ учениковъ опасность кораблекрушенія (—VI, 45—51, и мн. др.

При Богослуженіи Правосл. Церкви обстоятельства рожденія І. Христа, Его чудеса, ученіе и вся вообще спасительная для насъ жизнь воспоминается на литургіи,—между прочимъ: на проскомидіи и литургіи оглашенныхъ.

Литургія значитъ общественное служеніе; это наименованіе оставлено за самую главную службою, на которой совершается таинство Причащенія. Литургія должна быть совершаема въ храмѣ¹⁾, коего *трапеза* (престолъ), или—въ крайнемъ случаѣ—вмѣсто трапезы *антимисъ*, на которомъ совершается Таинство, долженъ быть освященъ Архіереемъ.

Литургія совершается въ слѣдующемъ порядкѣ: а) готовится вещество для Таинства, б) вѣрующіе готовятся къ Таинству, и в) совершается самое Таинство.

Проскомидія есть часть литургіи, на которой готовится вещество для Таинства. Слово *проскомидія* значитъ *принесеніе*, потому что древніе христіане приносили въ храмъ

¹⁾ Храмы называются *церквами*, потому что въ нихъ собираются для молитвы и совершенія таинствъ вѣрующіе, составляющіе Церковь.

хлѣбъ и вино для Тайинства. Самый хлѣбъ называется *просфорою*, что значитъ *приносъ, приношеніе*.—На проскомидіи воспоминаются пророчества и прообразы, а частію и самыя событія рождества и страданія І. Христа. Изъ просфоры вынимается часть, необходимая для совершенія Тайинства, и полагается на свящ. блюдѣ—дискосѣ¹⁾; затѣмъ, въ потиръ (чашу) вливается необходимая часть краснаго вина съ водою²⁾. При этомъ пресвитеръ воспоминаетъ всю Церковь: прославляетъ Святыхъ и молится за живыхъ и умершихъ.

Хлѣбъ для Тайинства долженъ быть такой, какого требуетъ самое имя хлѣба (наилучшій), святость Тайинства и примѣръ І. Христа и Апостоловъ, т. е. хлѣбъ квасный, чистый и пшеничный. Хлѣбъ, вынимаемый изъ первой просфоры, называется *Агнцемъ*, такъ какъ онъ изображаетъ Іисуса Христа, *Агнца Божія, вземлющаго грѣхи міра* (Іоан. I, 29), какъ въ Ветхомъ Завѣтѣ представлялъ Его *Агнецъ Пасхальный*, котораго Израильтяне, по повелѣнію Божію, закалали и ѣли, въ память избавленія отъ гибели въ Египтѣ.

Литургія оглашенныхъ есть вторая часть Литургіи, къ слушанію которой, кромѣ крещенныхъ и допускаемыхъ до причащенія³⁾, допускаются и оглашенные, т. е. готовящіеся къ крещенію (съ голоса, устно), а также кающіеся, не допускаемые до причащенія.—Пѣніе на ней псалмовъ *изобразительныхъ* (102 и 145), или антифоновъ, *изображаетъ*, или заключаетъ въ себѣ славословіе Богу за всѣ Его неизреченныя милости, явленныя въ руководительство Ветхозавѣтныхъ людей къ принятію Спасителя. Ко 2-му псалму присоединяется слѣдующая вдохновенная пѣснь благочестиваго греч. императора Юстиніана (VI в.), въ опроверженіе ереси монофизитовъ: *Единородный Сыне и Слове Божій, безсмертенъ съй, и изволивый, спасенія нашего ради, воплотитися отъ Святыя Богородицы и Приснодѣвы Маріи, непре-*

¹⁾ Дискосъ означаетъ ясли въ пещерѣ рождества І. Христа, а также камень гроба Христова.

²⁾ Вино соединяется съ водою въ знакъ того, что послѣ смерти І. Христа на крестѣ изъ прободеннаго ребра Христова *абие изыде кровь и вода* (Іоан. XIX, 34).

³⁾ Вѣрующіе на ней приготовляются къ Тайнству молитвами, пѣснопѣніями и чтеніемъ книгъ Апостольскихъ и Евангелія, почему и для нихъ она является спасительнымъ оглашеніемъ, назиданіемъ.

ложно (безъ преложенія одного естества въ другое) вочеловѣчивыйся, распныйся же, Христе Боже, смертію смерть поправый¹⁾, Единъ съи Святыя Троицы, прославляемый Отцу и Святому Духу, спаси насъ.—Малый входъ съ Евангеліемъ напоминаетъ вступленіе І. Христа въ дѣло открытаго служенія челоѣческому роду и Его проповѣдь, а возженная свѣча предъ Евангеліемъ—свѣтъ Евангельскаго ученія. Самое чтеніе книгъ Апостольскихъ и Евангелія восполняетъ эти воспоминанія изложеніемъ обстоятельствъ рожденія І. Христа, Его чудесъ и жизни, а также ученія І. Христа и Его Апостоловъ.—Литургія оглашенныхъ заканчивается повелѣніемъ оглашеннымъ выйти изъ храма.

Образъ совершенія І. Христомъ нашего спасенія.

Пришедъ на землю ради нашего спасенія, Господь І. Христосъ совершилъ оное Своимъ ученіемъ, жизнью, Своею смертію и воскресеніемъ.

а) Ученіе І. Христа было *Евангеліе царствія Божія*, т. е. ученіе о спасеніи и вѣчномъ блаженствѣ, то самое, которое и нынѣ преподается въ Правосл. Церкви (Мр. I, 14—15). Оно спасаетъ насъ тогда, когда мы принимаемъ его всѣмъ сердцемъ и живемъ по нему. Какъ ложное слово діавола, принятое первыми людьми, стало въ нихъ сѣменемъ грѣха и смерти: такъ напротивъ истинное слово Христово, глубоко принимаемое христіанами, является въ нихъ сѣменемъ (источникомъ) святой и безсмертной жизни. Ап. Петръ убѣждаетъ христіанъ любить другъ друга, какъ возрожденныхъ: „не отъ тлѣннаго сѣмене, но отъ нетлѣннаго, отъ слова Божія, живаго и пребывающаго во вѣкъ“ (1 Петр. 1, 23).

б) Жизнь І. Христа бываетъ для насъ спасительной тогда, когда мы ей подражаемъ, какъ Онъ Самъ говоритъ: *Аще кто Мнѣ служитъ, Мнѣ да послѣд-*

¹⁾ Изъ ереси монофизитовъ слѣдовало отрицаніе дѣйствительности страданій І. Христа.

ствуетъ: и идѣже есмь Азъ, ту и слуга Мой будетъ (Іоан. XII, 26).

О спасительности для насъ смерти и воскресенія І. Христа говорится въ 4 и 5 членахъ Символа вѣры.

9. Четвертый членъ Символа вѣры.

Въ четвертомъ членѣ Символа вѣры говорится о распятіи, страданіи, смерти и погребеніи Господа нашего І. Христа.

Причины распятія І. Христа заключались въ слѣдующемъ: а) Его, Святѣйшаго и Безгрѣшнаго, *возненавидѣли* іудейскіе старѣйшины и книжники за то, что Онъ обличалъ ихъ ложное ученіе и незаконную жизнь, и б) *завидовали* Ему, такъ какъ народъ, дивясь *словесемъ благодати, исходящимъ изъ устъ Его* (Лук. IV, 22) и видя въ Немъ великую любовь къ себѣ и милосердіе, толпами окружалъ Его, любилъ и слушался Его болѣе, нежели ихъ (Лук. XV, 1; Мѡ. IX, 10—13); поэтому они оклеветали Его и осудили на смерть.

Время распятія І. Христа точно обозначено въ Символѣ вѣры словами: *при Понтійстѣмъ Пилатѣ*, римскомъ правителѣ Іудеи, которая была въ то время подъ властію Римлянъ. Этимъ Отцы Собора показали, что вѣра христіанская (и распятіе І. Христа)—не вымыселъ, а точное историческое событіе, извѣстное каждому книжному человѣку.

Слова *при Понтійстѣмъ Пилатѣ* важны еще и какъ одно изъ многихъ доказательствъ, что распятый при Пилатѣ Іисусъ былъ истиннымъ Мессіею, Котораго ожидали Іудеи. Патріархъ Іаковъ, благословляя предъ смертію дѣтей, предсказалъ сыну Іудѣ: *Не оскудѣетъ князь отъ Іуды, и вождь отъ чреслъ его, дондеже придутъ отложенная ему* (пока не прій-

детъ Примиритель); и Той чаяніе языковъ (Быт. XLIX, 10). Уже при рожденіи І. Христа правилъ Іудеями Иродъ Идумеянинъ; распять былъ І. Христосъ при Пилатъ римлянинъ; такимъ образомъ, князья и вожди отъ Іуды уже прекратились; это должно было убѣдить Іудеевъ, что *распятый при Пилатъ Іисусъ* есть Примиритель Мессія.

Страданія и смерть І. Христа были: а) *не кажущимися*, какъ думали еретики *докеты*¹⁾, но были подлинными страданіями и смертію, почему враги Его, нисколько не сомнѣваясь въ Его человѣчествѣ и, наоборотъ, считая Его не Сыномъ Божіимъ, а обманщикомъ, даже приставили стражу къ Его гробу и запечатали оный. Поэтому въ Символъ прибавлены къ словамъ *распятаго* слова: *и страдавши, и погребенна.*

б) Страдалъ и умеръ І. Христосъ не Божествомъ, а человѣчествомъ, и не потому, чтобы не могъ избѣжать страданія, но потому, что восхотѣлъ пострадать. *Азъ душу Мою полагаю*, сказалъ Онъ, *да неки прииму ю. Никтоже возметъ ю отъ Мене, но Азъ полагаю ю о Себѣ. Область (власть) имамъ положить ю, и область имамъ неки прияти ю* (Іоан. X, 17—18).

Цѣль страданій и смерти І. Христа выражена словами Символа: *распятаго за ны.* Христосъ, спедши съ небесъ нашего ради спасенія и для сего будучи *распять за насъ*, избавилъ насъ Своею смертію отъ *грѣха, проклятія и смерти.*

Слово Божіе говоритъ

а) объ избавленіи отъ грѣха: *о Немже* (въ Немъ—І. Христѣ) *имамы избавленіе кровію Его, и оставленіе прегрѣшеній, по богатству благодати Его* (Ефес. I, 7).

¹⁾ Докеты (греч. *докео*—кажусь) полагали несомвѣстимымъ съ достоинствомъ Сына Божія Его воплощеніе и вочеловѣченіе и утверждали, что Сынъ Божій только казался человѣкомъ (какъ ангелы). Отсюда и распятіе Его было бы призрачнымъ и не имѣло бы существа страданія и жертвы.

Журналъ „ВѢРА и РАЗУМЪ“ издается съ 1884 года; за первые двадцать лѣтъ въ журналѣ помѣщены были, между прочимъ слѣдующія статьи:

Произведенія Высокопреосвященнаго Амвросія, Архіепископа Харьковскаго, какъ-то: „Живое Слово“, „О причинахъ отчужденія отъ Церкви нашего образованнаго общества“, „О религіозномъ сектантствѣ въ нашемъ образованномъ обществѣ“, кромѣ того, пастырскія воззванія и увѣщанія православнымъ христіанамъ Харьковской епархіи, слова и рѣчи на разные случаи и проч. Произведенія Высокопреосвященнаго Арсенія, Архіепископа Харьковскаго, какъ-то: бесѣды, слова и рѣчи на разные случаи и проч. Произведенія другихъ писателей, какъ-то: „Петербургскій періодъ проповѣднической дѣятельности Филарета, митроп. Московскаго“, „Московскій періодъ проповѣднической дѣятельности его же“. Проф. И. Корсунскаго.— „Религіозно-нравственное развитіе Императора Александра I-го и идея священнаго союза“. Проф. В. Надлера.— „Архіепископъ Иннокентій Борисовъ“ Біографическій очеркъ Свящ. Т. Буткевича.— „Протестантская мысль о свободномъ и независимомъ пониманіи Слова Божія“. Т. Стоянова (К. Истомина).— Многія статьи о Владиміра Гетте въ переводѣ съ французскаго языка на русскій, въ числѣ коихъ помѣщено „Изложеніе ученія католической православной Церкви, съ указаніемъ разностей, которыя усматриваются въ другихъ церквахъ христіанскихъ“.— „Графъ Левъ Николаевичъ Толстой“. Критическій разборъ Проф. М. Остроумова.— „Образованные евреи въ своихъ отношеніяхъ къ христіанству“. Т. Стоянова (К. Истомина).— „Западная-средневѣковая мистика и отношеніе ея къ католичеству“. Историческое изслѣдованіе А. Вертеловскаго.— „Имѣютъ-ли каноническія или общеправовыя основанія притязанія мірянъ на управленіе церковными имуществами“?— В. Ковалевскаго.— „Основные задачи нашей народной школы“. К. Истомина.— „Принципы государственнаго и церковнаго права“. Проф. М. Остроумова.— „Современная апологія талмуда и талмудистовъ“. Т. Стоянова (К. Истомина).— „Теософическое общество и современная теософія“. Н. Глубоковскаго.— „Очеркъ православнаго церковнаго права“. Проф. М. Остроумова.— „Художественный натурализмъ въ области библейскихъ повѣствованій“. Т. Стоянова (К. Истомина).— „Нагорная проповѣдь“. Свящ. Т. Буткевича.— „О славянскомъ Богослуженіи на Западѣ“. К. Истомина.— „О православной и протестантской проповѣднической импровизаціи“. К. Истомина.— „Ультрамонтантское движеніе въ XIX столѣтіи до Ватиканскаго собора (1869—70 г.г.) включительно“. Свящ. І. Арсеньева.— „Историческій очеркъ единовѣрія“. П. Смирнова.— „Зло, его сущность и происхожденіе“ Проф.—прот. Т. И. Буткевича.— „Обращеніе Савла и „Евангеліе“ св. Апостола Павла. Проф. Н. Глубоковскаго.— „Основное или Апологетическое Богословіе“. Проф.—прот. Т. И. Буткевича.— Статьи объ антихристѣ. Проф. А. Д. Бѣляева.— „Книга Руѣв“. Преосвященнаго Иннокентія, (бывшаго Экзарха Грузіи).— „Религія, ея сущность и происхожденіе“, Проф.—прот. Т. И. Буткевича.— „Естественное Богопознаніе“, Проф. С. С. Глаголева.— „Философія монизма“. Проф.—прот. Т. Буткевича.— „Матерія, духъ и энергія, какъ начала объективнаго бытія“. Проф. Г. Струве.— „Краткій очеркъ основныхъ началъ философіи“. Проф. П. И. Линицкаго.— „Законъ причинности“. Проф. А. И. Введенскаго.— „Ученіе о Святой Троицѣ въ новѣйшей идеалистической философіи“.— Проф. П. П. Соколова.— „Очеркъ современной французской философіи“. Проф. А. И. Введенскаго.— „Очеркъ исторіи философіи“ Н. Н. Страхова.— Этика и религія въ средѣ нашей интеллигенціи и учащейся молодежи“. Проф. А. Шилтова.— „Психологическіе очерки“. Проф. В. А. Снегирева.— Чтеніе по космологіи. Проф. В. Д. Кудрявцева.— „Законъ жизни“. Проф. Мечникова. Д-ра М. Глубоковскаго.

А также въ журналѣ помѣщаемы были переводы философскихъ произведеній Сенеки, Лейбница, Канта, Каро, Жане, Фулье и многихъ другихъ философовъ.

ОТЪ РЕДАКЦІИ

СВѢДѢНІЯ ДЛЯ Г.Г. СОТРУДНИКОВЪ И ПОДПИСЧИКОВЪ.

„

Адресы лицъ, доставляющихъ въ редакцію «Вѣра и Разумъ» свои сочиненія, должны быть точно обозначаемы, а равно и тѣ условія, на которыхъ право печатанія получаемыхъ редакціею литературныхъ произведеній можетъ быть ей уступлено.

Обратная отсылка рукописей по почтѣ производится лишь по предварительной уплатѣ редакціи издержекъ деньгами или марками.

Значительныя измѣненія и сокращенія въ статьяхъ производятся по соглашенію съ авторами.

Жалоба на неполученіе какой-либо книжки журнала препровождается въ редакцію съ обозначеніемъ напечатаннаго на адресѣ нумера и съ **приложеніемъ удостовѣренія мѣстной почтовой конторы** о томъ, что книжка журнала дѣйствительно не была получена конторою. Жалобу на неполученіе какой-либо книжки журнала просимъ заявлять редакціи **не позже**, какъ по истеченіи мѣсяца со времени выхода книжки въ свѣтъ.

О перемѣнѣ адреса редакція извѣщается своевременно, при чемъ слѣдуетъ обозначать, напечатанный въ прежнемъ адресѣ, нумеръ; за перемѣну адреса уплачивается 30 коп.

Посылки, письма, деньги и вообще всякую корреспонденцію редакція проситъ высылать по слѣдующему адресу: **въ г. Харьковъ, въ зданіе Харьковской Духовной Семинаріи, въ редакцію журнала „Вѣра и Разумъ“.**

Контора редакціи открыта ежедневно отъ 8-ми до 3-хъ часовъ по полудни; въ это-же время возможны и личныя объясненія по дѣламъ редакціи.

Редакція считаетъ необходимымъ предупредить г.г. своихъ подписчиковъ, чтобы они до конца каждой четверти года не переплетали своихъ книжекъ журнала, такъ какъ при окончаніи каждой четверти, съ отсылкою послѣдней книжки, имъ будутъ высланы для каждой части журнала особыя заглавные листы, съ точнымъ обозначеніемъ статей и страницъ.

Объявленія принимаются за строку или мѣсто строки за одинъ разъ 30 к., за два раза 40 к., за три раза 50 коп.

Редакторы: { Ректоръ Семинаріи, Протоіерей Алексѣй Юшковъ.
Дѣйств. Статск. Совѣт. Константинъ Истоминъ.